

СОВРЕМЕННОЕ ЮКАГИРОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ АРКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

***СОВРЕМЕННОЕ ЮКАГИРОВОЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
АРКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ***

*Материалы всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 85-летию известного юкагирского ученого,
поэта, общественного деятеля*

***Гаврила Николаевича Курилова – Улуру Адо
(Якутск, 27–28 апреля 2023 г.)***

УДК 821.554Улуро Адо.06(063)
ББК 83.3д(2=753.4)6я43
С 56

*Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН*

Редакционная коллегия:

к. пед. н. *П.Е. Прокопьева* (отв. ред.),
к. филол. н. *С.И. Шарина*, к. филол. н. *Р.П. Кузьмина*

Рецензенты:

к. филол. н. *Н.И. Попова*, д. соц. н. *Е.Г. Маклашова*

Издание осуществлено в рамках реализации Государственной программы
«Сохранение и развитие государственных и официальных языков
в Республике Саха (Якутия) на 2020-2024 годы»

С56 Современное юкагироведение в контексте арктических исследований:
материалы всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 85-летию известного юкагирского ученого, поэта,
общественного деятеля Гавриила Николаевича Курилова-Улуро Адо
(Якутск, 27–28 апреля 2023 г.) / редакционная коллегия: П.Е. Прокопьева
(ответственный редактор), С.И. Шарина, Р.П. Кузьмина. – Якутск:
ИГИиПМНС СО РАН, 2023. – 204 с.

В сборник вошли доклады и сообщения участников всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию известного юкагирского ученого, поэта, общественного деятеля Гавриила Николаевича Курилова – Улуро Адо. В материалах сборника обсуждаются актуальные проблемы изучения языков коренных народов Севера, юкагирской литературы, фольклора народов Арктики, рассматриваются вопросы этнической культуры юкагиров в диахронии и синхронии.

Для языковедов, этнографов, историков и всех, кто интересуется вопросами исследования народов Арктики и Севера.

*В оформлении обложки использована фотография горы Албай в Олеринской тундре
Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия).*

УДК 821.554Улуро Адо.06(063)
ББК 83.3д(2=753.4)6я43

DOI: 10.25693/Sbornik2023UluroAdo
ISBN 978-5-902198-62-8

© ИГИиПМНС СО РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СЕВЕРА	
<i>Прокопьева П.Е., Шарина С.И.</i> Научный вклад Г.Н. Курилова в североведение	10
<i>Ильина Л.А.</i> Полипредикативные высказывания с сенсорной эвиденциальной семантикой в текстах традиционного фольклора колымских юкагиров	17
<i>Данилова Н.И., Дьячковский Ф.Н.</i> Юкагирские и якутские взаимосвязи в топонимии Якутии (обзор исследований)	24
<i>Шарина С.И.</i> Собираательные числительные в тунгусо-маньчжурских языках	29
<i>Андреева Т.Е.</i> Экспериментально-фонетические исследования языков коренных народов Республики Саха (Якутия)	36
<i>Вртанесян Г.С.</i> Реликты парного счета в языках народов Северной Азии	42
<i>Жамсаранова Р.Г.</i> Личные имена хори-бурят палеоазиатского происхождения	48
<i>Мордашова Д.Д.</i> Юкагирские конструкции со значением движения с целью	56
<i>Прокопьева А.Е.</i> Количественная аспектуальность в языке лесных юкагиров	62
<i>Ушницкая Н.Ю.</i> Понятийная составляющая концепта «бэюн / копытный зверь» в эвенкийском языке	69
<i>Лукина М.П.</i> Роль первых словарей по юкагирскому языку в определении статуса юкагирских языков	72
<i>Кузьмина Р.П.</i> Образно-символические составляющие концептов весна и осень в эвенском художественном дискурсе	77
<i>Курилова Л.Г.</i> Семантика количественных глаголов в языке тундренных юкагиров	80
<i>Курилов А.Г.</i> История изучения юкагирских языков в России	85
<i>Бочкарев В.В.</i> Юкагирско-русский электронный словарь	91
<i>Татаева Ф.Н., Третьякова А.В.</i> Изучение тундренного юкагирского языка в с. Андрюшкино Республики Саха (Якутия)	93

II. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА: ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, ВЗАИМОВЛИЯНИЕ, ТИПОЛОГИЯ

<i>Сидоров О.Г.</i> Улуру Адо: жизнь как манифестация	101
<i>Чарина О.И.</i> Характер влияния юкагирского фольклора на русские старожильческие песни и сказки Северо-Востока Якутии	106
<i>Торокова Е.С.</i> Хакасские параллели к юкагирской сказке «Петр Бэрбэкин» в области мифологических представлений	111
<i>Покатилова Н.В.</i> Понятие «архаизм» в фольклорной традиции (по полевым исследованиям А.А. Саввина)	116
<i>Ларионова А.С.</i> Соотношение песенного и словесного начал в Якутском осуохае (по материалам вилюйской экспедиции М.Н. Жиркова)	124
<i>Варламов А.Н.</i> Этимология названий родов в генеалогических преданиях эвенков	129
<i>Петрова В.А.</i> Юкагирская сказка «Сэмтэнэй-Пэлдудиэ» и ее сюжетные аналоги	134
<i>Курилова Л.Г.</i> Поэтонимы в творчестве Улуру Адо	141
<i>Казаев А.В.</i> О творческом псевдониме юкагирского писателя и ученого Николая Ивановича Спиридонова – Тэки Одулока	150
<i>Санникова И.И., Вензель В.С., Константинова Е.Р.</i> Особенности изучения юкагирской литературы в Арктическом государственном институте культуры и искусств	158

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮКАГИРОВ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

<i>Бравина Р.И.</i> По следам охотников за бивнями: «сумеречные» юкагиры	163
<i>Сирина А.А., Макаров С.С.</i> Дневники В.И. Иохельсона – новый источник по юкагироведению	168
<i>Алексеева С.А.</i> О шаманизме юкагиров и тунгусов по экспедиционным материалам В.И. Иохельсона	174
<i>Жукова Л.Н.</i> Юкагирские амулеты естественного и искусственного происхождения	178
<i>Шенталинская Т.С.</i> Юкагирский след в традиционной культуре марковцев	184
<i>Иванова-Унарова З.И.</i> Юкагирская графика от пиктограмм на бересте до вариаций Николая Курилова	192
<i>Филиппова В.В.</i> Юкагиры Якутии в XXI вв.: локальные и региональные особенности	198

Предисловие

Изучение исчезающих миноритарных языков и культур, имеющее важнейшее значение для сохранения языкового и культурного разнообразия, относится к числу актуальных и приоритетных направлений современной науки. Исследование языков и культур малочисленных народов Севера создает базу для противостояния реальной угрозе исчезновения этнической самоидентификации этносов, численность которых значительно уступает другим этническим группам. Перед учеными и специалистами стоят неотложные задачи фиксации и документации языков и культур, находящихся под угрозой исчезновения, исследование вопросов их формирования, взаимодействия, типологии и функционирования, выработки комплекса мер, направленных на сохранение и развитие языков коренных народов Арктики и Севера.

Сборник составлен на основе докладов и сообщений, представленных на всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию известного юкагирского ученого, поэта, общественного деятеля Гавриила Николаевича Курилова – Улуро Адо. Конференция была проведена Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в Якутске 27–28 апреля 2023 г. при финансовой поддержке автономного учреждения РС(Я) «Дом дружбы народов им. А.Е. Кулаковского» в рамках реализации мероприятий государственной программы Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020-2024 годы».

Программа всероссийской научно-практической конференции предусматривала пленарное заседание, работу четырех секций и научного семинара по актуальным вопросам исследования языков и культур народов Арктики и Севера. По итогам работы конференции выработаны рекомендации для поддержания полноценного функционирования языков и культур коренных народов Арктики на перспективу.

На конференции было заслушано 98 докладов участников из разных регионов страны – Амурской области, Забайкальского края, Новосибирской области, Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Республики Хакасия, а также из Москвы и Санкт-Петербурга.

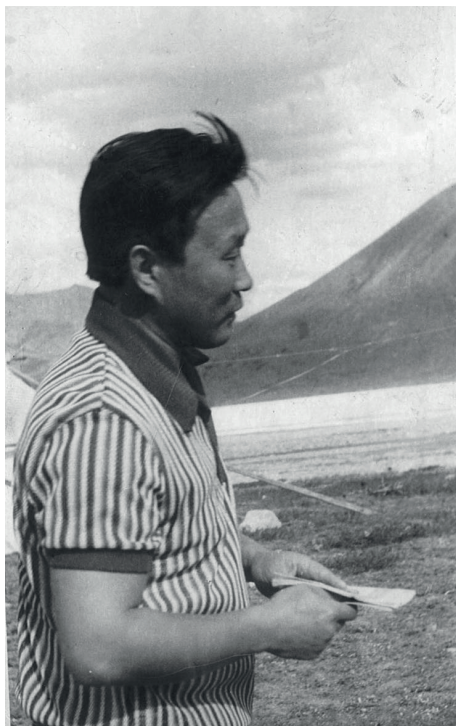
Доклады, включенные в настоящий сборник, посвящены изучению фонетики, грамматического строя, синтаксических особенностей, контактов и взаимодействия в лексике языков коренных народов Арктики, языковой картины мира и семантики. Литература и фольклор коренных народов представлены как важный элемент культуры для сохранения идентичности северных этносов, рассматриваются вопросы локальной специфики фолькло-

ра и взаимовлияния устнопоэтических традиций. В центре внимания исследователей – этническая культура юкагиров в диахронии и синхронии, задачи популяризации культурного наследия.

Материал сборника вводит в научный оборот новые фактологические материалы, архивные источники, осмысленные с позиций современных междисциплинарных подходов и методов гуманитарных наук. Сборник представляет интерес для лингвистов, этнографов, историков и всех, кто интересуется вопросами исследования народов Арктики и Севера.

Статьи сборника даются в авторской редакции.

*Г.Н. Курилов в экспедиции, 1978 г.
Из семейного архива семьи Куриловых.*

КУРИЛОВ ГАВРИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Курилов Гаврил Николаевич (Улуро Адо) – первый юкагирский ученый-лингвист, доктор филологических наук, поэт, прозаик, публицист, педагог, общественный деятель.

Родился 30 апреля 1938 г. в Нижнеколымском районе Якутской АССР. После окончания школы учился в Якутском педучилище, затем – на северном отделении Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена.

До поступления в аспирантуру работал учителем русского языка и литературы в Андрушкинской восьмилетней школе Нижнеколымского района.

В 1965–1968 гг. учился в аспирантуре Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. В 1969 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сложные имена существительные в юкагирском языке» под руководством выдающего ученого-тунгусоведа, профессора В.И. Цинциус.

Работая с 1968 г. в Институте языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, прошел путь от лаборанта до заведующего сектором северной фило-

логии. С 1992 г. с созданием Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН был заведующим сектором палеоазиатской филологии, с 2008 г. является главным научным сотрудником отдела северной филологии ИГиИПМНС СО РАН.

Круг научных интересов Г.Н. Курилова обширен и охватывает актуальные проблемы юкагирской филологии.

Он является разработчиком орфографии юкагирского языка на основе кириллицы, составил «Правила орфографии в юкагирском языке» (Якутск, 1982).

Г.Н. Курилов – автор таких крупных научных работ, как «Сложные имена существительные в юкагирском языке» (Л., 1975), «Именное аффиксальное образование имен существительных» (Якутск, 1980), «Юкагирско-русский словарь» (Якутск, 1990), академический «Юкагирско-русский словарь» (Новосибирск, 2003), «Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль в нем якутского языка» (Новосибирск, 2003), «Современный юкагирский язык» (Якутск, 2006), составитель тома «Фольклор юкагиров» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (М.; Новосибирск, 2005).

Г.Н. Курилов являлся членом Ученых советов ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, ИПМНС СО РАН, Объединенного ученого совета Якутского научного центра и Академии наук РС (Я), Научно-консультативного совета при Президенте РС (Я) М.Е. Николаеве, Совета по языковой политике в РС (Я). Состоит в диссертационном совете ИГиИПМНС СО РАН.

Участвует в подготовке научных кадров по юкагирскому языку.

Г.Н. Курилов – педагог, пропагандист родного языка и культуры. В 60-х гг. 20 в. начал проводить передачи на юкагирском языке и давать уроки родного языка по якутскому радио. Благодаря ему на юкагирском языке впервые появились букварь (Якутск, 1987), юкагирско-русский разговорник (Якутск, 1994). С 1993 по 2005 гг. читал курс лекций на северном отделении филологического факультета ЯГУ им. М.К. Аммосова, руководил дипломными работами выпускников, участвовал в работе Государственных экзаменационных комиссий. В 2003–2009 гг. на общественных началах преподавал юкагирский язык и культуру в воскресной школе при Доме народов Севера.

Постоянно выступает на радио и телевидении, публикуется в периодической печати по проблемам сохранения языка и культуры юкагирского народа.

Научная деятельность по изучению родного языка и фольклора сыграла важную роль в становлении яркого и самобытного поэтического и прозаического творчества Г.Н. Курилова. Г.Н. Курилов – основоположник юкагирской литературной поэтической традиции, печатается под псевдонимом Улуро Адо, что в переводе с юкагирского означает «сын Олеринской тундры». Член Союза писателей СССР с 1976 г.

Первая подборка стихотворений поэта увидела свет в 1965 г. в популярном литературно-художественном журнале «Юность». Его стихотворения издавались во многих известных литературных журналах, коллективных

сборниках поэтов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Стихотворение «Посмотрите, люди Земли...» было опубликовано в журнале «Советская литература», выходившем на иностранных языках.

Творчество поэта представлено в сборниках на юкагирском языке – «Лааннай одьил йахта» (1970), «Лабунмэдэну эндэрил» (1988), на русском языке – «Юкагирские костры» (1965), «Пока дремлют олени» (1973), «Рас-топленные снега» (1975), «Милая Лабунмэдэну» (1992), «Весть из тундры» (2006), «Монолог аборигена Арктики» (2011), «Высверки звезды арктической» (2016), «Отсветы любви» (2021), в книге «Избранное: стихотворения, поэмы, рассказы, эссе, публицистика» (2013).

Улуро Адо – автор поэм на юкагирском языке: «Көдэ Мэруу Ныйуол. Йуку уорпиэнь» – «Сказка о Человеке и Красном Звере» (1969), «Капли пота» (1969), «Нунни» (1970), «Незакатное солнце» (1973), «Письма матери» (1975), «Ньяаawalданья мумдэл» – «Гул полярного сияния» (1985), «Идилwэй» (2001); «Ищу свою мечту» (2016) и др.

Как прозаик, Г.Н. Курилов написал детское произведение «Юко ньиэ-дhillпэ» – «Рассказы Юко» (1980), которое в 2017 г. было издано на французском языке.

Он известен и как первый юкагирский драматург: его пьесу «Мой друг Чага» несколько раз ставили в детском кукольном театре г. Хабаровска, а по его либретто в 80-е годы прошлого столетия балетмейстером М. Сайдыкуловой в Театре оперы и балета г. Якутска был поставлен балет «Амо и его друзья» на музыку В. Каца.

Г.Н. Курилов – неумолимый общественный деятель. Он создатель и первый председатель Ассоциации юкагиров РС (Я), Совета старейшин юкагирского народа. Принимал активное участие в организации юкагирских общин «Чайла» в Нижнеколымском и «Тэки Одулок» в Верхнеколымском районах. Является разработчиком проекта Закона РС (Я) «О Суктуле юкагирского народа». Участвовал в организации и проведении съездов юкагиров РС (Я).

Г.Н. Курилов – заслуженный ветеран СО РАН, академик Академии духовности РС(Я), член Союза писателей РФ, удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры ЯАССР», «Отличник народного образования ЯАССР», «Заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия)», премии Главы Республики Саха (Якутия) имени Н.И. Спиридонова – Тэки Одулока, награжден Знаком отличия РС(Я) «Гражданская доблесть», медалью Министерства науки и образования РС (Я) им. И.Д. Черского, знаком СО РАН «Серебряная сигма», Почетными грамотами СО РАН, Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) и др. Является Почетным гражданином Республики Саха (Якутия) и Нижнеколымского улуса.

І. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СЕВЕРА

УДК 001.92:929Курилов

НАУЧНЫЙ ВКЛАД Г.Н. КУРИЛОВА В СЕВЕРОВЕДЕНИЕ

Прокопьева Прасковья Егоровна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*
pproc@yandex.ru

Шарина Сардана Ивановна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*
sarshar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору результатов научной деятельности пассионарной личности для юкагирского народа Гаврила Николаевича Курилова, внесшего огромный вклад в развитие юкагиrowедения и североведения в целом. Он – первый ученый-лингвист из юкагиrow, разработчик юкагирской письменности, автор первого юкагирского словаря, первого юкагирско-русского разговорника, первого академического юкагирско-русского словаря, первый поэт, инициатор 1-го съезда юкагиrow, создатель Совета старейшин юкагирского народа, организатор юкагирских общин. Г.Н. Курилов – исследователь словообразования и лексикологии юкагирского языка, диалектолог, этимолог и собиратель юкагирского фольклора. Г.Н. Курилов относится к плеяде ученых, которые раздвинули горизонт североведческой науки, окрыленные ее высокими идеалами и устремлениями.

Ключевые слова: Г.Н. Курилов, научная деятельность, юкагиrowедение, североведение.

30 апреля 2023 года исполнилось 85 лет Гаврилу Николаевичу Курилову (Улуру Адо) – юкагирскому ученому-лингвисту, доктору филологических наук, поэту, общественному деятелю. По словам Гаврила Николаевича, 30 апреля – это дата по паспорту, точнее – он родился в пору рождения оленят, то есть где-то в середине апреля.

Г.Н. Курилов – пассионарная личность для юкагирского народа: он первый лингвист, разработчик юкагирской письменности, автор первого юкагирского словаря, первого юкагирско-русского разговорника, первого академического юкагирско-русского словаря, первый поэт, инициатор 1-го съезда юкагиrow, создатель Совета старейшин юкагирского народа, организатор

юкагирских общин «Чайла» в с. Андрюшкино Нижнеколымского района и «Тэки Одулок» в с. Нелемное Верхнеколымского района, разработчик проекта Закона РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа».

В данной статье мы сделаем небольшой обзор результатов научной деятельности ученого Гаврила Николаевича Курилова, внесшего огромный вклад в развитие юкагиrowедения и североведения в целом.

Становление Гаврила Николаевича как ученого-филолога началось с его поступления (после окончания северного отделения Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена) в аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. В 1969 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Сложные имена существительные в юкагирском языке» под руководством выдающего ученого-тунгусоведа, профессора В.И. Цинциус [Курилов 1969]. Диссертационное исследование Г.Н. Курилова получило высокую оценку таких выдающихся ученых, как академик В.М. Жирмунский, профессор В.А. Адмони, профессор В.М. Павлов и др.

Блестящая филологическая подготовка в одном из лучших научных учреждений страны рядом с выдающимися исследователями, безупречное знание родного языка и культуры, природный талант позволили Гаврилу Николаевичу стать высококвалифицированным специалистом в области юкагирского языкознания, создать научные труды мирового уровня.

Плодотворная научная деятельность Г.Н. Курилова связана с Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук, а затем с созданным на его основе ИПМНС СО РАН и далее – ИГиИПМНС СО РАН, где он прошел путь от лаборанта до заведующего сектором палеоазиатской филологии.

Многогранная личность – ученый, писатель, учитель, публицист, переводчик, общественный деятель, такой же многосторонностью, объемностью, масштабностью отличаются его научные интересы. Пожалуй, нет ни одной области юкагирской филологии, где бы не сказал свое веское, точное, глубокое слово Гаврил Николаевич. Это фонетика и орфография, лексикография, словообразование, грамматика, этимология, диалектология, фольклористика.

Г.Н. Курилов – создатель юкагирской письменности

Письменность юкагирского языка разработана в 1970 г. на основе русского алфавита, официально принята в 1983 году. При разработке норм графики и орфографии юкагирского языка в основу его литературного варианта был положен язык тундренных юкагиров. При выборе языка во внимание принимались его изученность, численность носителей, степень его распространенности, наличие художественных произведений на языке, преподавание в школе. Однако в «Правилах орфографии юкагирского языка», опубликованных в 1987 г., ученый отметил, что «ввиду слабой изученности диалектов

юкагирского языка не все вопросы юкагирской орфографии могли получить достаточно полное и удовлетворительное решение, вследствие этого данный свод правил нельзя считать окончательным» [Курилов 1987: 8]. С получением новых лингвистических данных по юкагирскому языку Г.Н. Курилов продолжил работу по усовершенствованию графики и орфографии. В 2003 г. он пишет, что с учетом существования проблемы орфографических норм и нового взгляда на статус так называемых юкагирских диалектов назрела необходимость усовершенствования литературного языка, в основе которого будут лежать оба близкородственных юкагирских языка [Курилов 2003: 6]. В 2017 г. при переиздании юкагирского букваря, вышедшего под его авторством в 1987 г., ученым предложил усовершенствованный алфавит, включающий 47 букв [Курилов и др. 2017]. В отличие от первоначального алфавита в 37 букв, в дополненный алфавит вошли буква W, вместо которой ранее использовали У, затем В, долгие гласные и дифтонги. С учетом этих поправок в последние годы активно разрабатывается учебная литература по языку тундрных юкагиров.

Г.Н. Курилов – исследователь словообразования и лексикологии юкагирского языка

Начав работу в этом направлении юкагирского языкознания во время учебы в аспирантуре, Г.Н. Курилов не перестает углублять свои исследования в последующем. Сначала на основе своей диссертации он издает монографию «Сложные имена существительные в юкагирском языке», где рассматривает вопросы именного словосложения [Курилов 1977]. Автор приходит к выводу, что сложные слова юкагирского языка представлены в основном определенными сложными словами, которые подразделяются на две противопоставленные по схеме построения группы: 1) соединения, образованные путем простого соположения компонентов и 2) соединения, образованные посредством соединительных элементов -н, -д. Ученый считает, что в современном юкагирском языке неоформленный атрибут выражает внешнее предметное значение, атрибут в форме -н, -д – внутренний относительный признак, при этом неоформленным первым компонентом передается почти то же содержание, что и оформленным компонентом. В наличии двух групп сложных существительных Г.Н. Курилов усматривает сосуществование в языке более древней и более поздней схем конструирования сложных слов [Курилов 1977: 102–103].

Дальнейшие результаты научных изысканий в области словообразования представлены исследователем в работе «Образование именных слов в юкагирском языке» [Курилов 1994], затем – в монографии «Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка)» [Курилов 2003], написанной на базе докторской диссертации [Курилов 2000]. В последнем труде впервые всесторонне описывается словообразовательная система юкагирского языка: аффиксальное образование гла-

гольных слов, аффиксальное образование именных слов, безаффиксальное словообразование, образование имен существительных посредством словосложения.

Известно, что словообразование тесно связано с лексикой и грамматикой. Посредством исследования словообразовательной системы юкагиrowского языка Г.Н. Курилов обращается к теме обогащения и совершенствования словарного состава юкагиrowского литературного языка, «призванного, – как подчеркивает автор, – сыграть решающую роль в сохранении и возрождении юкагиrowов как этноса» [Курилов 2003: 6]. В рамках разработки данной проблемы ученый дает характеристику русских заимствований, особенностям передачи русских фонем в заимствованных словах. Обобщая итоги работы по словообразованию, он утверждает, что «проблему совершенствования лексики юкагиrowского литературного языка можно решить, опираясь в первую очередь на его собственные словообразовательные ресурсы» [Курилов 2003, с. 270].

Г.Н. Курилов – диалектолог

На существенную разницу между юкагиrowскими языками обратил внимание еще первый исследователь юкагиrowского языка Владимир Ильич Иохельсон: «...мои исследования точно доказывают существование двух независимых диалектов – колымского и тундренного» [Иохельсон 2005: 89]. Крупный лингвист-юкагиrowед Ерухим Аврамович Крейнович, рассматривая особенности юкагиrowских языков, писал: «...лексические различия между диалектами настолько далеки, что взаимное понимание их носителей почти полностью исключено», «возможно, в результате дальнейших исследований придется признать их самостоятельными юкагиrowскими языками» [Крейнович 1968: 465].

Г.Н. Курилов в контексте своих лингвистических работ указывает на различия в лексике, морфологии и фонетике языков тундренных и лесных юкагиrowов [Курилов 2003, 2006]. Так, тундренный – «акающий», лесной – «окающий», тундренный – «секающий», лесной – «шекающий». Отдельные несоответствия обнаруживаются в морфологическом строе юкагиrowских языков. Например, суффикс творительного падежа в языке лесных юкагиrowов не имеет конечного *к* в отличие от языка тундренных, суффикс утвердительной формы основного падежа в тундренном юкагиrowском – это *-лэн*, тогда как в лесном – *-к* и др. Г.Н. Курилов отмечает и отличия фонетического характера.

В монографии «Лексикология современного юкагиrowского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка)» на основании анализа исторических данных о юкагиrowских группах, образцов юкагиrowской лексики, сохранившейся по словарным публикациям второй половины 18 – первой половины 19 в., Г.Н. Курилов говорит о самостоятельном статусе сохранившихся близкородственных юкагиrowских языков, заключая, что ранее существовала целая семья юкагиrowских языков [Курилов 2003: 22–24].

Г.Н. Курилова интересуют вопросы сравнительно-исторического языкознания: он обращался к проблеме генетических связей юкагирских языков, их статусе в составе уральской языковой семьи, писал о вероятных языковых связях юкагиrow и северо-американских племен Winti [Курилов 2003: 40–64].

Г.Н. Курилов – составитель первого юкагирского словаря

Огромным вкладом в сохранение и развитие юкагирского языка стал «Юкагирско-русский словарь» [Курилов 2001], составленный на основе словаря, изданного Г.Н. Куриловым в 1990 г. [Курилов 1990]. Словарь языка тундренных юкагиrow 2001 г. был значительно расширен за счет выявленных из различных источников лексем, включил фразовые примеры, раскрывающие основные и переносные значения лексических единиц, отредактирован с точки зрения переводов. В аннотации к словарю отмечено, что «каждая лексическая единица и ее значения иллюстрируются примерами, дающими представление об особенностях материальной и духовной культуры юкагиrow» [Курилов 2001]. Словарь по праву можно называть памятником этнической культуры юкагиrow, зафиксировавшим не только язык, но и этнографию народа, раскрывающим его душу, менталитет и характер. Данный словарь содержит около 11 тыс. лексических единиц нижнеколымских юкагиrow, что с учетом малочисленности носителей языка и его малоисследованности составляет достаточно крупный объем.

Нужно сказать, что в настоящее время Г.Н. Курилов ведет работу по дополнению и уточнению словаря, корректировке словарных статей с учетом новых языковых и лингвистических данных. Связи с угрозой исчезновения юкагирского языка данный труд имеет непреходящее ценностное значение.

Г.Н. Курилов – этимолог

Одним из предметов пристального научного внимания Г.Н. Курилова является этимология юкагирского языка. Отрадно, что вопросами происхождения юкагирских слов занимается человек, который одновременно является и носителем языка, и лингвистом. Тонкое филологическое чутье, знание родной культуры делают этимологические изыскания Г.Н. Курилова поистине уникальными. Этимологический анализ слов сопровождается погружением в историю и быт юкагирского народа, его мировидения и мироощущения. Этимологические разработки Г.Н. Курилова пока оформлены как научный отчет, но отдельные результаты работы представлены в ряде опубликованных статей, таких как «Этимологический анализ слова *йиэруучэ* ‘охотник’ в языке тундренных юкагиrow» [Курилов 2014], «Этимологическое значение юкагирских этнонимов WAДУЛ и АЛАЙИИ» [Курилов 2015], «Этимология существительных ЙУОРПУРЭ ‘тундра’ и ЙУОСЛААБАР ‘северная сторона’ тундренного диалекта юкагирского языка» [Курилов 2016] и др.

Г.Н. Курилов – собиратель фольклора

Г.Н. Курилов, участник многих научных экспедиций, известен как собиратель и публикатор юкагирского фольклора. Крупнейшим современным изданием устного народного творчества юкагиров стал том «Фольклор юкагиров» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», составленный Г.Н. Куриловым [Курилов 2005]. В него вошли образцы сказочной и несказочной прозы лесных и тундренных юкагиров, собранные в разное время разными исследователями, в том числе самим Гаврилом Николаевичем.

Ценность данной книги состоит в публикации текстов-инедитов, среди которых выделяются сказания тундренных юкагиров о богатыре Эдилвее, проливающие свет на специфику архаического эпоса юкагиров. Научное значение имеет вступительная статья Г.Н. Курилова об истории собирания юкагирского фольклора, его жанровой системе, народной терминологии, обозначающей жанры фольклора, о различиях фольклора тундренных и лесных юкагиров. К текстам даны комментарии языкового, этнографического, исторического, фольклористического характера.

Г.Н. Курилов – автор и составитель учебной литературы

В биографию Г.Н. Курилова вписаны страницы о его педагогической деятельности. В 1964–1965 гг. он работал учителем русского языка и литературы в Андриюшкинской восьмилетней школе Нижнеколымского района. С 1991 по 2008 гг. преподавал юкагирский язык на северном отделении филологического факультета ЯГУ им. М.К. Аммосова, руководил дипломными работами студентов. В 2003 – 2009 гг. на общественных началах обучал юкагирскому языку в воскресной школе при Доме народов Севера.

Как ученый, педагог, понимающий значение образования в сохранении исчезающего юкагирского языка, Г.Н. Курилов большое внимание уделяет разработке учебной литературы.

Благодаря ему на языке тундренных юкагиров впервые появились букварь [Курилов 1987], юкагирско-русский разговорник [Атласов и др. 1992].

В 2006 г. под его авторством вышло в свет учебное пособие «Современный юкагирский язык» [Курилов 2006], предназначенное студентам вузов и учащимся старших классов средней школы. Как научное исследование, работа наиболее полно описывает лексические, фонетические и грамматические особенности юкагирского языка. В пособии анализируются взгляды лингвистов на те или иные проблемы юкагирского языка, все данные обобщены и систематизированы по разделам языка.

В 2017 г. переиздан букварь тундренного юкагирского языка [Курилов и др. 2017], в обновлении учебника были задействованы учителя-практики из Андриюшкинской средней школы.

Сейчас Г.Н. Курилов является консультантом коллектива авторов, разрабатывающего учебники по тундренному юкагирскому языку и родной юка-

гирской литературе. Впервые в истории обучения юкагирскому языку вышли в свет учебные комплекты для начальных классов.

Г.Н. Курилов – организатор науки

Г.Н. Курилов принимает активное участие в подготовке научных кадров. Он стоял у истоков создания кафедры северной филологии филологического факультета Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, многие выпускники которой работают в родных школах.

Под его руководством защитили кандидатские диссертации по юкагирскому языку 4 аспиранта, которые сейчас успешно трудятся на ниве науки, продолжая научную эстафету своего Учителя. Двое из них работают в ИГИ-иПМС СО РАН, двое – в СВФУ им. М.К. Аммосова.

Г.Н. Курилов являлся членом Ученых советов ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, ИПМНС СО РАН, Объединенного ученого совета Якутского научного центра и Академии наук РС (Я), Научно-консультативного совета при Президенте РС (Я) М.Е. Николаеве. Состоит в диссертационном совете ИГИиПМНС СО РАН.

Пытливый ученый с колоссальным багажом знаний и опыта, он и сейчас трудится в родном Институте, являясь примером высокой работоспособности, ответственности, творческого поиска, стремления к профессиональному самосовершенствованию.

Из представленного обзора научной деятельности Г.Н. Курилова видно, что это исследователь из плеяды ученых, которые раздвинули горизонт североведческой науки, окрыленные ее высокими идеалами и устремлениями. Весь жизненный и научный путь Г.Н. Курилова направлен на то, чтобы, как он написал в одном своем стихотворении, «юкагиров тропа не пропала в песке, на обрыве не оборвалась...».

Список литературы:

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Л., 1968. – Т. V. – С. 435–452.

Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.00.00. АН СССР, Ин-т языкознания Ленингр. отд-ние. – Ленинград, 1969. – 205 с.

Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. – Л.: Наука, 1977. – 120 с.

Курилов Г.Н. Букварь: для 1-го кл. юкаг. шк. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1987. – 127 с. : ил. – (На юкаг. яз.)

Курилов Г.Н. Правила орфографии юкагирского языка. – Якутск, 1987. – 32 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 354 с.

Курилов Г.Н. Предания о древних людях = Чуольэ ньиэдьилтэ / Якутск: Розовая чайка, 1991. – 46 с. : ил. – (Библиотека журнала народов Севера «Розовая чайка»; № 1).

Курилов Г.Н. Этимологический анализ слова йиэруучэ ‘охотник’ в языке тундренных юкагиrow // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Ч. 3. – № 12 (42). – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 103–105.

Курилов Г.Н. Этимологическое значение юкагиrowских этнонимов WAДУЛ и АЛАЙИИИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10–1 (52). – С. 104–106.

Курилов Г.Н. Этимология существительных ЙУОРПУРЭ ‘тундра’ и ЙУОСЛА-АБАР ‘северная сторона’ тундренного диалекта юкагиrowского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8–2 (62). – С. 103–105

Атласов Е.А., Курилов Г.Н. Русско-юкагиrowский разговорник. Якутск: Розовая чайка, 1992. – 32 с. : ил. – (Б-ка журн. народов Севера «Розовая чайка»).

Курилов Г.Н. Образование именных слов в юкагиrowском языке. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1994. – 102 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагиrowского языка: Развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.02, 10.02.06. – Якутск, 2000. 254 с.

Курилов Г.Н. Юкагиrowско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагиrowского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.

Курилов Г.Н. Фольклор юкагиrow / сост. Г.Н. Курилов. – М. ; Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.

Курилов Г.Н. Современный юкагиrowский язык: учеб. Пособие. – Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.

Курилов Г.Н., Татаева Ф.Н., Третьякова А.В. Вадун букварь = Букварь тундренного юкагиrowского языка: учебник для общеобразовательных организаций. – Якутск: Айар, 2017. – 103 с.

УДК 811.554'37

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕНСОРНОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ТЕКСТАХ ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА КОЛЫМСКИХ ЮКАГИROW

Ильина Людмила Алексеевна
*Институт филологии СО РАН,
г. Новосибирск
ludil60@mail.ru*

Аннотация. На языковом материале текстов традиционного фольклора колымских юкагиrow выявлены и объяснены особенности полипредикативных сенсорных эвиденциальных высказываний архаичного типа. В них акустический источник информации о реальной ситуации указывается дублированно – лексической семантикой сказуемого модусной части, роль которого выполняют глаголы чувственного слухового восприятия, и граммати-

ческой семантикой сказуемого диктумной части, роль которого выполняет грамматикализованная аналитическая конструкция, также указывающая на слуховое восприятие той же реальной ситуации. Главным средством связи модусной и диктумной частей данных полипредикативных конструкций служит их семантическая взаимосвязь – указание семантики засвидетельствованности лексическими и морфологическими средствами. Эта двусторонняя семантическая связь, вероятно, является древней и архаичной, лишь отчасти сохранившейся в фольклорных произведениях юкагиров.

Ключевые слова: юкагирский язык, сенсорная эвиденциальность, «ауди-тив», полипредикативные сенсорные высказывания.

В произведениях древней коммуникативной сферы традиционного фольклора сохраняются диахронически ранние языковые явления, зачастую мало исследованные и мало изученные, особенно в языках устного общения. Академик Е.А. Хелимский писал о произведениях традиционного фольклора как о среде сохранения древнейших форм языка [Хелимский 2000: 155–158].

Недостаточно изученными и объясненными являются и сенсорно-эвиденциальные полипредикативные высказывания с семантикой чувственной засвидетельствованности сообщаемой информации.

Следует отметить, что грамматикализованная сенсорная эвиденциальность или чувственная засвидетельствованность в современных языках встречается редко и, как правило, только в тех из них, которые обслуживали в недавнем прошлом этнические культуры древнего происхождения. В таких языках имеются особые глагольные формы со специальными морфологическими показателями, выражающими сенсорно-эвиденциальные значения.

Сенсорно-эвиденциальные глагольные формы указывают на чувственные источники информации – зрение, слух, осязание, обоняние, общие ощущения.

Центральная оппозиция субкатегории сенсорной эвиденциальности – это оппозиция зрительного и незрительного чувственного восприятия, противопоставление видимых и невидимых ситуаций, репрезентированных в языковых сообщениях.

Оппозиция зрительного и незрительного чувственного восприятия в языковых сообщениях является главным индикатором исконности и глубокой древности глагольной категории эвиденциальности в языках Северной Азии, поскольку ее возможно объяснить с учетом данных исторической этнологии как грамматическое отражение системами этих языков в диахронической ретроспективе одной из центральных бинарных оппозиций древнего мифологического типа мышления – оппозиции видимого и невидимого. Исследование в древнем типе мышления бинарных оппозиций, преимущественно составленных из полярных сенсорных качеств, отражено, например, в известных трудах К. Леви-Строса [Леви-Строс 1983], Е.М. Мелетинского [Мелетинский 1983], А.Б. Островского [Островский 1997].

В Северной Азии сенсорные эвиденциальные глагольные граммы, указывающие в базовых значениях на чувственные источники информации, были известны до недавнего времени только по материалам четырех самодийских языков: ненецкого, энецкого, нганасанского и селькупского.

Вместе с тем сенсорные эвиденциальные глагольные граммы и формы, в том числе указывающие на визуальное и на слуховое восприятие говорящим референтной ситуации, давно выявлены американцами в ряде индейских языков Северной и Южной Америки и отражены в обобщающих лингво-типологических работах зарубежных и отечественных исследователей. Эти индейские сенсорные граммы и формы были учтены проф. Н.А. Козинцевой в ее известной семантической модели эвиденциальных высказываний, представленной в работе «Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) [Козинцева 1994].

В самодийских языках сенсорные глагольные формы традиционно обозначаются термином «аудитив», так как в преобладающем большинстве употреблений указывают на слуховое восприятие невидимых референтных ситуаций, устанавливаемых по их акустическим признакам. В ненецком языке и других самодийских языках аудитив – синтетическая форма с суффиксальными показателями: нен.=won(o)=, =mon(o)=; энецк. =onó=, =tonó=; нган. =miní=, =minu=; сельк. =kunä=, =kuni...=.

Грамматикализованная в данных показателях сенсорно-эвиденциальная аудитивная семантика переводится исследователями приблизительным русским лексическим эквивалентом ‘слышно’ [см. напр.: Прокофьев 1935: 69; Терещенко 1978:145].

Приведем показательные примеры полипредикативных сенсорных высказываний с аудитивной семантикой из ненецкого и селькупского языков:

(1) нен.

Тарем' инзелеб'нани тасий яха' нарохона хибяхава пинда=вон=да
(рубить=AUD=OBJ.3SG).

‘Так **слушаю я**: внизу в роще кто-то, **слышно, рубит** дерево.’ [Куприянова 1965: 682; 691]

‘Так **слушаю я**: внизу в роще кто-то дерево **рубит=слышно**.’

(2) сельк.

(Йомпа) ukkь çonDōqyt niçik ynDьñitъ: qur tap paçitъ=kunä=Ø
(рубить=AUD=OBJ.3SG).

‘(Йомпа) вдруг так **слышит**: человек это **рубит (слыхать)**.’ [Прокофьев 1935: 104]

‘(Йомпа – герой мифов) в один момент (букв. одного в промежутке) так **слышит**: человек это **рубит=слышно=(он)**.’

Это примеры полипредикативных высказываний с дублированным выражением аудитивной семантики: глаголы чувственного слухового восприятия в качестве сказуемого модусной части и глагольные формы

с суффиксальными показателями слуховой засвидетельствованности в качестве сказуемого диктумной части.

Таким образом, указание на чувственный слуховой источник реализуется в данных полипредикативных конструкциях дублированно – лексической семантикой сказуемого модусной части и грамматической семантикой сказуемого диктумной части. Один и тот же фольклорный персонаж, эксплицитно представленный как субъект слухового восприятия в модусной части высказывания, имплицитно представлен в том же качестве и в диктумной части высказывания показателем «аудитива».

Главным средством связи модусной и диктумной частей таких сенсорных эвиденциальных высказываний, служит, по-видимому их семантическая взаимосвязь – указание семантики засвидетельствованности лексическими и морфологическими средствами. Эта семантическая взаимосвязь (взаимозависимость) является, вероятно, древней и архаичной.

В текстах фольклора колымских юкагиров, записанных у них В.И. Иохельсоном в конце XIX в., мы обнаружили немногочисленные, но весьма показательные эвиденциальные полипредикативные высказывания с семантикой чувственной засвидетельствованности, типологически сходные с самодийскими, прежде всего, тем, что тоже дублируют модусными и диктумными предикатами значение слуховой засвидетельствованности.

Если в ненецком языке (и других самодийских языках) «аудитив» – синтетическая форма с суффиксальными показателями, то в юкагирском колымском языке «аудитив» – аналитическая форма: деепричастие на *(л)lä + мод = (мэд=)*, восходящий к основе глагола *мóдi = (мэди=)* – ‘слышать’. Анализ функционирования данной аналитической формы в фольклорных текстах колымских юкагиров позволяет рассматривать ее в качестве близкого типологического аналога самодийского аудитива [Ильина 2010].

В диктумной части приведенных ниже юкагирских предложений использована такая грамматикализованная аналитическая конструкция. В ней вспомогательным компонентом служит лексически десемантизированный глагол слухового восприятия с основой *мóдi = (мэди=)* ‘слышать’. В роли же ее основного компонента – носителя лексического значения – используется деепричастие на *=(л)lä*, которое в самостоятельном употреблении обычно выражает предшествование.

В выявленных нами примерах употребления рассматриваемой аналитической конструкции ее служебный компонент встречается только в формах 3-го л. ед. ч. – *мóдiî* (*мэдиî* и 3-го л. мн. ч. – *мóдуоңи* или *модуңи*). Эти словоформы в их самостоятельном употреблении (вне аналитической конструкции) В.И. Иохельсон обычно переводил русскими эквивалентами ‘слышен’, ‘слышится’ и ‘слышны’, ‘слышатся’. Однако аналитическую конструкцию *мóлло мóдiî* В.И. Иохельсон переводил иначе: «*Мóлло мóдiî* – буквально: – говоря слышна, говором слышна» [Иохельсон 1900: 22].

Компоненты данной конструкции в более поздней работе В.И. Иохельсон соединял дефисом: мóлло- мóди́ [см.: Иохельсон 2005: 385].

В приведенных ниже примерах данная глагольная аналитическая конструкция в роли конечного сказуемого высказывания указывает именно на слуховую засвидетельствованность невидимой, воспринимаемой только на слух, ситуации.

(3) юк. колым. Контекст. Старик подходит к своему жилищу (урасе) и по звучащему пению узнает, что жена жива и находится в урасе.

Púđät mǎrǐǎi: tǎrǐkǎđǎ jǎxtǎllǎ módič (AUD.3SG).

‘Со двора **прислушивается**: старушка как поет, слышно.’ [Иохельсон 1900: 3]

‘Снаружи **слушает он**: старушка **поющее-слышна**.’

В примере (3) акустический источник информации о реальной ситуации указан в высказывании дублированно: лексической семантикой сказуемого модусной части и грамматической семантикой сказуемого диктумной части.

(4) юк. колым. Контекст. На спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав снаружи крики девушки, входит в жилище и видит реальную ситуацию, ранее воспринятую только на слух.

Módim – tǐnǎtaŋ mǎrxil órnǎllǎ módič (AUD.3SG), *júom – paǐ čǎnma xóđoi, túđǎ jǎndóǎǵǎlǎ túđǎ-búđǎ átaxun nuǵónǎ móim*.

‘**Слушает** – упомянутая девушка **кричит, смотрит** – девушка на спине **лежит**, свое одеяло над собой обеими руками **держит**.’ [Иохельсон 1900: 139]

‘**Слышит он**: та (ранее названная) девушка (*mǎrxil*) **крича-слышна**, **видит он**: молодая женщина (*paǐ*) на спине **лежит (это видно)**, свое одеяло над собой двумя руками **держит (это видно)**.’

В примере (4) отчетливо прослеживается различие двух высказываний. В модусной части первого высказывания употреблен глагол слухового восприятия *módim* ‘слышит’, в диктумной части – в роли сказуемого глагольная бивербальная аналитическая конструкция *órnǎllǎ módič*, букв.: ‘крича – слышна’. В модусной части второго высказывания употреблен глагол зрительного восприятия *júom* ‘видит’, в диктумной части – в роли сказуемого глагол в форме настоящего совершенного времени изъявительного наклонения, указывающий на отчетливое зрительное восприятие. Следовательно, это наглядный пример оппозиции слухового и зрительного восприятия в языковом сообщении, пример отражения в грамматической системе оппозиции видимого и невидимого.

Нередко в полипредикативных высказываниях, роль сказуемого модусной части которых выполняет глагол зрительного восприятия, в диктумной части употребляется эвиденциальная форма косвенной засвидетельствованности с показателем *-lel-(-lǎl-)*.

(5) *Jrkin númǎk númmǎlǎ, šóǵi, júodi: írkin šorómoŋ lǎ=lǎl=yul* (жить=EVID=3SG).

‘Один дом нашла, вошла, **смотрит**: один человек, **видно, живет**’ [Иохельсон 1900: 5]

В данном примере проявляется, по-видимому, семантика неотчетливого зрительного восприятия. Такие высказывания требуют отдельного исследования.

(6) юк. колым.

Тудä полүддүн мөннi: «Пóлут, унүнгä **нүдiт áтахун шóромox кällä модүоңи (AUD.3PL)** jáхтät кällä модүоңи (AUD.3PL). Пóлут үкоч **морiңii – iбäйällä модүоңи (AUD.3PL)**.

‘Мужу говорит: «Старик, сверху по реке два человека **идут, с пением идут**». Старик вышел, **прислушивается – плачут**’. [Иохельсон 1900: 125]

‘Мужу говорит: «Старик, сверху по реке два человека **идут-слышно-они, с пением идут-слышно-они**». Старик вышел, **прислушивается – плачут-слышно (плача-слышны-они)**’.

(7) юк. колым.

Пáбägi **мóлло-мóдiч** (AUD.3SG): «*Ámä, пон чомон lүнäi, шäшпäд-äңil тонк*». *Анiцаға нүдät мóдiм, тудä пáбä-ацүгälä мóдiм*.

‘Старшая сестра его **сказала**: «Мама, сильно задымило, дверь закрой.» Сквернослов на дворе **слышал**, слова своей старшей сестры **слышал**’. [Иохельсон, 1900: 159].

‘Старшая сестра его **сказав-слышна**: «Мама, сильно задымило, дверь закрой!» *Анiцаға* (имя собственное, букв. Сквернослов) на дворе **слышал**, слова своей старшей сестры **слышал**’.

Говорящий (старшая сестра) находится внутри жилища (урасы), а два свидетеля речевого действия – адресат речи (мать) и сторонний свидетель (младший брат) – находятся снаружи. Они не видят говорящего и воспринимают речевое действие только на слух. Поэтому употреблена аналитическая глагольная бивербальная конструкция *мóлло мóдiч*, указывающая на слуховую засвидетельствованность речевого действия, а не противопоставленная ей форма *моннi*, указывающая на зрительную засвидетельствованность речевого действия.

В целом в проанализированных юкагирских полипредикативных сенсорных высказываниях прослежено следующее правило: если в роли сказуемого модусной части употреблен глагол слухового восприятия, то в роли сказуемого диктумной части – грамматически обязательна форма аудитива. Главным средством связи модусной и диктумной частей в большинстве подобных высказываний служит их семантическая взаимосвязь – указание семантики засвидетельствованности лексическими и морфологическими средствами. Эта двусторонняя семантическая связь, вероятно, является древней и архаичной, лишь остаточно сохранившейся в фольклорных произведениях юкагиров.

Особенности выражения модус-диктумных отношений в диахронически ранних сенсорно-эвиденциальных полипредикативных высказываниях

юкагиrowских (и самодийских) языков обусловлены в значительной мере глубинной ориентацией этих языков на грамматикализацию семантики засвидетельствованности (эвиденциальности), исторически сформировавшейся коммуникативной установкой носителей языка на обязательное указание в сообщениях источников сообщаемой информации, на отражение реальных ситуаций только вместе с источниками информации.

Условные обозначения:

AUD – показатель аудитива; EVID – показатель косвенной эвиденциальности; нен. – ненецкий язык; сельк. – селькупский язык; юк. колым. – юкагиrowский колымский язык; 3SG – личный аффикс 3 л. ед.ч.; 3PL – личный аффикс 3 л. мн. ч.; OBJ – объектное спряжение.

Список литературы:

Ильина Л. А. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагиrowский аналог // Матер. 3-й междунар. научн. конф. по самодистике (Институт филологии СО РАН, 26–28 октября 2010 г.). – Новосибирск: Любава, 2010. – С. 99–106.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагиrowского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Ч.1. – СПб., 1900. – 240 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиrowизированные тунгусы. – Новосибирск: Наука. 2005. – 675 с.

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа // Вопр. языкознания. – 1994. – № 3. – С. 96–104.

Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. – М.: Наука, 1965. – 756 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 536 с.

Мелетинский Е. М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса // Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – С. 467–522.

Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. – 280 с.

Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. – Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 132 с.

Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. – Л.: Наука. 1973. – 323 с.

Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 640 с.

ЮКАГИРСКИЕ И ЯКУТСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В ТОПОНИМИИ ЯКУТИИ (ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ)

Данилова Надежда Ивановна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*
nadiv2008@mail.ru

Дьячковский Федор Николаевич

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*
fedjatschkov0801@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – обзор заимствованных из юкагирского языка в якутский топонимов и, наоборот, заимствований из якутского в юкагирский. Топонимия и в юкагирском, и якутском языках имеет общие лексико-семантические признаки – основана главным образом на особенностях природного окружения (рельеф, объекты и т.д.). В результате обзора имеющихся работ по этой тематике выявлено, что топонимы в обоих языках требуют дальнейшего междисциплинарного исследования.

Ключевые слова: юкагирский язык, якутский язык, топонимия, обзор, классификация.

Статья посвящена обзору работ, посвященных сопоставлению топонимной лексики двух разносистемных языков – юкагирского и якутского. Как известно, носители этих языков издавна освоили обширные территории Сибири. Анализируемые в статье сопоставительные исследования имеют два аспекта: рассмотрение слов юкагирского происхождения, распространенных в системе якутской топонимной лексики, и наоборот, якутских топонимов, вошедших в состав юкагирских топонимов. Если взять первый из обозначенных аспектов, то он важен тем, что «в пространстве от Прибайкалья до Нижней Лены, включающем бассейн Лены в ее верхнем течении и бассейн Вилюя, выявляется очаг юкагироязычных топонимов и этнонимов, получающих интерпретацию из юкагирского языкового материала.» [Бурыкин 2008: 23]. Что же касается якутских заимствований в юкагирской топонимии, отмечается, что они широко распространены на территории «бассейна реки Колыма, а в частности, в Верхнеколымском улусе» [Курилов 2013: 43], где в настоящее время проживают юкагиры. Это двустороннее взаимовлияние в важном исконном пласте лексики, появившееся в результате контактов двух

коренных народов Сибири, безусловно, нуждается в дальнейшем глубоком междисциплинарном исследовании.

Главными источниками обзора послужили топонимические единицы, описанные и систематизированные в монографиях А.А. Бурькина «Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона: (топонимика и этнонимика Востока Сибири) и Ю. Г. Курилова «Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии». Активно использованы материалы научно-популярного очерка известного якутского топонимиста Багдарыын Сюлбэ «Топонимика Якутии». Авторы обращались также к работам Г.Н. Курилова и Багдарыын Нь.С. уола. В первом из названных монографий юкагирские топонимы получили освещение в широком контексте истории, языка, этногенеза народов Сибири. В монографии Ю.Г. Курилова получили описание «более 150-ти местных географических терминов, передающих особенности рельефа земной поверхности, гидрографии местности» [Багдарыын 2020: 31], проведен сравнительно-сопоставительный анализ юкагирских топонимов с географическими названиями соседних народов: эвенов, чукчей, якутов и русских.

Если обратиться к первому аспекту обзора, то большой интерес для топонимики Якутии представляют названия рек Якутии, прежде всего, *Өлүөнэ* ‘Лена’. По мнению А.А. Бурькина, оно имеет юкагирское происхождение: «в юкагирском языке имеется слов *йойл*, которое имеет значение ‘яр, крутой берег реки’: *йойнвагадьиэ* ‘небольшой яр в озере’, следовательно, по-юкагирски *йойл-эну(нг)*, *ойн=эну(нг)* - ‘река с крутыми берегами’. Крутые, обрывистые берега – яркая особенность рельефа, характерная для реки Лены в ее верхнем течении и отдельных мест в низовьях» [Бурькин 2006: 23]. При этом, основа *йойл* приведена со ссылкой на «Юкагирско-русский словарь» Г.Н. Курилова. Здесь важно мнение Ю.Г. Курилова, который отметил, что приведенное А.А. Бурькиным в качестве компонента названия *Өлүөнэ* «*эну(нг)* - *эну(н)* «река» присутствует почти во всех юкагирских потанонимах» [Курилов 2013: 19]. Иного мнения придерживался топонимист Багдарыын Сюлбэ со ссылкой на якутского лингвиста С.А. Иванова: «слово тунгусо-маньчжурского происхождения: ули - ‘река (большая)’ + йэнээ - ‘река (большая)’» [Багдарыын Сюлбэ 2004: 140]. Он при этом конкретизировал этимологию слова *Өлүөнэ* ‘Лена’: «по всей вероятности, первыми из тунгусских племен Лену заселили эвены, отсюда и ее эвенское название – Ули, т.е., река» [Там же: 40].

С природным окружением связан следующий распространенный на территории Якутии топоним Марха, этимоном которого предположительно является юкагирское слово. А.А. Бурькин отмечает: «юкагирскими по происхождению являются названия рек Марха – левый приток Лены и левый приток Вилюя, Мархара и Мархая в бассейне Вилюя, а также еще некоторые аналогичные названия в других местах – эти названия происходят

от юкагирского слова морхэ(нг) ‘карликовая береза, ерник’» [Бурыкин 2006: 40]. Багдарыын Сюлбэ возразил данной этимологии: «топонима Марха нет только на северо-востоке Якутии, где в последние столетия проживают юкагиры. Топонимы, производные от Марха, оформлены аффиксами тунгусо-маньчжурских языков» [Багдарыын Сюлбэ 2004: 13]. Правда, все же заметил, что «гипотеза А.А. Бурыкина заслуживает внимания, хотя топонимы Марха и производные от него имеются в местах обитания не эвенов (верхоянских), а эвенков, обитающих по Вилюю и Олекме» [Багдарыын Сюлбэ 2004: 13].

Следующим названием, заслуживающим внимания в рамках настоящей статьи, является гидроним Омолон, по поводу которого высказаны разные мнения. Так, Багдарыын Сюлбэ придерживался следующего мнения: «название расшифровывается из юкагирского Омол-он ‘хорошая река’ [Багдарыын 2004: 90]. Данное объяснение приведено со ссылкой на Г.Н. Курилова. А.А. Бурыкин тоже связывал это название с юкагирским, но объяснил его происхождение по-другому: «название Омолон объясняется из юкагирского языка, но совсем иначе, чем считали ранее. Оно должно сравниваться с юкагирским словом *эмул* ‘остров’, *эмул-онун* ‘река островов’. Как известно, Омолон и знаменит среди других рек северо-востока Азии своими многочисленными островами и протоками» [Бурыкин 2006: 47]. В исследовании Ю.Г. Курилова поддержано мнение А.А. Бурыкина [Курилов 2013: 29], но структура данного топонима определена по-другому, как образованная по модели «основа+основа»: «Омолон (Т) ‘Хорошая река’: < *омол* от слова *омочь* ‘хорошо’ + *-он* вариант слова *эну* ‘река’» [там же: 62].

Большой интерес представляют названия рек Якутии с компонентом *Чуо*. По предположению исследователей, эти слова имеют большое значение “в выяснении вопроса о былом расселении юкагиров» [Багдарыын 2004: 7]. Как предполагает М.С. Иванов-Багдарыын Сюлбэ, «слово *Чуо*, по всей вероятности, юкагирское: *Чуо* – железо, -нэ аффикс, выражающий значение обладания. Значит, *Чуона* – местность, имеющая железо» [Багдарыын 2004: 80]. Кроме того, основа *Чуо* ‘железо’ образовала топонимы Северо-Востока Якутии: «в Халарчинской тундре *Чуоннэ-мыгскын* ‘Холм, имеющий железо’, *Чуонэл ибил* ‘Железная сопка’» [там же: 81]. С таким объяснением топонима с компонентом *чуо* согласен и Ю.Г. Курилов: «названия рек *Чендон*, *Чона*, *Чуондон* и др. имеют юкагирское происхождение. ... Все эти названия можно этимологизировать как “Река, имеющая железо”. Впрочем, существительное *чуо(н)* могло обозначать и серебро, и золотые россыпи» [Курилов 2013: 68].

В поле зрения топонимистов находится также топоним *Дьяархан*, распространенный в Нюрбинском, Сунтарском, а также в Олекминском районах, т.е., на западе Якутии. По мнению Ю.Г. Курилова, он является заимствованием из юкагирского языка и связан со словом *йарха* ‘лед’. От данной основы образованы топонимы Ярхача ‘Ледяное’ < *ярха* ‘лед’ + *ча* вариант аффикса -чээ, обозначающего наличие чего-л. в большом количестве,

а также Ярхадан ‘Мерзлая река’ < ярха ‘лед’ + -д- соединительный согласный + -ан – вариант слова эну ‘река’ [Курилов 2013: 58-59]. Багдарыын Сюлбэ посвятил этому слову специальную статью «О топониме Яркан – Жархан», в которой отметил: «в сложении якутской народности определенную роль сыграл юкагирский компонент» [Багдарыын 1993: 107]. По предположению Багдарыына Сюлбэ, «по всей вероятности, этимомом его является юкагирское слово *йарха*, *йархан* или же *йарха-н* ледяной, где -н оформляет атрибут, т.е., определение» [Багдарыын 1993: 107].

По мнению Ю.Г. Курилова, к юкагирским относится и название реки *Адыачча*: «якутский топоним *Адыачча* (название реки в Верхоянском улусе Якутии), несомненно, восходит к юкагирскому топониму *Одунчаа* «Река, имеющая лиственницу» [Курилов 2008: 200].

В топонимах Якутии наблюдается и обратное явление – якутские заимствования в юкагирских. Прежде чем приступить к обзору, нужно отметить, что специалисты обращают внимание на роль якутского языка в формировании лексики современного юкагирского языка в целом. Так, Г.Н. Курилов отметил, что «единичные якутские (тюркские) заимствования обнаруживаются в самых различных областях лексики» [Курилов 2006: 24].

В монографии Ю.Г. Курилова проведен сравнительный анализ юкагирских и якутских топонимов и рассмотрены так называемые гибридные топонимы. Приведенные здесь для сравнения якутские топонимы «по своей семантике идентичны юкагирским топонимам и возможно даже, что эти названия являются дословными переводами юкагирских названий на якутский язык» [Курилов 2013: 43]. Для примера можно привести: *Булгунняхтах* оз.: як. *Булгунняхтаах* < *булгуннях* ‘курган, холм’ + *-таах*. Ср. *Ибал* (тунд.) ‘едома, увал, сопка, холм’, *Ибалтэгэ* ‘Большой холм’; *Дьахтар-Кюель* (як.) < *дьяхтар* ‘женщина’, *күөл* ‘озеро’. Ср. Пайтэн йалгил (Л.) ‘Озеро женщины’ и т.д. [Курилов 2013: 43].

Толкование якутских топонимов как переводы с юкагирского можно подтвердить также высказыванием Г.Н. Курилова: “На моей родине юкагирские топонимы буквально переводились на якутский язык и потом в этом якутском варианте входили в географические, маршрутные и т.д карты. Так, *Сускэдэну* (*сускэ* – камыш, *эну* – река) стал “Хомус Үрэх”, *Чайдэйюссуй* (*чайдэ* – рука, *йюссуй* – обмороженное) стал Илии Үлүйбүт ит.д.» [Курилов 1968: 67].

Как отметил Ю.Г. Курилов, существуют не только обоюдные заимствования, но и так называемые гибридные топонимы, которые представляют собой слова из разных языков и «возникают вследствие близкого соседства разных народов» [там же: 47]. Приведенные в рассматриваемом исследовании юкагирско-якутские топонимы являются сравнительно новыми и «появились после прихода якутов на Север» [Курилов 2013: 51]. Это, например, *Амундьянай дайдыканиэ* (Л.) – название местности ««Чебачья земляца»: *амундья* «чебак» + *-най* суффикс

© Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский

обладания, *дайдыканиэ* от якут. *дойду~дайды* «земля, страна» + *-кан* эвенский уменьшительный аффикс. На примере рассматриваемого топонима видно, что он образован из разноязычных элементов (юкагирского, якутского и эвенского)» [Курилов 2013: 51].

В целом, топонимов юкагирского происхождения на территории современной Якутии много, причём, это не только северо-восточная, но и западная её часть. После краткого обзора имеющихся материалов нужно согласиться с тем, что «в пространстве от Прибайкалья до Нижней Лены, включающем бассейн Лены в ее верхнем течении и бассейн Вилюя, выявляется очаг юкагироязычных топонимов и этнонимов, получающих интерпретацию из юкагирского языкового материала» [Бурькин 2006: 220]. Предпринятый обзор позволил выяснить, что топонимы как пласт лексики, свидетельствующий о характере мест проживания этноса и событиях в его истории, заслуживают глубокого изучения с привлечением этимологических и иных лингвистических данных палеоазиатских, алтайских, уральских языков.

Сокращения:

(Л) – слова лесных (верхнеколымских) юкагиров; (Т) – слова тундренных (нижнеколымских) юкагиров; юк. – юкагирский; як. – якутский

Список литературы:

Багдарыын С. О топониме Яркан–Жархан // Языки, культура и будущее народов Арктики. – Якутск: АО «Полиграф», 1993. Ч. 2. – С. 107.

Багдарыын Сүлбэ. Топонимика Якутии: краткий научно-популярный очерк. – Якутск: Бичик, 2004. – 190 с.

Бурькин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона: (топонимика и этнонимика Вост. Сибири). – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006. – 220, [3] с.

Багдарыын Ньургун С. уола. Юкагирские географические термины в топонимии бассейна реки Колыма // Евразийский союз ученых. – №4 (73). – 2020. – С. 29-33

Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык. – Якутск: ООО РИЦ «Офсет», 2006. – 280 с.

Курилов Г.Н. О некоторых юкагирских топонимах // Советское финно-угроведение. – Вып. 4. – Таллин, 1968. – С. 67-73.

Курилов Ю.Г. Лексико-семантическая и структурно-морфологическая характеристика юкагирских топонимов // Известия РГПУ им. Герцена. – 2008. – С.192-202.

Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – 96 с.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ТУНГУСО- МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Шарина Сардана Ивановна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
sarshar@mail.ru*

Аннотация. Разряды числительных тунгусо-маньчжурских языков представляют собой совокупность групп форм, различающихся как по распределению в отдельных языках, так и по способу выражения одних и тех же значений в отдельных языках. Словообразование числительных соотносится с формообразованием, хотя в ряде случаев меняются синтаксические функции производных, и иногда наблюдаются формы со сложной морфологической структурой, образующиеся не только от количественных числительных, но и от числительных других разрядов.

Собирательные числительные в тунгусо-маньчжурских (далее т.-ма.) языках не представляют собой однородного разряда и включают в себя несколько различных форм, сосуществующих одновременно в одном и том же языке. В статье рассматривается словообразование разряда собирательных числительных в т.-ма. языках. На основе имеющихся данных по языкам анализируются собирательные числительные: числительные для счета дней, числительные для счета животных, числительные для счета хозяйств, числительные для счета пальцев, числительные для счета пар предметов, числительные для счета мест и направлений, числительные для счета разных предметов, числительные для счета лет животного. Выясняется, что определенные формы являются древними, но большая часть представляет собой более поздние образования, характерные лишь для какой-то группы, подгруппы или одного языка.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, словообразование, собирательные числительные.

В т.-ма. языках представлена десятичная система числительных. Опыты сопоставления количественных числительных в т.-ма. языках представлены в работах В. Котвича [Котвич 1962: 137-138], В.И. Цинциус [Цинциус 1949: 274-275] и И. Бенцинга [Benzing 1955: 101-107], тем не менее открывается возможность еще раз рассмотреть системы определенных разрядов числительных по отдельным языкам и диалектам с привлечением некоторых новых материалов. Результаты реконструкции числительных в целом дискуссионными не представляются [Бурыкин,

1986]. Можно ограничиться здесь лишь отдельными уточнениями частного характера.

Собирательные числительные в т.-ма. языках не представляют собой однородного разряда и включают в себя несколько различных форм, сосуществующих одновременно в одном и том же языке. Примеры собирательных числительных, используемых для счета людей: эвенк. *jэгини* 'девять человек, девятеро, вдевятером', ороч. *зүри* 'двое', *илани* 'трое', *надани* 'семеро', сол. *зури* 'вдвоем', *илани* 'трое, втроем', эвен. *илнизур* 'втроем', *дыүнизур* 'вчетвером', нег. *илани*, *иланинасал-иланнасал* 'трое, втроем', ороч. *илан'э* 'трое, три человека', уд. *илани*, *иланина^hа* 'втроем, все трое', ульч. *иланни* 'втроем', орок. *иланне* 'трое', нан. *илани* 'три человека, втроем'.

Нет особых оснований сомневаться в том, что в основе компонента данных собирательных числительных лежит полнозначный в прошлом корень ни-/не- со значением "человек", который сохранился с тем же значением в орочском, удэгейском, ульчском языках. Его соответствия: эвенк. *ниравй* 'молодой мужчина', эвен. *н'эри* 'молодой парень, юноша', нан. *най* 'человек' являются, вероятно, морфологическими вариантами того же слова, имеющими единый корень, но различное суффиксальное оформление.

Вероятно, гомогенны с рассмотренными выше следующие формы собирательных числительных: ульч. *иланзири* 'трое', орок. *иланзэри* 'трое', нан. *иланзиари* 'трое'. Можно предполагать, что эти формы тождественны застывшим формам творительного падежа в безлично-притяжательной форме типа эвен. *илнизур* 'втроем'.

Как словообразовательные связи, так и грамматические характеристики рассмотренных выше числительных могут быть уточнены. В.И. Цинциус пишет, что собирательные числительные в эвенском языке «образуются с помощью суффикса -ни, при чем последний обычно сопровождается суффиксом творительного падежа -ди (-зи) с возвратным суффиксом множественного числа -ур.» [Цинциус 1947: 127]. В публикации памятников эвенского фольклора отмечается, что «В эпосе охотских эвенов собирательные числительные могут употребляться без аффикса творительного падежа -зур, например, диүни четверо. Формант -зур может также расчлениваться вставкой уточнительных, усилительных и ограничительных аффиксов, придающих числительному дополнительные смысловые оттенки, как например, в тексте: диүникэнзур 'вчетвером'» [Эпос 1982: 292]. В этом примечании можно отметить некоторые неточности. Во-первых, формант типа *дигни* – формы именительного падежа собирательных числительных без притяжательного оформления отсутствуют во всех известных эвенских говорах, и к тем материалам, к которым относится данный комментарий, не подтверждаются. Во-вторых, форма собирательных числительных с суффиксом -кан/-кэн для эвенского языка нетипична.

В эвенском языке собирательные числительные с основой типа *илни*=, *дигни*= имеют все падежные формы, кроме именительного падежа (формы,

типа приведенной в вышецитированном комментарии, не опознаются информантами). От этих числительных образуются увеличительные формы с суффиксом –нза/-нзэ и уменьшительные формы с суффиксом –чан/-чэн: *илнинзэзур* `все втроем, трое – о ком-либо большом`, *илничэнзур* `только втроем, трое – о ком-либо маленьком, имеющем небольшие размеры`. Падежная парадигма у всех форм собирательных числительных является практически полной, но склоняются данные числительные в сочетании с притяжательными суффиксами единственного (но не множественного) числа. Примеры: *илинивэн, илнинзэвэн, илничэмэн* `всех троих`, *илнидун, илнинзэдун, илничэндун* `всем троим`, *илниткин, илнинзаткин, илничантакин* `ко всем троим`, *илнилан, илнинзалан, илничандулан* `у всех троих`, *илнигāн, илнинзāйāн, илничанган* `для всех четверых` [Шарина 1999: 40].

Как нетрудно заметить, ограничительные формы собирательных числительных образуются при помощи иных увеличительных и уменьшительных суффиксов, нежели ограничительные количественные числительные, что и дает основание не признавать образование этих форм формобразованием внутри известных разрядов числительных, а выделять их в самостоятельные разряды числительных.

Из других форм собирательных числительных необходимо привести следующее: эвенк. *зўкрэ, зўксэ Н, зўкчэ Е, чўкту И* `двое, вдвоем`, нег. *иланиуасал* `трое, втроем`, уд. *иланиуа^hа* `втроем`, ульч. *илан тууасар* `трое, втроем`, тун'затууасарзири `впятером`, орок. *илатууа, илатууаса* `трое, втроем`. Компонент *-уаса/-уасар/-уа* может быть тождественным этимологически слову *гэсэ* `вместе`, на полиморфность которого указывает эвен. *гэли* `вместе` (частица, в ряде говоров превратившаяся в падежный суффикс). Конечное –р в ульчском, возможно, аналогично суффиксу множественного числа (соответствие сонантов в целом по южнотунгусским языкам неупорядоченное, ср. ульч. *зуэл* `два` вместо формы на –р).

В ороцком языке представлена разновидность ограничительных форм собирательных числительных: *иламиса* `все трое`, *дймде, дймисэ* `все четверо`. В южнотунгусских языках представлены формы ограничительных собирательных числительных: ульч. *иланту*, нан. *иланто/у* `все трое`. В орокском языке аналогичная форма послужила производящей основой для форм типа *илатууа, илатууаса* `все трое`. В маньчжурском языке сосуществуют варианты форм собирательных числительных *зунафи* `два человека`, где *нофи* `особа, человек`. Формы *сунзанофи* `пять человек`, *иланофи* `три человека`, отмеченные и в сибирском диалекте [Захаров 1875: 63] – явное позднее новообразование.

Формы собирательных числительных с суффиксом *-нту* могут быть гомогенными с севернотунгусскими числительными для счета хозяйств (эвенк. *-нну*, эвен. *-нру*), в других языках параллели отсутствуют. Перенос значений в принципе возможен: три человека > “все три человека”, “три человека > три хозяйства, семья”.

Числительные для счета дней или суток имеют единообразное оформление во всех языках, где они встречаются, однако фиксируются они далеко не во всех языках (их нет в солонском, эвенском и маньчжурском языках). Примеры: эвенк. *илама~илалда~илалра* `три дня`, нег. *илала* `три дня`, *зулэ* `два дня`, ороч. *илакта* `три дня`, ульч. *зуэлтэ* `два дня`, орок. *зйлтэ* `четыре дня`, нан. *дуилтэ* `четыре дня, четырехдневка`. Само собой напрашивается сопоставление архетипа этого суффикса -лта с одним из собирательных суффиксов т.-ма. языков – -лта. Однако дистрибуция этого суффикса в именах существительных не совсем ясна для того, чтобы данное сопоставление было достаточно надежным. Возможно, впрочем, думать об имевшем место сужении значения у этого суффикса в сочетании с основами-числительными.

Другие формы числительных для счета дней в т.-ма. языках таковы: нег. *тонганиңасал* `пять дней, пятидневка`, ороч. *зуба* `двое суток` (здесь неясен статус второго компонента), *дймэ* `четыре дня`, *тунама* `пять дней`, *хујумэ* `девять дней`, уд. н' *ууурэгдэ нэунини* `шесть дней, шестидневка` (сочетание имени на –рэгдэ со словом “день”). Суффикс –ма/-мэ сходен с т.-ма. суффиксом прилагательных, однако это сходство может быть и случайным.

Числительные для счета крупных копытных животных (оленей, горных баранов, лосей) зафиксированы только в языках северной ветви тунгусской группы, причем не во всех, их нет в солонском. Примеры: эвенк. *илауда*, *илаура* `три оленя, лося`, эвен. *илаура* `три оленя, лося`, нег. *илауна* `три оленя, лося`, дйңнэ `четыре оленя, лося`. С этими формами может сравниться также орок. тундарақ `только пять животных`, где суффикс –нда, видимо, аналогичен рассматриваемому севернотунгусскому. Однако другие формы не отмечены, параллелей в южнотунгусских языках тоже нет. Видимо, этот разряд числительных объединял гетерогенные формы, так как для эвенского языка наряду с отмеченными выше присущи формы *тунуад* `пятерка (животных)`, *нюээр* `шесть животных` и *дяура* `десятка` – форма, содержащая архаическую эвенкийского типа основу числительного “десять” [Цинциус 1947: 128]. Второй компонент, очевидно, первоначально составного суффикса –нда идентифицируется с составной частью собирательных суффиксов –нда/-лда, рассматривавшихся в работах В.И. Цинциус и позднее О.П. Суника [Цинциус 1946; Суник 1982].

Числительные для счета юрт, хозяйств, находящихся в одном месте, известны только в двух языках – эвенкийском и эвенском. Примеры: эвенк. *иланну*, *иланду*, *иларну* (явная метатеза) `три юрты, три хозяйства`, эвен. *илауру*, *иланду* `три юрты, три хозяйства в одном месте`, *зурпу* `два хозяйства`. Как отмечает В.И. Цинциус, употребляются эти числительные крайне редко и известны далеко не всем эвенкам [Цинциус 1947: 128]. Можно добавить, что в ольком говоре эвенского языка нами отмечено употребление словосочетания *заура зү* `десять домов` – с той формой числительных, которая соответствует числительным для счета животных. С некоторой

гипотетичностью можно полагать, что суффикс этого разряда числительных восходит к слову *зӯ* 'дом'. Однако еще не совсем ясно, в какой форме должен восстанавливаться общетунгусоманьчжурский или общесевернотунгусский архетип этого слова.

Числительные для счета пальцев как единиц измерения величины предмета зафиксированы только в южнотунгусских языках. Примеры: ульч. *иларгу(н)* 'три пальца', *дуиргу(н)* 'четыре пальца', орок. *дӯниңги* 'два пальца', *зйиңиңги, зйиңиңилэ* 'четыре пальца', нан. *иларго/у* 'три пальца', *хујургу* 'девять пальцев'. Этимология форманта -ргу достаточно прозрачна: он восходит к полнзначному слову со значением "палец" (ср эвен. *хөрэгэн* 'большой палец'), хотя неясны причины изменения гласного в суффиксе.

Появление этого разряда связано со специфическими новообразованиями аналогичного типа, характерными для южнотунгусских языков, контактирующих с языками, имеющими системы нумеративов или суффиксов-классификаторов.

Числительные для счета пар предметов отмечены только в нанайском языке (при этом их нет в отдельных говорах, в кур-урмийском и языке хэчжэ (китайских нанайцев) они не отмечены). Примеры: *илазурсу* 'три пары', *тојунгәзурсу* 'пять пар', *надазурсу* 'семь пар'. Вероятнее всего, формант -зурсу состоит из числительного *зур* 'два' и показателя разделительных числительных -рсу.

Числительные для счета мест и направлений отмечены лишь в эвенкийском языке: *иланмуса* 'три места, три направления', *дигинмусэ* 'четыре места, четыре направления'. Можно только высказать предположение, что суффикс данного разряда восходит к какому-то полнзначному слову, подобно тому, как это имеет место в других случаях.

Числительные для счета разных предметов, обозначающие некие совокупности считааемых предметов с более или менее единообразным морфологическим оформлением, отмечены в большинстве языков – нет их только в солонском, ульчском, нанайском и маньчжурском языках. Однако имеющихся данных вполне достаточно для того, чтобы признать данный разряд числительных общетунгусским по крайней мере по древности. Примеры: эвенк. *иларагда* 'три предмета', *запурагда* 'восемь предметов', эвен. *иларда* 'три предмета', *н'ууэрдэ* 'шесть предметов', нег. *тоңунарагда* 'пять предметов', *н'ууэрэгдэ* 'шесть предметов', орок. *иларагда* 'три предмета', уд. *зӯрэгдэ* 'два предмета', орок. *зйрэгдэ* 'четверка (об оленьей упряжке)', *н'ууэрэгдэ* 'шестеро (о животных)', *надарагда* 'семь предметов'.

В орокском языке наряду с вышеприведенными формами встречаются также формы *дӯрэк* 'пара (олений)', *зйрэк* 'вчетвером (об оленях)', *н'ууурэк* 'вшестером', *надарак* 'всемером'. Одно из таких образований с суффиксом -рак уже было отмечено при характеристике числительных для счета животных. Суффикс -рак фонетически сходен с эвенским суффиксом -*нраг/-нрэг*, имеющим значение "только названный предмет,

только предмет, обладающий определенным признаком” [Цинциус 1947: 235]. Вполне возможно, что исходным значением этого суффикса было значение ограничительности, тогда, при отождествлении форм с *-рак* и *-рагда* (правда, остается открытым вопрос об истории эвенского суффикса *-нраг*) второй компонент *-да* мог бы идентифицироваться с показателем собирательности и множественности. Возможно и членение форманта *-рагда* на *-ра* и *-гда* (формант *-ра* не может отождествляться с суффиксом кратных числительных, так как в последнем наличествует долгий гласный, а в рассматриваемом – краткий, подвергшийся синкопе в эвенском). Суффиксальный элемент *-гда* может отождествляться с именным суффиксом *-гда*, уже упоминавшимся выше.

Значение форм с суффиксом *-рагда* и их место среди разрядов числительных требует уточнений. Например, аналогичный разряд числительных в эвенском языке определен как «числительные собирательные для счета копыльев нарт, патронов, названий игральные карт, числа очков в игре и т.д.» [Цинциус 1947: 128]. При этом они переводятся так: *зə̄рдэ* `двойка, двойчатка`, *иларда* `тройка, тройчатка`.

Данные числительные по своему значению не обнаруживают общего инварианта, объединяющего обозначаемые ими предметы по разряду, форме и т.п. Перед нами обычные существительные типа русск. “двойка, тройка” (кальками с чего является употребление соответствующих эвенских форм для названия игральные карт). Следует иметь в виду также и то, что при употреблении в отношении к копыльям нарт данные формы числительных имеют весьма специфичные оттенки значения. Во-первых, подобные формы характеризуют не столько количество копыльев, сколько нарту в целом. Во-вторых, в разных говорах значения рассматриваемых форм могут оказаться различными. Например, в говоре эвенков пос. Иня Охотского района Хабаровского края формы *иларда*, *илардака* имеют значение `нарта с шестью копыльями, тремя парами копыльев – оленья`, *дигэрдэ*, *дигэрдэкэ* `нарта с восемью копыльями, четырьмя парами копыльев – собачья`, *тунуардака* `нарта с десятью копыльями, пятью парами копыльев – лошадиная`, в то время как в говорах пос. Гижига Северо-Эвенского района и пос. Омолон Билибинского района Магаданской области аналогичные значения передаются соответственно формами *н'ууэрдэ*, *запкарда* и *мя-рда*. Получается, что в инском говоре формы на *-рда* обозначают пары копыльев, а не единичные копылья нарты. Этнографическое объяснение этого довольно просто: счет велся на детали дугокопыльной нарты, наименования разновидностей которой были перенесены на прямокопыльные нарты, при этом перенос наименований был уже чисто лингвистическим явлением, не имевшим под собой реальности в чисто количественном отношении, существование дугокопыльной нарты с тремя парами копыльев, видимо, невозможно. Формы на *-рагда* следует рассматривать как отнумеративные имена существительные. Едва ли их можно считать особым разрядом числительных.

Числительные для счета лет животного, употребляемые атрибутивно и субстантивно, отмечены только в эвенкийских диалектах и солонском языке: эвенк. *диучий* 'четырёхлетний', *н'уучий* 'шестилетний', сол. *илати* 'трехлетний'. Подобные формы мы уже рассматривали в связи с порядковыми числительными. В эвенкийских диалектах наряду с вышеприведенными формами отмечаются также формы с суффиксом прилагательных обладания -лкан: *н'уулкэн* 'шестилетний' *М, Сх, Тт*, представляющие собой неологизм на уровне продуктивного словообразования (правда, применительно к классу имен числительных придется говорить скорее о формообразовании, нежели о словообразовании).

В эвенкийских диалектах, испытавших на себе влияние монгольских языков, встречаются и другие обозначения возраста животных, типа *гунан* 'трехлетний самец', *гуназин* 'трехлетняя самка', однако они заимствованы из монгольских языков старой формации и не мотивированы собственно т.-ма. числительными. В лексической системе тех говоров, в которых они встречаются, они должны быть отнесены к прилагательным, так как собственно монгольские количественные числительные в этих говорах не заимствованы. То же относится и к эвенк. *эһун* 'олень-бык шести лет и старше' давно уже сравниваемому с корейским *йэсэт, йэт* 'шесть' *йэсын* 'шестилетний – о животных' [ССТМЯ 1977: 471].

Ряды числительных т.-ма. языков представляют собой совокупность групп форм, различающихся как по распределению в отдельных языках, так и по способу выражения одних и тех же значений в отдельных языках. Ряд форм является древним, однако большая часть представляет собой довольно поздние образования, характерные лишь для какой-то группы, подгруппы или одного языка в целом.

Список литературы:

Бурыкин А.А. К изучению имен числительных в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тезисы докладов XXIX сессии постоянной Междунар. Алтаистической конф. (PIAC). – Ташкент, сентябрь 1986 г. – Ч. II. Лингвистика. – М., 1986. – С. 29–31.

Захаров И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. – Санкт-Петербург, 1875. – 1232 с.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. = *Studia nad językami ąltajskimi* / ред. Н.А. Баскаков, пер. с пол. А. И. Толкачева. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. – 351 с.

Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1931. – 148 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. – Т. 1–2. – Л.: Наука, 1975–1977.

Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках: В сравнении с другими алтайскими языками. – Ленинград: Наука, 1982. – 242 с.

© Т.Е. Андреева

Цинциус В.И. Множественное число имен в тунгусо-маньчжурских языках. // Уч.Зап.ЛГУ. – Серия филологических наук. – Вып. 10. – № 69. – Ленинград, 1946. – С. 73–119.

Цинциус В.И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. – Ленинград: Учпедгиз, 1947. – 270 с.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Ленинград: Учпедгиз, 1949. – 342 с.

Шарина С.И. Категория количественности в эвенском языке. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1999. – 144 с.

Эпос охотских эвенов. В записях Н. П. Ткачика. – Якутск: НИИЯЛИ, 1986. – 304 с.

Benzing J. Lamutische Grammatik. – Wiesbaden, 1955. – 254 p.

УДК 811.512.2'34

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Андреева Тамара Егоровна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

taan2001@mail.ru

Аннотация. Перед фонетистами стоит задача зафиксировать, пока не поздно, фонетические и фонологические системы языков коренных народов Севера РС(Я) – эвенов, эвенков, юкагиров, долган и чукчей. В статье как бы подводятся некоторые итоги проведенных экспериментально-фонетических исследований в области звукового строя (вокализма, консонантизма), ударения и ритмомелодики языков народов Севера РС(Я) – эвенского, эвенкийского и юкагирского языков РС(Я) и определяются дальнейшие перспективы этих работ. Были исследованы звуковой строй ольского, ламунхинского и догдо-чебогалахского говоров эвенского языка; томмотского говора эвенкийского языка; тундренного говора юкагирского языка. Исследования звуковых систем, акцентуации и интонации языков народов Якутии прошли два этапа: первый этап – 1933–1970 гг. – Ленинградский; второй этап – с 1970 г. по сей день – новосибирско-якутский. В исследованиях были использованы кимографические, осциллографические, рентгенографические эксперименты, также метод дентопалатографирования. В результате при изучении фонетики и фонологии коренных народов Севера РС(Я) решаются две основные теоретические задачи: 1) дается артикуляционная классификация звуков речи; 2) разработка теории артикуляционно-акустической базы.

Ключевые слова: языки коренных народов, экспериментально-фонетические исследования, звуковой строй, фонема, аллофон.

Экспериментально-фонетические исследования начались более столетия назад. В конце XIX – начале XX в. развились фонетическое и фонологическое направления в языкознании, заложенные И.А. Бодуэном де Куртэнэ и плодотворно развитые его сподвижниками Л.В. Щербой [Бодуэн де Куртэнэ 1973; Щерба 1973], В.А. Богородицким [Богородицкий 1896–1907]. Академик Л.В. Щерба при Петербургском (Ленинградском) государственном университете основал лабораторию экспериментальной фонетики, в которой воспитывалось не одно поколение фонетистов экспериментаторов, в том числе и специалистов по языкам народов Якутии.

Исследования звуковых систем, акцентуации и интонации языков народов Якутии прошли два этапа: первый этап – 1933–1970 гг. – Ленинградский; второй этап – с 1970 г. по сей день – новосибирско-якутский.

Первые эксперименты по звуковому составу ольского говора эвенского языка проводились Л.Р. Зиндером и М.И. Матусевич под руководством академика Л.В. Щербы еще в 1933–1934 гг. В них участвовала В.И. Цинциус. Однако результаты этих опытов в свое время не были опубликованы и лишь впоследствии нашли отражение в монографии В.И. Цинциус [Цинциус 1949].

Гласные звуки ольского говора эвенского языка обследовались путем рентгенографирования в 1955 г. К.А. Новиковой, но их качественные признаки, по мнению проф. М.И. Матусевич, были определены не совсем точно [Новикова 1955; Матусевич 1955].

Звуковой состав ламунхинского говора эвенского языка обследовался в 1955–1956 гг. М.И. Матусевич (при участии К.А. Новиковой). Материал, уточненный слуховым методом, был опубликован лишь в 1979 г. [Матусевич 1979]. В этой обстоятельной работе М.И. Матусевич на основе синхронного анализа согласных и гласных говора с уточнением их артикуляторных характеристик установила ограниченные и неограниченные дистрибутивные особенности согласных, отсутствие фарингализации гласных, наличие кратких и долгих, классифицируемых как передние, смешанные и заднерядные.

Кимографические, рентгенографические эксперименты в 1962–1969 гг. проводил В.Д. Лебедев при подготовке работы «Язык эвенов Якутии» [Лебедев 1978: 11–37]. В экспериментах автору неоценимую помощь оказали В.М. Надеяев и У.Ш. Байчура. В догдо-чебогалахском говоре эвенского языка было выявлено 18 гласных и 17 согласных фонем и намечено, что по составу и фонологической оппозиции гласных данный говор близок к нормам литературного эвенского языка. Краткие гласные непервых слогов в нем резко редуцированы, длительность дифтонгоидных гласных близка долгим гласным. В целом данный говор в работе охарактеризован как «ыкающий» и «окающий».

Вобластиконсонантизмаговоротличаетсяотдругихпреждевсегоявлением регрессивной ассимиляции в сочетании согласных с среднеязычными ч, дь, нь. Но в этой монографии В.Д. Лебедева экспериментально-фонетический материал слабо отражает системность звукового строя языка эвенов Якутии. И в связи с этим в настоящее время встают неотложные задачи обследования всей системы фонемного состава, акцентуации, интонации всего эвенского языка.

Второй этап экспериментально-лингвистических исследований языков народов Якутии начался с переездом в 1967 г. в новосибирский академгородок (ИИФФ СО АН СССР) последователя идей акад. Л.В. Щербы, известного специалиста по древним и современным монгольским и тюркским языкам, знатока тунгусо-маньчжурских языков, впоследствии основателя Сибирской фонологической школы В.М. Надеяева [Убрятова 1981: 3–24]. За 18 лет работы заведующим ЛЭФИ Надеяев провел колоссальную работу по исследованию 30 языков и их диалектов Сибири и сопредельных регионов, в том числе и Якутии [там же: 15–19]. Он подготовил большое число специалистов, экспериментаторов-лингвистов. Он – инициатор организации фонетических лабораторий в Улан-Удэ, Кызыле, Якутске, Абакане, Горно-Алтайске, Кемерово и др. городах. В.М. Надеяев создал своеобразную методику экспериментально-лингвистического анализа речевых сигналов на основе методики Ленинградской фонологической школы.

Эта методика и применяется в исследовании артикуляционной базы, звукового состава, ритмомелодики, акцентуации и интонации языков народов и народностей Сибири. Под руководством В.М. Надеяева его учениками написаны и защищены кандидатские диссертации, опубликованы монографии и более 40 научных статей по якутскому, эвенкийскому и юкагирскому языкам.

В рамках общей многолетней темы «Фронтальное экспериментально-фонетическое исследование звуковых систем аборигенов Сибири и сопредельных регионов» ЛЭФИ ИИФФ СО АН СССР разработаны разделы по эвенкийскому и юкагирскому языкам. По звуковому составу томмотского говора эвенкийского языка Т.Е. Андреевой защищена кандидатская диссертация и опубликована монография [Андреева 1986]. Это – первое большое экспериментально-фонетическое исследование в эвенковедении. Автор, в отличие от предшественников, исследовавших ербогаченский и полигусовский диалекты, посредством более совершенных методик – пневмоосциллографирования и рентгенографирования – установила материальный облик звукового строя языка томмотских эвенков. При морфологическом и дистрибутивном анализе пересмотрено количество: 11 гласных и 18 согласных говора, уточнены и дополнены качественно-количественные характеристики и структурные признаки вокализма и консонантизма. Томмотскому говору характерен набор доминирующих фонетических признаков гласных. В области консонантизма, помимо

конститутивно-дифференциальных разграничений, конкретные оттенки согласных фонем не имеют тенденций к количественному различию между собой. Признаки краткости и долготности не выступают фонематическими признаками, чем определяется отсутствие противопоставления кратких и долгих согласных фонем в данном говоре.

Таким образом, начато систематизированное обследование языковых и речевых особенностей восточного наречия эвенкийского языка. В этой области Т.Е. Андреевой описаны отдельные аспекты фонетических структур акцентуации эвенкийского языка [Андреева 1987; 1988; 2001].

Впервые И.О. Туркиным выполнено экспериментально-фонетическими методами монографическое исследование по звуковому строю языка тундренных юкагириров, а отдельные результаты его опубликованы в работах [Туркин 1984; Туркин 1986; Туркин 1987]. В них установлен инвентарь гласных и согласных фонем, их качественно-количественные характеристики, а также дифференцирующие факторы. В определении конститутивно-дифференциальных признаков 12 гласных фонем прослежено эволюционное развитие звукового строя языка с установлением устойчивой его артикуляционно-акустической базы (ААБ): уточнено противопоставление долгих и кратких гласных фонем, при этом установлено, что относительная длительность юкагирирских гласных колеблется в пределах своей зональной долготности в зависимости от качества самого гласного, от характера слога (закрытости / открытости), от количества слогов в словоформах, качества соседствующего согласного (шумного, малошумного, смычного, щелевого); противопоставление гласных фонем по огубленности / неогубленности качественно определяет их состав при дифференциации; наличие сильновыдвинутых вариантов классификационных рядов вокальных настроек характеризует артикуляционный уклад языка тундренных юкагириров.

В области консонантизма И.О. Туркин установил наличие 20 губных, переднеязычных, среднеязычных, заднеязычных, язычковых согласных фонем и нашел, что по участию / неучастию голоса определяется противопоставление гомоганных фонем: [п]-[в], [т]-[д], [г]-[дь], [к]-[г]. Автор выявил две группы согласных фонем, различающихся по степени шумности и малошумности. Из малошумных выделены сонантные группы, отличающиеся двухканальной назальной настройкой, а также латерально-медиальной (разноместной) артикуляционной преградой.

По признакам количественности И.О. Туркин определил краткие и долгие группы согласных фонем языка тундренных юкагириров: глухим шумным согласным присуща долготность, а звонким шумным – краткость, что для этих групп – их конститутивно-дифференциальные признаки.

Таким образом, на протяжении двух этапов экспериментально-лингвистического обследования языков народов Якутии написано по эвенскому – раздел в монографии и 4 статьи; по эвенкийскому – 2

монографических исследования, 8 статей; по юкагирскому – 1 монография (рукопись) и 4 статьи, что показывает фронтальность исследований звуковых систем языков народов Якутии.

В ИЯЛИ ЯНЦ СО АН СССР в 1986 г. был создан кабинет (лаборатория) экспериментально-лингвистических исследований, в которой работали специалисты, подготовленные в ИИФФ СО АН СССР, ученики В.М. Наделяева. Ими анализируются сегментные и суперсегментные параметры по якутскому, эвенкийскому, юкагирскому языкам, а также выполняются отдельные экспериментальные программы по диалектной, разговорной и поэтической речи.

Однако на общем фоне экспериментально-лингвистических исследований других языков народов СССР, особенно русского, азербайджанского, украинского, эстонского и др., констатированные результаты по языкам народов Якутии более чем скромны. Предстоит решить емкие, первостепенные задачи по систематизации интонационных структур устной и письменной форм литературной речи, по исследованию разговорной речи, функционирования видов фоностилистики и др. в языках народов Якутии. В связи с этим возникают неотложные задачи подготовки специалистов-экспериментаторов, еще большего расширения технической и экспериментальной базы ИГиИПМНС СО РАН.

Список литературы:

Алексеев И.Е. Экспериментально-фонетические исследования языков народов Якутии (хронологический обзор) // Языки народов Якутии: диалектология, экспериментальная лингвистика. – Якутск: Якутский научный центр СО АН СССР. 1989. – С. 88–96.

Андреева Т.Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. – Новосибирск: 1988. – 142 с.

Андреева Т.Е. Словесное ударение в эвенкийском языке. – Новосибирск: Наука, 2001. – 151 с.

Богородицкий В.А. Заметки по экспериментальной фонетике. – Казань: 1896-1907. – вып.1, 2, 4,5.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л.: 1948. – 352 с.

Зиндер Л.Р. Экспериментальное изучение фонетики северных языков // Известия АН СССР, отделение литературы и языка, 1948в: – Т. 7. – Вып. 6. – С. 579–581.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Изд. 2-е. – М.: 1979.

Зиндер Л.Р. К вопросу об артикуляционной базе // Экспериментально-фонетический анализ речи. Вып. 1. – Л.: 1984. – С. 8–12.

Ключевский А.Б. Состав согласных фонем языка верхнеколымских юкагиров (предварительное описание по данным слухового анализа) // Языки Сибири и Монголии. – Новосибирск: 1987. – С. 137–151.

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. – Л., Наука: ЛО, 1978. – 208 с.

Матусевич М.И. Звуковой строй ламунхинского говора эвенского языка // Звуковой строй языка. – Л., 1979. – С. 202–212.

Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. – Новосибирск: 1980. – С. 3–91.

Наделяев В.М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. – Новосибирск: 1981. – С. 11–37.

Наделяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. – Новосибирск: 1986. – С. 3–15

Наделяев В.М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. – Новосибирск: 1986. – С. 3–4.

Новикова К.А. Ольский говор эвенского языка (тезисы диссертации кандидата филологических наук. Рукопись, 1948).

Новикова К.А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР. – ДС ИЯ, 1958, XI. – С. 185–186.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. – М.–Л., 1960. – С. 17–20.

Письменность народов Сибири. История и перспективы. – Новосибирск, 1981.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки токкинского и томмотского говоров. – М. – Л., 1962.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говоров эвенков Якутии. – Л., 1968.

Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П. Взаимовлияние эвенкийского и русского языков. – Л., 1975.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Т.1–2. – Л., 1975, 1977.

Селютина И.Я. Фонологические системы языков народов Сибири. – Новосибирск: 2004. – 101 с.

Туркин И.О. Артикуляционные характеристики юкагирских гласных (Тундренный диалект) // Фонетика языков Сибири. – Новосибирск: 1984. – С. 79–96.

Туркин И.О. Состав гласных фонем в юкагирском языке (Тундренный диалект) // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. – Новосибирск: 1986. – С. 66–69.

Туркин И.О. Дентопалатограммы согласных юкагирского языка (Тундренный диалект) // Актуальные вопросы языков народностей Севера. – Якутск: 1986. – С. 24–36.

Туркин И.О. Качественно-количественные характеристики носовых фонем [m], [n], [ɲ], [ŋ] тундренного диалекта юкагирского языка Языки Сибири и Монголии. – Новосибирск: 1987. – С. 129–136.

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. I, Фонетика и морфология. – Л.: 1947. – 269 с.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л.: 1949. – 343 с.

Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Изд.6-е. – М.: 1957.

РЕЛИКТЫ ПАРНОГО СЧЕТА В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Вртанесян Гарегин Суменович

Центр изучения религий,

Российский государственный гуманитарный университет,

г. Москва

veges2011@yandex.ru

Аннотация. В работе выявлены особенности архаичных счетных процедур (предел счета, парность и др.) в языках Северной Азии. Показано, что «предел счета» для некоего числового ряда является последним его членом, имеющим лексический эквивалент, а числа более него входят в неисчислимое неразделенное множество, не имеющего лексических обозначений. В простейшей модели счета «1–2 – много», «два» как предел счета соотносилось с числом рук. Самые архаичные счетные действия строились по схеме 2+1, где единица обозначалась как «половина пары». Для выражения парности широко используются форманты. Показано, что парный счет являлся первичной нормой и в ряде других языковых семей (Сев. Америка, тихоокеанский регион, Африка и др.). Юкагирский язык сохранил черты счетных процедур, характерных как для палеоазиатских языков, так и уральских (парность). В нем числа первой пятерки номинируются поединично (как палеоазиатские), числа 6 и 8 номинируются по схемам парности. По схемам формирования чисел близки к юкагирскому языку Северной Америки (атапаски). Общий реликт парного счета – схема формирования восьмерки в нивхском, древнеяпонском, индо – европейских (*oktou = четверки), самодийских языках.

Ключевые слова: языки Северной Азии, предел счета, парная структура чисел, один = «половина пары».

Анализ сотен работ, посвященных происхождению и этимологиям числительных в уральской и алтайской языковых семьях (обзор в [Blažek 1999: 89–140]), выявил относительно надежную этимологию, восходящую к праюкагируральскому состоянию, лишь для количественного числительного «два» (*ket) и чисел «пять» и «десять» (для прауральского). Система счисления представлялась как: «простейшая система (1 – 2 – ... – много) с возможным счётом по пальцам на ПЮУ уровне (VIII–VI тыс. до н. э. или ранее); затем пяти-двадцатеричная система (1 – 5 – 20), восходящая к счёту по пальцам, на ПУ уровне (V–IV тыс. до н. э.)». Отмечалась невозможность реконструкции числа «один», ввиду смысловой неопределенности его значений («отдельный», «один из

нескольких», «единственный, одинокий», и т.п.) [Напольских 2018: 302, 294, 304].

Обзор числительных первого десятка [Blazek 1999: 89–99, 102–137, 326, 330] позволяет говорить о бытовании двух систем счета в регионе. Первая – парная (самодийцы, обские угры, монголы), во второй (камчаточские, эскалеутские, кетский) числа 1–5 имеют названия, восходящие к счету пальцами, а вторая пятерка формируется по схеме $5+n$, или $n+5$. В юкагирском и нивхском фиксируются элементы обоих подходов.

Юкагирские числительные «один» и «два» отличаются в лесном (ЛД) и тундровом (ТД) диалектах (иркин -1, ataxloi – 2 (ЛД). Маархуол – один (из множества); кин/й – два (ТД) [Курилов 2001: 151, 235; Прокопьева, Прокопьева 2021: 75, 55]. Разные исходные модели маркировки чисел 1 и 2, есть в чуванском (один – тудалей, два – куекъ) и омокском урки – один, ткить (два) [Матюшкин 1841: 124–125]. Из них лишь омокское «один» (урки) сравнимо по огласовке с иркин (ЛД). Поэтому только языковые (достаточно поздние, не более 2-3 веков) данные вряд ли могут быть опорой для достоверных реконструкций, без восстановления бытовавшей системы счисления, т.е. целесообразнее проследить эволюцию самой системы, а не отдельных лексем, с опорой на типологию систем счисления в других языковых семьях. Ниже дан дополненный вариант анализа семантики первичных счетных процедур из работы [Вртанесян 2018: 532, 533].

Предел счета. Парный счет. Существует два основных подхода к числам: первый как к членам однородных, полностью десемантизированных рядов, и второй – это отражение в них неоднородности мифопоэтического пространства и наделение каждого члена числового ряда определенной семантикой [Топоров 1980: 30–31]. Архаичный счет предметен, и каждый член счетного ряда имеет свою семантику. Другая важная особенность архаических счетных процедур – это приоритет сложения, наращивания, как первой операции арифметики [Меннингер 2011: 14–17, 439]. Как типологическая параллель этому – мифологизированные схемы возрождения некоторых промысловых видов путем складывания (собирания) в одно место их костных (или других) останков.

Объективное понимание семантики архаичных счетных процедур опирается на понятие о «пределе счета». При очевидной важности этого понятия для реконструкции древнейших стадий счета, оно, тем не менее, выпало из круга вопросов, относящихся к истории математики. Очевидно, что предел – это край множества (вещи), за которым нет ничего, что относилось бы к данному множеству (вещи). Следовательно, «пределом счета», является последний член некоего ряда, в котором каждый член имеет свой лексический эквивалент. За ним начинается множество, которое «счетчик» в силу разных причин не использовал (не мог или не хотел в силу отсутствия необходимости), и, видимо, поэтому, не имея конкретного обозначения отдельных его частей, называл его «неисчислимым», что понятно с учетом предметности счета.

Уже в простейшей двоичной (один – два) модели счета можно выделить единицу как «начало счета» и «предел счета» – два [Бодуен де Куртене 1963: 315]. Любая измерительная и/или счетная процедура начиналась с «края» объекта или множества. Если наиболее ранние счетные действия начинались с рук, «один – два», то все измеренное пространство (малое или «внутреннее») заключалось между концами максимально разведенных рук, а внешнее и «большое» – уже вне их. С учетом этого становится понятным существование первичного счетного ряда «один – два – много» (см. выше), так как «исчислимое», то есть «внутреннее множество», находилось внутри «обхвата» рук (!). Руки являются идеальной эталонной мерой для парного счета, поскольку в отличие от пальцев визуально идентичны, поэтому понятие единицы, как «половины пары», по-видимому, соотносилось в первую очередь с руками. Любой счет (как и измерение) должен соотноситься с неким эталоном, то есть «мерой» счета. Вслед за Н.Я. Марром Ю.С. Степанов считал руки древнейшей эталонной мерой счета, которые счетчик и соотносил с самим собой [Степанов 1989: 59, 60]. За пределами рук – «неисчислимое» (или неохватное за один раз). Простейшая модель счета – это двухчленный ряд (ступень) «один – два», где один – «начало счета», два – «конец» (то есть «предел» счета). Особый статус «двойки» связан с её выделением как первой «границы – вехи» в развитии счета, так как это «первая и самая старая из многих остановок» [Меннингер, 2011: 24, 25] на пути развития счета. Поэтому понятна коннотация парности с полнотой и завершенностью, выражаемая в появлении «парных» образов и предметов. При этом особый «приграничный» статус единица и двойка сохранили и при переходе к числам второго десятка, что выражается, например, в особых лексических формах, используемых при обозначении чисел 11 и 12 [Меннингер 2011: 24,25].

Достаточно древним рефлексом парности, по-видимому, является аддитивная схема формирования тройки (пара и половина пары) и четверки («пара пар») по схемам 2+1 и 2+2. Понятие единицы отсутствует, она представляется как «половина пары» или «один из пары», подчеркивая равномощность двух частей пары. В уральских языках *ke/it = двойка была выявлена для праюкагиро-уральского состояния, при этом предполагалось дальнейшее развитие счета по схемам 2+1 / 2+2 [Напольских 2018: 302].

В прафинноугорском состоянии выявлены реликты парного счета, в виде действительных частиц местоименного происхождения. Это частица tg- для пары «1-2» и t- для пары «5-6». Пара «3-4» их не имела [Серебренников 1963: 216]. Поппе Н. Н. полагал, что древнейший счет в финноугорских языках завершался на шести [Поппе 1927: 126], а реликт этой схемы – представление «четверки» в угорских языках, как «парности пар» (*nole -2 *nələ - 4) [Поппе 1927: 128].

В самодийских языках (кроме селькупского) известен парный счет. Для обоих диалектов юкагирского известен счет парами 3-3 и 4-4, сохранивший

алгоритм пальцевого счета (маалагур – обе стороны чего-либо [Курилов 2001: 230]. Восемь, как «пара четверок», есть в нивхском [Панфилов 1982: 244]. **Oktoi* – восемь в индо-европейском состоянии первоначально было обозначением четверки. В древнеяпонском *jo* – 4, *ja* – 8. На возможность существования двоично-парной схемы формирования чисел 2, 4 и 8 в эвенкийском языке с опорой на их морфологию *дю > дыгин > дяпкун* (эвенк.) указывает В.В. Иванов [Иванов 1977: 37] (см. возражения по последней схеме в [Blazek 1999: 132]).

Маркировка пар с помощью формантов известна, например, в древнекорейском: 3 и 4 «*sed – ned*» (формант *-ed*), 5 и 6 «*tassöd – yossod*» (формант *-öd*), 7 и 8 «*nilkor – yöltör*» (формант *-ör*) [Меннингер 2011: 517]. Сохранилась это и в корейском: «*seys – neys*» (три – четыре), «*tases – yeses*» (пять – шесть), «*ilkor – yetelp*» (семь-восемь), причем числа начинающие (1/2- хана / туль) и замыкающие (9/10 – ахон / ёль) счетный цикл (десять) такой маркировки были лишены [Мазур 1997, с.382], притом, что форманты второй и третьей пары одинаковы. Другой способ, близкий огласовке чисел, входящих в пару, есть в ительменском [Орлова 1999: 98] – это «кнынг, касх» – 1, 2; «ц'ок, ц'ак» – 3,4, хотя парный счет в нем формально отсутствует. Близкая огласовка позволяет выявить парную группировку членов счетных рядов в тайском, нынг, сонг – 1,2; сам, си – 3,4; ха, хок – 5,6; тэт, пэт – 7,8 [Морев, Плам, Фомичева 1961: 94] или в близком ему лаосском нынг, соонг – 1, 2; саам, сии – 3, 4; хаа, хок – 5,6; тьет, пэт – 7,8 [Морев, Москалев, Плам 1972:132].

В языках атапасков (Северная Америка) составная схема образования «тройки» по схеме «пара» плюс «половина пары» была, по-видимому, достаточно древней и сохранилась в явном виде лишь в языке кучин, где «*nekthuihtlug 3 = 2 nekthui + 1 ihtlug*» (всего один диалект из рассмотренных тридцати) [Hymes 1955: 33, 44]. По мере продвижения к югу в Северной Америке двоично-парная схема проявляется все чаще (в языке като паха – 2, *nakanaka* – 4; *ota* – 2, *otota* – 4 (язык могуелумнан); все диалекты языка иокут, в которых *ronoi* – 2, *hotronoi* – 4; язык шошонеан с *wi* – 2, *witcuw* – 4; шумаша (диалекты Санта – Барбара, Санта Инес), где *ichkomo* – 2, *skumo* – 4; язык костоноан *utxin* – 2, *utit* – 4 [Dixon, Croeber 1907: 673, 680 – 682]. Во многих архаических социумах, имея всего два счетных слова 1 и 2, с успехом считали до десяти и выше, используя пальцы рук или части тела. Д. А. Ольдерогге, анализируя счетные процедуры в языках народов Тропической и Южной Африки, показал, что «парность» – один из древнейших способов выражения множественности и наиболее простой способ развития счета парами (двоичный), с редупликацией слова «пара» (= двойка). Представление десятки как пяти пар (двоек) известно у горных дама [Ольдерогге 1982: 13, 14] и в языке голин (транс ново-гвинейская фила, тихоокеанской макрофилы) [Comrie].

Что касается других языковых семей, то во многих языках Австронезии, Австралии и Папуа (Новой Гвинеи) парность является нормой. Схема

формирования четырех как «пары пар» сохранилась в большем числе языков, чем 2+1 (см. напр. языковой атлас [Comrie] (приношу свою благодарность д.ф.н. А.А. Кибрику, ИЯ РАН, Москва, за указание на этот источник), из чего можно судить, что форма 2+1 могла быть более древней.

Увеличение величины базовой счетной единицы или цикла счета на тройку вместо двойки) позволило представить в парном виде «шестерку» (две тройки). Этимология старомонгольского *jirgugan* – 6, «две тройки» [Поппе 1927: 100]. Счет парами троек известен в древнеяпонском, *mi* – 3, *mu* – 6 [Сыромятников 2002: 79]. В юагирском (ЛД) шесть – *malgi jaloj* (малајлан) и восемь (малајлаклан) строятся по составной схеме с фактической основой «три» Малајгир «по обе стороны» – указание на положение выставленных пальцев, поровну (3 или 4) на каждой руке. «Четверка» (йэлокун) является составной (*jaloj 3 + jirkied 1*) [Иохельсон 2005: 82]. В ТД юагирского языка: маалайлал – шесть, маалайлаклар – восемь [Курилов 2001: 231, 232]

В языках атапасков, в которых реликты двоично-парного счета не фиксируются, схема формирования «шестерки» как двух «троек» отмечается в языках кучин, танана, догриб (?), харе, чиппеев, чилкотин, бивар [Hymes 1955: 36, 37, 38, 40]. Счет парами троек встречался в языках винтун, юго-восточном диалекте помо, в яна (сев-вост. диал.), языке майду (диал. Серрано), у шошонов [Dixon, Croeber 1907: 674, 676, 678, 679, 681]. В языке хайду (на-дене) *lganul* – тройка, *lgunul* – шесть (букв. тройки) [Blazek 1999: 327]. Максимальное число используемых троек обычно не превышает двух, автору известно сочетание трех троек только в языке юма [Langdon, Munro 1980: 124 -125] и в одном из вариантов шумерского счета (*peš peš peš*) [Blazek 1999: 329]. При этом исходная структура трех, как 2+1 могла сохраняться и при наращивании счета, при переходе к числам второй пятерки: $8 = 5+(2+1)$ *me-moc jaheš-â-moc*. (язык кати, Папуа [Matang 2005: 507]).

Важный аспект проблемы – сочетание в одном языке счета парами двоек и троек. В языках Северной Азии автору известен один такой случай – формирование чисел внутри десятки у нганасан, идущее по парной схеме, «два по два» (чата), «три по два» (моттю) и «дважды по четыре» (ситты дата). Схема формирования представлялась для пяти (санхолянг – «три и два»), девяти (нами яттюма – «три и шесть») [Симченко 1996: 29]. Но внешних примеров намного больше. В языках атапасков, в которых двоично-парный счет отсутствует (кроме като), троично-парная схема формирования «шестерки» просматривается в языках кучин, танана, догриб, харе, чиппеев, чилкотин, каррир, бивер, сарси [Hymes 1955: 36, 37, 38, 40]. Но её нет в языке като, где сохранилась схема $4=2+2$, и парная схема $6=3+3$ отсутствует. Счет парами троек успешнее сочетается с четверично-парным счетом. В языке помо (юго-восточный диалект), в яна (сев - вост. диал.), у шошонов, северо-западных конкау, майду числа 6 и 8 являлись производными двойственных (дуалис) чисел тройки и четверки, при этом двоично-парная схема в них не фиксировалась [Dixon, Croeber 1907: 674, 676, 678, 679, 681]. Лучшая

сохранность фрагмента парной схемы – восьми как двух четверок в индо-европейских, нивхском, самодийских (кроме селькупского), юкагирском (ТД, ЛД), древне-японском и др. может быть указанием на ее позднее появление. Предлагаемая парная модель формирования чисел позволяет объяснить и особый статус чисел 7 и 9, как выпадающих из парной счетной схемы.

Список литературы:

Бодуэн де Куртэнэ И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. – М.: Изд-во АН СССР. 1963. – С. 311–324.

Вртанесян Г.С. Числовые комплексы в текстах и материальной культуре народов Урала, Приуралья и Западной Сибири // Вестник угроведения. – 2018. – Т. 8. – № 3. – С. 525–538.

Иванов В.В. К типологии числительных первого десятка в языках Евразии // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. – Л.: Наука, 1977. – С. 36–42.

Йохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 673 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско – русский словарь. – Новосибирск. Наука, 2001. – 607 с.

Мазур Ю.Н. Корейский язык // Языки мира. Индрик. – М.: Наука. 1977. – С. 361–398.

Матюшкин Ф. Собрание слов чуванского и омокского языков // Врангель Ф. Прибавление к путешествию по Северным берегам Сибири и ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823, и 1824 гг. – Изд. Императ. Академии Наук. СПб. Типография Бородина и К. – 1841.

Меннинггер К. История цифр. – М.: Центрполиграф, 2011. – 543 с.

Морев Л.Н., Москалев А.А., Плам Ю.Я. Лаосский язык. – М.: Наука, 1972. – 256 с.

Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф. Тайский язык. – М.: Наука, 1961. – 150 с.

Напольских В.В. Реконструкция числительных и реконструкция систем числения: уральские языки // Очерки по этнической истории. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 2018. – С. 290–304.

Ольдерогге Д.А. Системы счета в языках народов Тропической и Южной Африки // Африканский этнографический сборник. – Л., 1982. – Вып.13. – С. 3–34.

Орлова Е.П. Ительмены. – СПб.: Наука, 1999. – 168 с.

Поппе Н.Н. О числительном «восемь» в угорских языках // Языковедные проблемы по числительным. – Т. 1: Сб. ст. – Л.: ЛГУ. 1927. – С. 127–129.

Поппе Н.Н. Монгольские числительные // Языковедные проблемы по числительным. Т.1. Сб. ст. – Л.: ЛГУ. 1927. – С. 96 – 119.

Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско – русский словарь (Лесной диалект). – Новосибирск: Наука, 2021. – 412 с.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 391 с.

Симченко Ю.Б. Традиционные верования нганасан. – М.: ИЭА РАН, 1996. Ч. 1. – 215 с.

Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989. – № 4. – С. 46 – 72.

© Р.Г. Жамсаранова

Топоров В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. – М.: Наука, 1980. – С. 3–58.

Comrie B. Typology of Numeral systems. URL: www.mpi-lingweb.shh.mpg.de/numeral/ (дата обращения 03.04.2023)

Blazek V. Numerals. Brno. Masarikova univerzita v Brne. 1999. 338 p.

Dixon R.B., Kroeber A.L. Numeral Systems of Languages of California // Amer. Anthropologist. 1907. – V.9. – № 4. – Pp. 663 – 690.

Hymes V.D. Atapascan numeral systems // International Journal of American Linguistics. 1955. – V. 21. – № 1. – Pp. 26–45.

Matang R. A. Formalising the role of indigenous counting systems in teaching the formal English arithmetic strategies through local vernaculars: An Example From Papua New Guinea // Building connections: research, theory and practice. Melbourne: MERGA. – 2005. – Pp. 505–512.

УДК 811.55'373.23

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ХОРИ-БУРЯТ ПАЛЕОАЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна

Забайкальский государственный университет,

г. Чита

rebeca_zab@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию результатов анализа свода исторической антропонимии 11 родов хори-бурят, извлеченных из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края за 1830–1831 гг. палеоазиатского языкового происхождения. Под палеоазиатским языковым ономастическим субстратом подразумеваются, прежде всего, кетоязычные апеллятивы, а также, предположительно, юкагироязычные слова как антропонимная основа ряда личных имен хоринских бурят. Гипотетическое соотнесение ряда личных имен ревизских душ мужского пола «инородцев-бурят» с юкагирскими апеллятивами обусловлена наличием юкагироязычных топонимов на территории Восточного Забайкалья. К тому же ряд т.н. родовых названий тунгусского населения Нерчинского уезда мы прямо соотносим с юкагирским языком, что служит основой для соотношения носителей палеоазиатских языков, к которым принято относить и юкагирский язык, с ранними хори-бурятами. Ареально, особенно бассейн реки Онон, это территория в свое время занимаемая разными племенами и родовыми сообществами, этноязыковое начало которых связано со многими сибирскими народами, являлась в свое время вотчиной «тунгусского» населения князя Гантимура. Оговорим, что под тунгусским населением Нерчинска нельзя понимать только этнических эвенков или эвенов. Анализ родовых названий родов тунгусов показал наличие многих названий,

не имеющих не только алтаеязычное начало, а, прежде всего, палеоазиатских (включая и юкагиrowязычное), самоедоязычных. Вероятно, что именно этим фактом и обусловлено наличие юкагиrowязычных антропооснов в сводe до-тибет-монгольских личных имен хори-бурят.

Ключевые слова: личные имена, хори-буряты, ревизские описи, юкагиры, Словарь.

Результаты грантового трехлетнего проекта «Словарь исторической антропониимии хори-бурят», выполненного на архивных документах – ревизских описях инородческого населения Хоринской степной думы за 1830–1831 гг., показали наличие личных имен хори-бурят, предположительно, юкагиrowязычного происхождения.

Прежде чем приступить к описанию эмпирического ономастического материала, в сводe которого мы предполагаем наличие также и юкагиrowязычных по происхождению личных имен хори-бурят, вкратце подведем высказанные ранее мнения о возможности подобного рода сопоставлений.

Андрей Петрович Дульзон, основатель всемирно известной Томской лингвистической школы, в своей статье «О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков» писал, что «юкагирский язык, как и кетский с примыкающим к нему вымершим коттским, представляют собой языки со своеобразной структурой, не находящей себе близкой аналогии в других языках», относя их к условно палеоазиатским [Дульзон 1966: 79].

Такие ученые, как Б. Коллиндер, К. Боуда, Х. Паасонен, Е.А. Крейнович, И.А. Николаева и др. обращали внимание на связи юкагирского языка с уральскими (финно-угро-самодийскими), особенно с самодийскими языками.

Е.А. Крейнович пишет: «Юкагирско-самодийские языковые связи сформировались подобным образом, т.е. в результате длительного сосуществования их носителей, которое впоследствии прекратилось» [Крейнович 1978: 241]. Однако в этой же работе Е. А. Крейнович пришел к выводу, что «юкагирско-самодийские, и, возможно, юкагирско-уральское сходство сложилось не на контактной почве, а носят черты более глубоких связей» [Крейнович 1978: 241].

Учитывая наличие самоедоязычного ономастического субстрата, лексико-семантические параллели бурятского и селькупского языков, а также сопоставление экзонима хамниган с этнонимом самоед, возможно, обратиться к вероятному палеоазиатскому субстрату, а именно к юкагирскому.

Мы фокусируем свое внимание, во-первых, на вероятность, нежели на возможность сопоставления лексики и каких-то грамматических явлений именно юкагирского как более древнего языка с самодийскими. Выявленное учеными сходство юкагирского с самодийскими обуславливает наши региональные изыскания, связанных с выявленным самодийским ономастическим субстратом. Во-вторых, выявились хорошие лексико-семантические параллели бурятского и селькупского языков через хамниганский говор хори-бурятского диалекта [Жамсаранова 2021: 21–33]. В-третьих, такой экзоним как хамниган(ы)

(экзогруппа в среде агинской группы бурят – носителей агинского говора хоринского диалекта бурятского языка) это этнонимное самоед – архаичное именование аборигенного населения Сибири [Жамсаранова 2018: 87–96].

Вкупе все эти факторы являются тем основанием наших изысканий в области исторической антропониимии, личных имен хори-бурят 14 родов, выписанных из ревизских описей 1830-1831 гг. из фондов Государственного архива Забайкальского края. Хотя в этнографии хори-бурят описывается наличие 11 родов, ведущих свое начало от мифологического предка Хоридой-мэргэна от его брака с лебедицей, имеющиеся в архивах 14 родов «получились» по причине деления трех наиболее крупных родов – Хоацай, Кубдуг и Харганат на 2 подрода, соответственно, именующиеся Барунь-Хоацай (Западный Хоацай) и Зунь-Хоацай (Восточный Хоацай) и т.д.

Алгоритм выписи и последующей оцифровки ревизских описей 14 хоринских родов бурят явился весьма сложным (как и работа исследователя с архивными документами) этапом в реализации грантового проекта по причине объема материала, возникающими сложностями с дешифровкой почерка переписчика, объективными ковидными ограничениями. В итоге коллективу исследователей удалось выполнить намеченные задачи по сбору антропонимического материала, оцифровке ревизских описей и изданию 13 научных изданий по каждому из родов хори-бурят с приложением ревизских описей. Следует также упомянуть и о следующем важном этапе подготовки – это этап стратификации собранных имен и последующий анализ в целях определения как значения, так и соответственно, языкового происхождения личного имени.

Предсказуемо зафиксировано огромное число субстратных имен, объясняемых из самодийских (селькупского, ненецкого, нганасанского, энецкого), юкагирского, кетского, тюркских (чувашского, долганского, якутского, сойотского, тофаларского, шорского, тувинского, телеутского), тунгусо-маньчжурских (эвенского, эвенкийского, маньчжурского) и других языков народов Сибири.

Однако в своде до-тибет-монгольских имен, составляющих почти 75 % от общего количества собранных имен имена, значения которых имеют удовлетворительную этимологию и соответствуют понятию ономастической антропомодели, оказалось более всего кетских и самодийских, а также эвенских. Данный факт невольно наводит на мысль о таком любопытном явлении как ономастический лингвогенез хори-бурят как сплаве разноэтничных и разноязыких родов / племен в единую этноязыковую общность под влиянием историко-политических событий второй половины XVII – начала XIX веков.

В аспекте описания, на наш взгляд, юкагириязычных онимов в системе исторического антропонимикона хори-бурят, следует обратить внимание, во-первых, на наличие «неизвестного» аффикса *-дей* в морфологии некоторых имен типа Абадай, Абандай, Аbugалдай, Аbugай, Уbugулдай, Уbugулдей, которые записаны как имена бурят.

В бурятской антропониимии данный аффикс имеет помету неустановленного языкового происхождения. Исследователь В. И. Семенова описывает данный

аффикс в структуре личных имен эхиритов как «омонимичный формант *-дай*, который образует личные имена: *Баждай* (ж) от *бажгар* ‘здоровый, крепкий’» *Байдай* от *бай* ‘останься (жить)’; *Баяндай* от *баян* ‘богатый’; *Табадай* от *табан* ‘пять’ [Семенова 2005: 70]. Мы, в свою очередь, полагаем, что данный выделяемый аффикс, может быть, сопоставим с именованим ребенка юкагирского языка, а именно, с существительным *адуо* ‘сын’ [Курилов 2001: 30]. Вполне естественно, что в эвенском языке апеллатив *адин* ‘первенец’ коррелирует с юкагирским, являясь, возможно, заимствованием. При «переходе» в бурятский ономастикон юкагирский апеллатив, именующий сына, «перешел» в статус финального *-дей*, возможно.

Так в ономастике часты случаи, когда особенно этнонимы «становятся» морфами-финалями, представляя собой некогда утраченную антропомодель в структурном ее понимании. Во всяком случае, не исключена и подобного рода параллель перехода юкагирского апеллатива в качестве финали или, по-другому, аффикса, в структуру до-тибет-монгольских имен хори-бурят. Поэтому аффиксальное *-дей* сопоставимо с юкагирской лексемой, обозначающей понятие ребенка, - *адуо*.

Приведем список личных имен бурят 1830-1831 гг. с финалью *-дей*: АБАДАЙ; АБАНДАЙ; АБОЛДЙЙ; АБОГАЛДАЕВЪ; АБОГАЛДЕЙ; УБУГУЛДАЙ; УБУГУЛДЕЙ; УБУГОЛДОЙ; УБУГУНДЕЙ; УБУЛУДШЕВЪ (от УБУГУЛДЙЙ) [Словарь 2022: 9-11; 220-221].

Антропооснова данных личных имен связана с именованим ребенка в юкагирском языке, а именно, *уо(н)* 1. ‘ребенок, дитя. 2. детеныш’ [см.: Курилов 2001: 489]. Полагаем, что протетическое интервокальное *-б-* обусловило функционирование исторически оправданной семантической антропомодели «ребенок; новорожденный» при этимологизации данных имен. Поэтому следующие личные имена бурят мы относим к юкагирским: АБАГА < АБАГАЕВЪ; АБАГАЙ, АБАГАЛДАЕВЪ, АБАДАЕВЪ > АБАДАЙ; АБДАЙ < АБДАЕВЪ; АБАЖИНОВЪ, АБАЙ. АБАЗАЕВ < АБАЗАЙ, АБАШИН; АБАЛА < АБАЛАГЕВЪ. АБАЛАЕВЪ, которые трактуем от юкагирского апеллатива *уо(н)* 1. ‘ребенок, дитя. 2. детеныш’. К примеру, есть фамилия у бурят (преимущественно, у западных) Убонов, в основе которой, возможно, находится юкагирское именование ребенка вообще. В словарях бурятских имен часто имена и фамилии с основой на *аба-* относят к собственно монгольским именам, т.к. в монгольских языках имеется сходное слово *аба* 1) ‘отец, папа, батюшка’, которое часто служит лексическим пояснением бурятских фамилий типа Абаев. Однако мы придерживаемся принципа номинации в антропонимике, а потому, исходя из того, что в основе имени, особенно архаичных, возможно наличие апеллатива, выражающего понятие ребенка, новорожденного, младенца, сына, относим имена к юкагирским, но не к монгольским.

В Словаре исторической антропонимии хори-бурят приведен следующий ряд личных имен, которые, на наш взгляд, объяснимы только от юкагирского апеллатива *адуо суц.* ‘сын’: АДАГАЙ < АДАГАЕВЪ; АДУГШЕВЪ, АДАНОВЪ,

АДОНОВЪ, АДАРЪ, АДБУЛЬ, АДГИГИ / АДГИГИЕВЪ, АДОШИ, АДОША, АДУ, (А)ДУШИ, антропооснова которых является юкагирским апеллятивом *адуо* ‘сын’. Этимологизация исторического антропонимикона дело весьма и весьма проблематичное по причине, во-первых, этноязыковой «пестроты», во-вторых, фактором естественного процесса заимствования лексики. Юкагирское *адуо*, вероятно, первично, по сравнению с эвенским *адин* ‘первенец’. Поэтому мы в словаре факультативным значением дали и эвенский апеллятив, именующий первенца в семье.

Другой проблематикой является адекватное определение семантической антропомодели при этимологизации личных имен в плане принципа номинации. Полагаем, что основным мотивировочным признаком является именно именование сына (ребенка, новорожденного, младенца) вообще, а потому семантическая антропомодель это понятие ребенка или сына вообще. Однако в бурятской антропонимике распространено мнение толкования значения имен типа АДУЕВЪ, АДУШИ, АДУШИЕВЪ именно из средств монгольских языков, где *адууша(н)* ‘табунщик, конюх’ [Митрошкина 2013: 23].

Однако мы имена типа АДУЕВЪ, АДУХИЕВЪ поясняем как юкагироязычные субстратные имена в бурятском антропонимиконе, следуя принятой нами семантической антропомодели исторического именника бурят, записанного в виде ревизских описей почти два столетия назад. Именно архаичность именника, сменившегося впоследствии на тибет-санскритские имена под влиянием ламаизма (северного буддизма) и бурят-монгольские, и обусловила нам опору на данную модель антропонима при дешифровке.

Таким образом, принятое нами понятие «антропомодель» относится не к формальной структуре имени, а, скорее предлагает понимать под ним комплекс как некий знак или маркер, идентифицирующий отдельного человека посредством его имени собственного. Этот комплекс в виде антропонимической условной модели предполагает наличие классификационной параметризации того значения имени, которое имеет знаковость. Эта закодированное значение имени условно «совпадает» с такими понятиями антропонимики как отпрозвищное имя.

Под отпрозвищными именами принято считать такие имена, значение которых объясняется от апеллятивной лексики, в основном, зоонимами, к примеру. Проиллюстрируем это свое частное мнение на конкретных примерах. В свод до-тибет-монгольских имен рода Галзут за 1830–1831 гг. [Жамсаранова 2021: 24–77] мы выявили следующие имена, значения которых мы относим к антропомодели «олень / олененок»: АДАНОВЪ (2 ед.), АДОНОВЪ, вероятно, образованы от селькупского апеллятива *йда-йтä* ‘олень’; селькупского *ития* ‘оленок (уменьш.)’; селькупского *адэка* /кет./ ‘оленок (уменьш.)’. Или от общеселькупского кетского диалекта *адэ* /кет./ ‘олень’.

Оказалось, любопытным также и то, что многие из вышеприведенных юкагирских имен бурят также могут быть сопоставлены с именованиями оленят. К примеру, личные имена с антропоосновой на *аба-* АБАНА,

АБАНДАЙ сопоставимы с якутским апеллятивом *убаһа* ‘жеребенок (с первой осени до года)’. Поэтому имена АБАГА < АБАГАЕВЪ; АБАГАЙ, АБАГАЛДАЕВЪ, АБАДАЕВЪ > АБАДАЙ; АБДАЙ < АБДАЕВЪ; АБАЖИНОВЪ, АБАЙ, АБАЗАЕВ < АБАЗАЙ, АБАШИН; АБАЛА < АБАЛАГЕИВЪ, АБАЛАЕВЪ возможно «объявить» отпрозвищными и трактовать не только от юкагирского *уо(һ)* 1. ‘ребенок, дитя. 2. детеныш’, но и от якутского *убаһа* ‘жеребенок (с первой осени до года)’, не исключая, и тофаларского *уби* [ибисі] ‘домашний северный олень’. В этом случае, анализ антропонимикона рискует «скатиться» на уровень межъязыковых «соревнований», обнаруживая тем самым явление межъязыковой омонимии, этого «подводного камня» в ономастике. Для исключения данного явления мы и обусловили приоритет значения семантической антропомодели при анализе личных имен.

Однако с учетом следующего мнения о том, что «изучение антропонимических процессов, протекающих у народов Севера на протяжении последних двух столетий, приводящее лингвистов-ономастов к выводу о том, что ведущую роль в формировании антропонимикона этих народов на всех этапах их исторического развития выполняло имя-прозвище» [Чиндина, 2015: 93], мы приводим факультативно эти имена-прозвища.

Этот ряд имен АДУГЕВЪ, АДАНОВЪ, АДОНОВЪ, АДАРЪ, АДБУЛЬ, АДИГИ / АДИГИЕВЪ, АДОШИ, АДОША снабжен в Словаре вторичными (факультативными) значениями. Некоторые из них могут быть сопряжены с селькупским апеллятивом *äda~ätmä* ‘олень’; сельк. *äтия* ‘оленок (уменьш.)’; сельк. *äдэ́кка* /кет./ ‘оленок (уменьш.)’; сельк. *äдэ́* /кет./ ‘олень’, что позволяет отнести эти имена и к селькупским, однако именам-прозвищам для бурят.

М.В. Голомидова пишет: «Языковое сознание первобытной архаики, вероятно, было спаяно не только с мифологизированным способом видения мира и верой в магическую силу слова, но и с вовлечением в языковую деятельность более значительной доли чувственного восприятия, с интенсивностью, яркостью чувственных сигналов, служащих естественным фоном языковой информации» [Голомидова 1998:13].

В нашем случае семасиологический элемент личного имени как знака позволяет реконструировать архаичное языковое сознание, в котором главную роль играло т.н. «природное» сознание человека. Природа и ее основные элементы – земля, вода, горы, камни одушевлялись в сознанииномада, по-другому формировались отношенияномада с теми животными, особенно одомашненными – олень, конь, которые играли чрезвычайно важную роль в жизнеспособности этносов Сибири. Человек был вправе относиться к этим животным также как, например, земледелец относится к земле, которая кормит его посредством возвращенных им же злаковых культур. Оленина, конина наряду с говядиной составляли основной рацион питания.

При этом стоит важно отметить и роль этих животных – оленя, коня, быка, козла в формировании мифологизированного видения окружающего мира у номадов

Сибири. Известна тотемная роль образов данных животных у монголоязычных народов, исключая оленя. Мы ранее уже описывали ономаконцепты «волк / собака», «бык» в работе «Концептосфера средневековой монгольской этнонимии» [Жамсаранова 2013], которые формировали мифологическое мировоззрение номадизма, объясним этноним Монгол от койбальского апеллиатива *meäng* 'волк'.

Сакрализация или почитание образов оленя, коня, быка и козла наряду с другими ключевыми образами номадизма (волка и собаки) происходила посредством, в том числе, мифологизации и персонификации зоонимов в наивной картине мира номадизма. Известно, что образы Буха-нойона, Борто-Чино или Азарга-нойона – это мифологизированные прообразы праотцов рода у бурят. Буквально образы «Бык-начальник(а)», «Серого-Волк(а)», «Жеребц(а)-начальника» это персонификация сил Природы, заключенная в анималистической образности как основы тотемизма и анимализма.

Эта кочевая образность, вербализована и в тотемных образах народа, и посредством системы онимов – исторических антропонимов. Исторические антропонимы по своим лексическим значениям имеют (иногда) безупречное «совпадение» со значением апеллиативной лексики. Антропонимическая образность, заключенная в значении личного имени, тесно связана с понятием сильного, крепкого животного – оленя, коня / жеребца, быка или самца-козла / барана.

Например, такие личные имена как АМЕРХАНОВЪ, АМИДАУНДЫНЪ, АМИРАЕВЪ полагаем возможным сопоставить с юкагирским апеллиативом *амарканэл* 'пятигодовалый олень-самец; пятилетний олень' или с эвенским *амаркан* 'олень четырех-пяти лет (дикий или домашний)'.

Такие имена как АМОРЕЕВЪ, АМУРГИЛЬ, АМОРОВЪ < АМОРЪ, АМУРЪ. Можно объяснить от селькупского *имат /кет./* 'сын', не исключая и юкагирского *амарканэл* 'пятигодовалый олень-самец; пятилетний олень'. Также нельзя исключить и «участие» юкагирского обращения *амай ~ амэй* 'ласковое обращение к ребенку', которое могло стать антропоосновой имен типа АМОРЪ, АМУРЪ и АМСАНЪ.

Постулируемая антропонимическая образность представляет собой именно тот архаический пласт номадного самосознания, которая дешифрована как одна из особенностей антропомодели наряду со словообразовательностью (точнее, образованием онима как имени собственного) и семасиологической стороной значения личного имени. Антропонимическая образность является базисом и может восприниматься как принцип номинации, обнаруживая тем самым свой номинативный потенциал. Номадизм персонифицировал понятие природной мощи, силы, положительной энергии, транслируя через дачу имени новорожденному, что справедливо воспринималось как благопожелательное имя. Называя ребенка именем, значение которого лексически связано с рядом зоонимов, родитель полагал о «присвоении» подобным образом, т.е. через имя, новорожденному силы, энергии как у оленя, например. Более близкое к номинации значение «оленок» совпадает в семасиологическом аспекте с

особенностью номинации, обнаруживая наличие категориально-лексической семантики. Подобного рода личные имена бурят, конечно же, обнаруживают абстрагированность значения на языковом уровне. Потому в условиях подобного рода заключений не приходится серьезно воспринимать имена с такими значениями (олень», «оленок») как отпрозвищные имена вслед за исследованиями ряда ученых-ономастов [Скрябина 1980: 140–143], но разыскать язык-оригинал.

Очевидно, что при даче имен с подобной семантикой архаичное номадное сознание старалось также присвоить ребенку мотивационный потенциал для развития личности, преломляя в наивной картине мира родительские устремления благополучного жизненного пути в этом мире, тесно связанном с Природой. Такая проекция восприятия личного имениномада как нативизм, служащим одним из основных принципов имянаречения, не вступает в противоречие с основными выводами по номадной концептосфере, а прямо согласуется с номинативными реалиями исторических антропонимов [Сулейманова 2013]. Подобного рода явления характерны и для свода личных имен хори-бурят, записанных в ревизиях за 1830–1831 гг.

Субстратные имена составляют большинство в ревизиях 1830–1831 гг., тогда как в ревизиях 1858 г. их значительно меньше, что объясняется культурно-религиозными факторами: консолидации разноэтничных элементов в единую народность способствовал ламаизм, под влиянием которого исторический свод имен был сменен на современные тибет-монгольские имена у хори-бурят. Чрезвычайно малым оказалось число собственно бурят-монгольских личных имен. Таким образом, к 1830–1831 гг. бурят-монгольский антропонимический пласт только начал складываться. Превалирующее количество дотибет-монгольских личных имен хори-бурят по данным ревизских описей 1830–1831 гг., доказывает тезис о разнородности / разнородности хори-бурят.

Таким образом, представленный аутентичный материал архивных документов из фондов Государственного архива Забайкальского края обнаруживает не только несомненную важность для ряда наук – истории, этнографии, культурологии, религиоведения, но и, прежде всего, ономастики и имеет лингвистическую ценность. Исторический антропонимикон ревизских описей столь далекого исторического периода (1830 г.) в состоянии разрешить ряд вопросов этногенетического характера с учетом концептосферы автохтонного населения до-русской Сибири нач. XIX в.

Список литературы:

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.

Дульзон А.П. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков // Ученые записки Томского университета. Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Вып. I. – 1966. – № 5. – С. 78–87.

© Д.Д. Мордашова

Жамсаранова Р.Г., З.Д. Бардаханова З.Д., Алтаева В.И. До-тибет-монгольские имена // Личные имена бурят Галзутского рода за 1830 г. – Чита: Читинская городская типография. 2021. – С. 24–77.

Жамсаранова Р.Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. – Чита: Экспресс-издательство. 2013. – 288 с.

Жамсаранова Р.Г. Селькупско-хамниганско-бурятские лексико-семантические соответствия // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – № 1 (31). – С. 21–33.

Жамсаранова Р.Г. Экзонимно-этнонимные названия самоед и хамниган // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – Вып. № 3(21). – Томск. 2018. – С.87–96.

Крейнович Е.А. О некоторых юкагирско-уральских языковых параллелях // Советское финно-угроведение. – 1978. – № 14. – С. 241–249.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Митрошкина А.Г. Словарь бурятских личных имен. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2013. – 200 с.

Семенова В.И. Личные имена эхиритских бурят: монография. – Иркутск: Иркут. Ун-т, 2005. – 190 с.

Скрябина Н.П. Личные наименования в документах ясачного сбора XVII в. на территории Якутии // Вопросы ономастики. Вып.14: Собственные имена в системе языка / [отв. ред. А.К. Матвеев]. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. – 160 с.

Жамсаранова Р.Г., Алтаева В.И., Бардаханова З.Д. Словарь исторической антропонимии хори-бурят / науч. ред. Р.Г. Жамсаранова. – Чебоксары: Среда, 2022. – 322 с.

Сулейманова Р.А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. – Уфа, 2013. – 364 с.

Чиндина Л.А., Малиновская С.М. Отражение этнокультурных процессов в селькупской антропонимике XVII в. в Нарымском Приобье (опыт междисциплинарного исследования) // Вестник ТГУ. История. 2015. – № 6(38). – С. 92–99.

УДК 811.554

ЮКАГИРСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДВИЖЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ

Мордашова Дарья Дмитриевна
Институт языкознания РАН,
г. Москва
mordashova.d@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются свойства конструкций со значением движения с целью в тундренном юкагирском языке. Показано, что наряду

с аффиксальной конструкцией имеется ряд плеонастических конструкций, содержащих нефинитную форму с аффиксом движения и собственно лексический глагол движения. Анализируются несколько параметров типологического варьирования конструкций со значением сопутствующего движения применительно к юкагирскому материалу: семантика, соотношение событий исходного глагола и события перемещения, синтаксическая роль участника перемещения и аргументная структура конструкции. С точки зрения первых трех параметров тундренный юкагирский ведет себя типологически ожидаемо и демонстрирует свойства языков сибирского ареала: преимущественно андативное значение маркера, событие перемещения предшествует событию исходного глагола, участник перемещения является субъектом. С морфосинтаксической точки зрения юкагирский демонстрирует черты, в целом не свойственные показателям сопутствующего движения в языках мира, а именно: допускает выражение пространственных аргументов (по крайней мере Цели и Траектории) наряду с аргументами исходного глагола в конструкции с показателем движения. Это сближает его с ареально близкими тунгусо-маньчжурскими языками, в которых маркер движения может лицензировать различные пространственные аргументы.

Ключевые слова: тундренный юкагирский язык, конструкции движения с целью, сопутствующее движение, типология.

В настоящей статье обсуждаются свойства конструкций со значением движения с целью в тундренном юкагирском языке. Движение с целью является подвидом более крупной грамматической категории – сопутствующего движения (*associated motion* в англоязычной литературе). Данная категория объединяет показатели, модифицирующие значение исходного глагола и добавляющие к нему компонент перемещения в пространстве. Событие перемещения может по-разному хронологически соотноситься с событием исходного глагола (ср. ‘пошел и сделал’, ‘сделал на ходу’ и ‘сделал и пошел’), может быть по-разному дейктически ориентировано (ср. ‘**пошел** и сделал’ и ‘**пришел** и сделал’), может затрагивать перемещение разных участников ситуации (субъекта, как в примерах выше, или объекта: ‘увидел X, пока X приближался’) и т. д.

Впервые грамматические показатели с подобным значением были отмечены для языков Центральной Австралии в [Koch 1984]. К настоящему моменту существует достаточно обширная литература на эту тему; наиболее примечательна монография [Guillaume, Koch (eds.) 2021], содержащая описания подобных показателей для языков Северной и Южной Америки, Африки, Азии и Сибири. В [Волков, Стенин 2019] представлено типологическое исследование показателей сопутствующего движения в языках Сибири и Дальнего Востока. Авторы обнаруживают такие маркеры в тунгусо-маньчжурских, чукотско-камчатских, самодийских

(лесной ненецкий и нганасанский), эскимосско-алеутских и юкагирских языках. Типичными характеристиками данной категории в исследуемом ареале является наличие простой системы, состоящей из 1-2 маркеров сопутствующего движения, которые обозначают движение субъекта (и только субъекта), предшествующее событию, выражаемому исходным глаголом. Иными словами, в системах сибирского типа фиксированы синтаксическая роль участника движения и хронологическое соотношение между событием исходного глагола и событием перемещения.

В нашей статье рассматривается частный случай реализации системы сибирского типа на примере тундренного юкагирского языка. В разделе 2 вводятся способы выражения движения с целью в тундренном юкагирском, в разделе 3 обсуждаются их свойства в соответствии с релевантными параметрами типологического варьирования. Наконец, в разделе 4 подводятся итоги и дается типологическая оценка исследуемых конструкций.

Виды конструкций движения с целью в тундренном юкагирском языке. При описании конструкций мы опираемся как на данные существующих грамматических описаний тундренного юкагирского и опубликованные тексты (см. [Kurilov, Odé 2012]), так и на полевые данные. Последние были собраны методом анкетирования двух носителей: первичные данные были собраны М. Ю. Пупыниной в ходе экспедиции в с. Андрюшкино весной 2022 г., затем они были дополнены путем онлайн-опроса носителей через мессенджер WhatsApp¹.

В [Крейнович 1982: 152] интересующая нас конструкция обозначена как достигательное наклонение, которое «указывает на такое состояние, при котором то или иное лицо намерено отправиться совершить действие, указанное глагольной основой», например, *мэ-јуо-т'э-м* 'пошел посмотреть' (*јуо-м* 'видел'). При этом Е. А. Крейнович отмечает отсутствие единства мнений относительно статуса данной конструкции: «Вопрос о том, к какой грамматической категории следует отнести эту форму, решается исследователями по-разному» [Крейнович 1982: 152].

В [Курилов 2006: 186] суффикс с тем же значением орфографически оформляется несколько иначе, однако его семантика описывается сходным образом: «аффикс =чэ= образует непереходные глаголы со значением 'идти куда-либо для совершения действия'», например, *ураа=чэ=* 'пойти учиться'.

Аффиксальная конструкция, фигурирующая в грамматических описаниях, безусловно, обнаружена нами и в ходе анкетирования:

- (1) *met kəntə čambii-čə-me-ŋ.*
1SG друг помогать-AM-TR-1SG
'Пойду помочь другу'.

¹Автор выражает признательность М.Ю. Пупыниной за помощь в сборе полевых данных по составленной нами анкете.

Помимо этого, мы зафиксировали «плеонастические» конструкции, в которых идея движения передается дважды: аффиксом *-če* и лексическим глаголом движения. Аффикс в этом случае присоединяется к одной из двух нефинитных форм: конвербу на *-r* (2) или номинализации в форме датива (3).

- (2) *met kəntə čambii-če-r kewe-če-ŋ.*
 1SG друг помогать-AM-CVB уходит-INTR-1SG
 ‘Пойду помочь другу’.
- (3) *met emd'e met-ɣane juo-če-l-ŋin kelu-j.*
 1SG сестра 1SG-ACC видеть-AM-NMLZ-DAT приходит-INTR.3SG
 ‘Моя сестра приехала повидать меня’.

С нашей точки зрения, применительно к тундренному юкагирскому более удачным является обозначение подобных конструкций как выражающих именно движение с целью, а не сопутствующее движение в широком смысле. Дело в том, что в таких конструкциях событие движения всегда предшествует событию, выраженному исходным глаголом, но реализация последнего не обязательна. Это иллюстрирует пример (4), в котором реализация ситуации покупки явным образом исключается.

- (4) *met en'ie magazin-ɣa jabloko-le men-če-me-le,*
 1SG мать магазин-LOC яблоко-ACC брат-AM-TR-3SG
tagi taat jabloko me n'id'ayaaj-l'e-n'.
 этот так яблоко AFF кончиться-INTR-3SG
 ‘Мама пошла в магазин купить яблок, но они там уже закончились’.

Параметры типологического варьирования. Для конструкций, содержащих маркер сопутствующего движения, в литературе выделяется три основных параметра варьирования: семантика конструкции (направление движения), характер хронологического отношения между событием исходного глагола и событием перемещения и синтаксическая роль участника, совершающего перемещение. Относительно последних двух параметров тундренный юкагирский ведет себя так же, как и другие языки сибирского ареала (см. [Волков, Стенин 2019]). На семантических особенностях мы остановимся чуть подробнее.

Базовое противопоставление для семантики показателей сопутствующего движения заключается в том, куда направлено движение: в сторону от дейктического центра, т.е. говорящего (‘пойти делать’, *андатив*), или по направлению к дейктическому центру (‘прийти делать’, *вентив*). Кроме того, встречаются показатели, маркирующие движение с возвращением в исходную точку (‘пойти сделать и вернуться’, в англоязычной литературе за ними закрепился термин *roundtrip*, которому, насколько нам известно, пока не предложено устойчивого перевода на русский).

В тундренном юкагирском языке суффикс движения с целью имеет андативное значение (5), тогда как для передачи вентивного значения используется плеонастическая конструкция с глаголом *kelu-* ‘приходить’ (6).

(5) *amaa saaband'e pand'e-če-m-le.*
отец сеть ставить-AM-TR-3SG
'Отец пошел рыбачить'.

(6) *vasja čayad'aa-če-l-ŋin kelu-j.*
Вася работать-AM-NMLZ-DAT приходит-INTR.3SG
'Вася приехал сюда работать'.

Возможность выражения суффиксом *-če* движения 'туда и обратно' (*roundtrip*) при направленном опросе вызвала сомнения у носителей (7), однако употребление показателя в таком значении зафиксировано в текстах (8).

(7) *ʔen'ie lawje-le men-če-me-le.*
мать вода-ACC брат-AM-TR-3SG
'Мама сходила за водой (и вернулась)'.

(8) *uo-gi el=ayuoł-t mon-ur maarqa-n*
ребенок-PERT NEG=стоять-FUT[3SG] говорить-CIRC один-GEN
wolme-k men'-če-l-el-ŋu-mle.
шаман-FOC.ABS брат-ITV-NVIS-PL-TR.3SG.OF

'Поскольку опасались, что ее дети не выживут, один человек привел шамана' [Schmalz 2013: 119]¹.

Как правило, добавление показателя сопутствующего движения не затрагивает аргументную структуру исходного глагола (см. [Guillaume, Koch 2021: 13]). Однако в [Pakendorf, Stoynova 2021] отмечается нарушение этой закономерности на материале тунгусо-маньчжурских языков, которые в дополнение к аргументам исходного глагола допускают выражение в конструкциях с показателями движения аргументов с пространственным значением (Цель, Источник, Траектория).

В тундренном юкагирском в конструкции движения с целью сохраняются аргументы исходного глагола, в (9) проиллюстрирован контекст на прямой объект.

(9) *met emd'e waŋčii-če-t-me-ŋ.*
1SG сестра искать-AM-FUT-TR-1SG
'Я пойду искать сестру'.

Прочие непрямые аргументы исходного глагола (непрямой объект, косвенный объект) также свободно выражаются. Кроме того, аффикс со значением движения лицензирует пространственные аргументы со значением Цели (10) и Траектории (11).

(10) *tudel kol'-ien' čayad'aa-če-j.*
3SG Коля-DAT работать-AM-INTR.3SG
'Он пошел работать к Коле'.

(11) *met jawul čičirkin' purie-leŋ aptaa-če-me-ŋ.*
1SG путь вдоль ягода-ACC собирать-AM-TR-1SG
'Я пошел по дороге собирать ягоды'.

¹В примере сохранены орфография и условные сокращения источника, перевод на русский глосс и примера наш.

Однако аргумент со значением Источника движения по крайней мере в аффиксальной конструкции выражен быть не может (12). В дальнейшем необходимо уточнить спектр возможностей плеонастических конструкций в отношении выражения пространственных аргументов.

(12) *met lewejn burebe-yať čayad'aa-če-ŋ.
1SG природа-AVL работать-AM-INTR.1SG

Ожидаемое значение: 'Я уехал из деревни, чтобы работать'.

В статье мы показали, что в тундренном юкагирском языке представлена структурно простая система сопутствующего движения, в которой имеется единственный показатель движения с целью. Семантически он выражает скорее андативное значение (движение от дейктического центра), но, по-видимому, допустим и в контекстах движения с возвращением в исходную точку. Эти характеристики являются типологически ожидаемыми с учетом данных ареального исследования [Волков, Стенин 2019].

С точки зрения морфосинтаксиса, тундренный юкагирский ведет себя нестандартным образом: в конструкциях движения с целью допускается выражение как аргументов исходного глагола, так и пространственных аргументов (по крайней мере Цели и Траектории), лицензируемых аффиксом движения. Эта типологически нетривиальная черта характерна также для географически близких тунгусо-маньчжурских языков (ср. [Pakendorf, Stoyanova 2021]).

Список сокращений:

1–3 — 1–3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; AFF — утвердительная частица; AM — сопутствующее движение; CIRC — обстоятельственный конверб; CVB — конверб; DAT — датив; FOC.AVS — маркер фокуса; FUT — будущее время; GEN — генитив; INTR — непереходность; ITV — итив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NVIS — эвиденциальный маркер; PERT — показатель посессива при обладателе 3 лица; OF — объектный фокус; PL — множественное число; SG — единственное число; TR — переходность.

Список литературы:

Волков О.С., Стенин И.А. Андатив и вентив в языках Сибири: к типологии глагольной ориентации // Acta Linguistica Petropolitana. – 2019. Vol. 15.1. – С. 289–319.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Ленинград: Наука, 1982.

Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2006.

© А.Е. Прокопьева

Guillaume A., Koch H. (eds.). Associated motion. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021.

Koch H. The category of “associated motion” in Kaytej // Languages in Central Australia. 1984. – Vol. 1. – Pp. 23–34.

Kurilov N., Odé C. En’ie, Anna Kurilova n’iedilpe. Rasskazy materi, Anny Kurilovoj. [Tales from my mother Anna Kurilova]. – Amsterdam: Pegasus Publishers, 2012.

Pakendorf B., Stoynova N. Associated motion in Tungusic languages: a case of mixed argument structure // Guillaume A., Koch H. (eds.). Associated motion. – Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. – Pp. 855–897.

Schmalz M. Aspects of the grammar of Tundra Yukaghir. PhD thesis, University of Amsterdam, 2013.

УДК 811.554’367.627

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ

Прокопьева Александра Егоровна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

aleksprok-e@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье дается описание основных морфологических и лексических способов выражения количественной аспектуальности в языке лесных юкагиров. На основе фактического языкового материала делаются выводы, что для реализации действия по количеству его произведения используются специализированные морфологические (грамматические) показатели: *-й-* (*-ай-*), *-сь-*, *-эй-*, *-дэй-*/*-дай-* – для однократности действия; *-й-*, *-сьши-*, *-(н)дьи-*, *-дьаа-*, *-т-*, *-сь-*), *-ду-* – многократности действия. Также для передачи неоднократного повторения действия употребляется показатель *-и-* (иногда в сочетании с другими звуками: *-йи-*, *-ийи-*, *-уйи-*), для регулярной/постоянной повторяемости действия, являющегося способностью, склонностью либо характерной чертой участника того или иного события – хабитульные показатели *-ну-*, *-нун-*, *-нуну-*.

Ключевые слова: юкагирский язык, язык лесных юкагиров, аспектуальность, действие глагола, многократность, однократность.

В аспектологии глагольный вид служит для обозначения различных средств выражения характера протекания действия [Бондарко 2005: 226]. Важнейшим компонентом аспектуальности являются способы глагольного действия, «т.е. семантические разряды глаголов, определяемые по признаку сходства в типах протекания глагольного действия» [Там же].

По мнению Ю.С. Маслова, количественная аспектуальность «характеризует действия и состояния 1) по количеству «крат» или непрерывности / прерывности осуществления, 2) по степени длительности и 3) по степени интенсивности. По количеству «крат» выделяются однократные (разовые, «монотемпоральные»), многократные (повторяющиеся, «политемпоральные») действия и состояния – с дальнейшими подразделениями в зависимости от ограниченности / неограниченности и регулярности / нерегулярности повторений; постоянно наличные, всегда существующие состояния и отношения. По степени длительности действие или состояние может быть неограниченно длительным, ограниченно длительным или кратковременным вплоть до мгновенности действия (моментальный «скачок» из одного состояния в другое). Интенсивность может быть «нормальной», ослабленной или усиленной, иногда с дальнейшими подразделениями» [Маслов 2004: 321–322].

В.С. Храковский характеризует показатели кратности как «значения, которые, присоединяясь к значениям глагольных лексем, характеризуют их по количеству «крат» или непрерывности/прерывности осуществления» [Храковский 1987: 124].

Наиболее богатая в морфологическом плане часть речи в юкагирском языке – глагол.

Основным способом образования глаголов в юкагирском языке является суффиксальный. Глагольные суффиксы и их сочетательная возможность передают тончайшие оттенки значений глагольного действия.

Обзор способов действия глагола колымского диалекта юкагирского языка приводился в работах В. Иохельсона (1934), Е.А. Крейновича (1958, 1979, 1982), Е.С. Масловой (2003).

В.И. Иохельсон в языке лесных юкагиров выделил 5 способов действия глагола: *однократный* – неповторяемость действия; известное действие происходило единожды и в течение короткого времени (показатель =и=), *уменьшительный* – действие в уменьшительной форме, ограничивающее размеры (показатель =сьи=), *многократный* (показатель =ну=), *многократный в усиленной степени* (показатель =нуну=), *длительный* – действие, указывающее на непрерывность действия или повторение его через определенные промежутки времени (показатель =йи=).

Также исследователь отмечал, что суффиксы =ну=, =нуну= могут быть присоединены к вышеуказанным со значением повторительности:

=йину= – повторение однократного действия;

=йинуну= – повторение однократного действия;

=сьину= – повторение уменьшительной формы, уменьшительно-многократная форма;

=сьинуну= – повторение уменьшительной формы, уменьшительно-многократная форма;

=йинуну=, =йинунуну= – длительно-многократная форма [Иохельсон 2006: 43].

Е.А. Крейнович в языке лесных юкагиров [Крейнович 1979: 359-362] выделял следующие способы действия: *начинательный* (показатели =иэ= (иногда сопровождается *ль, дь, уйэ*), =а= (в определенных условиях данному показателю сопутствуют согласные *н, дь, ть (сь), л, й*)), *однократный* (показатели =й=, =эй=, =ай=, =сь=), *многократный* (показатели =и=, =й=, =йи=, =ийи=, =уйи=, =ды=, =сьи=, =чи=), *однократный длительный* (показатель =ну=), *многократный длительный* (показатель =нун=), *уменьшительный* (показатель =сьи=, =чи=). В работе «Исследования и материалы по юкагирскому языку» Е.А.Крейнович уменьшительный способ действия отмечает как форму субъективной уменьшительной оценкой действия [Крейнович 1982: 138].

В языке лесных юкагиров кратность действия выражается специальными показателями.

1. Одним из основных показателей не однократной повторяемости действия в языке лесных юкагиров является суффикс *-и-*, который встречается и в сочетании с другими звуками: *-йи-*, *-ийи-*, *-уйи-*, и представляет собой итератив с собственной итеративной эпизодической интерпретацией, где в (1а) описывается многократное повторение ситуации в рамках единого интервала времени, в (1б) – повторение ситуации в рамках определенного периода времени.

(1)

а. *Хохсиньэлбэнпэцин, удьильньэлбэнпэцин, шашхулньэлбэнпэцин омось эгуйиит эйрэдин титэльэ ууйшинульэлум.*

хокси=ньэ=л=бэн=пэ=цин	удьиль=ньэ=л=бэн=пэ=цин	
копыто=COM=Pr=Pr=PL=DAT	ногти=COM=Pr=Pr=PL=DAT	
шашхул=ньэ=л=бэн=пэ=цин	омось	эгу=йии=т
когти=COM=Pr=Pr=PL=DAT	хорошо	ходить=ITER=CV
эйрэ=дин	титэльэ	уу=йии=ну=льэл=ум
ходить=SUP	?	делать=ITER=HAB=EVID=TR:3Sg

‘Чтобы те, у кого есть копыта, ногти, когти, хорошо ходили, все делал’ [ФЮ1: 22-23];

б. *Йоуломэ нойл пукуйи.*

йоуломэ нойл пук=уйи
вечером нога распухнуть=ITER: 3Sg
‘Вечером ноги распухают’ [Прокопьева 2009: 135].

2. Выражением многократной повторяемости ситуаций в языке лесных юкагиров являются показатели итеративности, мультипликативности (*-й-*, *-сьи-*, *-(н)ды-*, *-дьаа-*, *-т-*, *-сь-*), *-ду-*.

(3)

а. *Мэнмэндьидэ пөги.*

мэнмэ=нды=дэ	пөг=и
подпрыгивать=ITER=CV	бежать=INTR:3Sg

‘Вприпрыжку скачет.’ (МПП)

b. Эл йуолэк, тудэл таат инглюой, таханэ тит кижуот мэнмэндьии.

эл йуо=лэк тудэл таат инглюо=й
 NEG смотреть=2Sg он так быть толстым=INTR:3Sg
 таханэ тит кижуо=т мэнмэ=ндьии
 несмотря на это быть легким=CV прыгать=ITER/INTR:3Sg

‘Несмотря на то, что он полный, он легко прыгает’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 72];

c. Тинг ньиэр таат чуольэмульэл, шашандьии.

тинг ньиэр таат чуольэ=му=льэл
 PRON_{dem} одежда так быть старым=AF_{CH}=EVID/3Sg
 шаша=ндьии
 рваться=ITER/INTR:3Sg

‘Эта одежда так состарилась, что рвется’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 366];

d. Тудэл тукнэлэ пайдум.

тудэл тукнэ=лэ пай=ду=м
 он гвоздь=INSTR ударить=MULT=TR:3Sg

‘Он по гвоздю ударяет’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 230]

f. Кин толчидьаай?

кин толчи=дьаа=й
 кто стучать=MULT=INTR:3Sg

‘Кто стучит?’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 283]

В (3b) помимо глагола итеративное значение выражается самой конструкцией предложения – значением общей временной соотнесенности.

В (3a,b,c) основы непереходных глаголов на *-ба ~ -гэ* замещаются основообразующим показателем многократности *-(н)дьии-*.

(4) Эмисьэгэ аңдьэ айбишлугэнэ – йэннуй мэт кизийэбэн, аңдьэ йоҕодайм-лугэнэ – эмидэйнуй, ньэлэмэ эль льэн гудэсиинуй.

эмисьэ=гэ аңдьэ айбии=л=у=гэ=нэ йэн=ну=й мэт
 темнота=LOC глаз тень=VN=ASP=LOC=ASP виднеть-
 ся=HAB=INTR:3Sg я
 кизийэ=бэн аңдьэ йоҕодай=м=л=у=гэ=нэ эмидэй=ну=й
 перед=Pr глаз открыть=TR:3Sg=VN=ASP=LOC=ASP тем-
 неть=HAB=INTR:3Sg

ньэлэмэ эль льэ=н гудэ=сии=ну=й
 ничего NEG быть=ASP стать=ITER=HAB=INTR:3Sg

‘В темноте если зажмурю глаза – то, что передо мной, виднеется, если открою глаза – темнеет, ничего не видно’ [ФЮ1: 94-95];

В связи с тем, что показатель *-сьии-* (*-чии-*) имеет значение незначительности проявления действия, выраженного основой, наблюдаем повторение ситуации с периодичностью, совершаемой нерегулярно, время от времени.

3. Хабитуалис относят к одной из разновидностей итератива. Хабитуалис

характеризуется как регулярная или постоянная повторяемость действия, являющегося способностью, склонностью либо характерной чертой участника того или иного события. В языке лесных юкагиров хабикулярное значение передается показателями *-ну-*, *-нун-*, *-нуну-*.

(5) а. *Тудаа шэльгоол мэт нойл идьии йуйуунуй.*

тудаа шэльг=оо=л мэт нойл идьии йуйуу=ну=й
давно сломать=PASS=Pr я/PRON_{poss} нога теперь болеть=HAB=INTR:3Sg
'Сломанная когда-то нога ноет.';

б. *Хаңичэпулгэ иркиэну хамизьбаануйэ шоромолок льэнульэ.*

хаңичэ=пул=гэ иркиэ=ну хамизьбаа=ну=йэ шоромо=лок
охотник=PL=LOC один=HAB помогать=HAB=Pr человек=NOM_o
льэ=ну=льэл
быть=HAB=EVID/3Sg

'У этих охотников по одному помощнику было.' [Прокопьева, Прокопьева 2021: 159];

с. *Чиздэмэ эл йархаануйэ унуң.*

чиздэмэ эл йархаа=ну=йэ унуң
зимой NEG мерзнуть=HAB=Pr река
'Незамерзающая зимой река.';

д. *Толоу монни: «Тэт ходол йуо, лэңдэлгэ айит мэтул иркушэйинунумик».*

толоу монн=и тэт ходо=л йуо лэңдэ=л=гэ
олень говорить=TR:3Sg ты/PRON_{poss} лежать=VN видеть/TR:1Sg
есть=VN=LOC

айи=т мэт=ул иркушэй=нуну=мик
стрелять=CV я=ACC пугать=HAB=INTR:2Sg

'Олень сказал: «Твое лежание вижу, во время моей пастбы стреляя (ты) меня бывало в дрожь приводил [букв. пугал]»' [Иохельсон 2005: 249];

е. *Йододьубэ читнэйэ, иисэндэ, кижоот (чугоон) шөльиэлэ ньиэжиишундэ тодишэги.*

йододьубэ читнэ=йэ иисэн=дэ кижоо=т
белка быть длинным=ATT быть острым=Pr быть лег-
ким=CV

шөльиэ=лэ ньиэжии=нун=дэ тодии=пэ=ги
орех=INSTR грызть=HAB=Pr зубы=PL=POSS

'У белки длинные, острые зубы, легко разгрызающие орехи.'

4. Со значением однократного характера протекания действия употребляются показатели *-й-* (*-ай-*), *-сь-*, *-эй-*, *-дэй-*/*-дай-*.

а. **ЧИНЭЙ-** *однокр.* от **чинэ-**: разрубить; отрубить, отсечь.

Чаачаа чилгэлэк чинэймэлэ.

чаачаа чилгэ=лэк чинэ=й=мэлэ
старший брат сук=ACC_o рубить=мом=TR:3Sg/OBJ
'Старший брат сук отрубил' [Прокопьева, Прокопьева 2021: 335]

б. **ХОХШЭСЬ-** *однокр.* от **хохшэ-**: всхрапнуть.

[Кинтэк хохшайл?] – Ольгаадиэ таат хохшэсь.

Ольгаа=диэ таат хохшэ=сь

Ольга=DIM так храпеть=INTR:3Sg/mom

[Кто всхрапнул?] – Олечка так всхрапнула [Прокопьева, Прокопьева 2021: 328]

с. **ЧУНРЭСЬ-** *однокр.* от **чунрэ-**: свистнуть.

Коля чунрэсь.

Коля чунрэ=сь

Коля свистеть=INTR:3Sg/mom

‘Коля свистнул’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 353]

В языке лесных юкагиrow к основам на **-ба~-бэ- (-э-)** в однократном способе действия присоединяется показатель со значением переходности и однократности **-дэ/-да-**, за которым располагается еще показатель однократности **-й-**, в конечном итоге получаем значение стремительности, мгновенности.

а. **ШАПАБА-** *неперех.* шлепать, стучать, ударять, хлопать чем-н. –

ШАПАБЭДАЙ- *перех. однокр.* хлопнуть, ударить, стукнуть. Петя, йобу-муллэ, шападанильэ чомуоҕото шапабадайм. ‘Петя, рассердившись, дверью сильно хлопнул.’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 360];

б. **ХОБЭ-** *неперех.* стрелять (*производить выстрелы*).

ХОБЭДАЙ- *перех. однокр.* выстрелить (*в кого-что-л.*). Хангичэ кедиэлнин хобэдайм. ‘Охотник выстрелил в волка’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 316].

с. **ЧОЛБӨ-** *перех.* долбить чем-н. (*ударять, делая углубление*). 1) долбить (*пешней, палкой*); 2) долбить (*клювом*).

ЧОЛБӨДАЙ- *однокр.* от **чолбө-**: стукнуть (*ударить, делая углубление*).

1) ударить (*пешней*); 2) ударить (*клювом*). Гена прорубэк **чолбөдаймэлэ**. ‘Гена ударил по проруби’ [Прокопьева, Прокопьева 2021: 344].

Таким образом, количественная аспектуальность в языке лесных юкагиrow характеризует действия по количеству его произведения: однократные, показателями которых являются аффиксы **-й-** (*-ай-*), **-сь-**, **-эй-**, **-дэй/-дай-**; многократные, показателями которых являются аффиксы итеративности, мультипликативности (**-й-**, **-сьии-**, **-(н)дьи-**, **-дьаа-**, **-т-**, **-сь-**), **-ду-**. Многократные между тем могут указывать на неоднократное повторение действия (суффикс **-и-**, который может употребляться в сочетании с другими звуками: **-йи-**, **-ийи-**, **-уйи**), а также на регулярную/ постоянную повторяемость действия, являющегося способностью, склонностью либо характерной чертой участника того или иного события (**-ну-**, **-нун-**, **-нуну-**).

Сокращения:

1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; ФЮ1 – Фольклор юкагиrow Верхней Колымы. Хрестоматия. Ч. 1. / Под ред. Николаевой И.А. – Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. – 161 с.; ФЮ2 – Фольклор юкагиrow Верхней Колымы. Хрестоматия. Ч. 2. / Под ред. Николаевой И.А. – Якутск: Изд. Якутского госуни-

верситета, 1989. – 81 с.; ABL – аблатив (отложительный падеж); ACC – винительный падеж; ACC_o – винительный определенный падеж; AF_{CH} – аффикс со значением действия, приводящего к каким-либо изменениям объекта; ASP – аспектальный аффикс, семантику которого еще предстоит уточнить; ATT – атрибутивная форма; COM – комитатив; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; EVID – очевидное наклонение; HAB – вид обычности действия; INSTR – творительный падеж; ITER – итератив; INTR – непереходный глагол; LOC – местный падеж; MULT – мультипликатив; NEG – отрицательная частица; NOM_o – именительный определенный падеж; OBJ – утвердительно-объектная форма спряжения; PASS – страдательный залог; PL – множественное число; POSS – притяжательный аффикс; Pr – причастие; PRON_{poss} – притяжательное местоимение; Sg – единственное число; SUP – супин; TR – переходный глагол; VN – имя действия.

Список литературы:

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 624 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005. – 272 с.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // В помощь учителю юкагирского языка и культуры: учебное пособие / сост. В.И. Шадрин. – Якутск: Офсет, 2006. – С. 5–48.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л.: Наука, 1982. – 302 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки Азии и Африки: в 5 томах: в 6 кн. – М.: Наука, 1979. – Т. 3. – С. 348–368.

Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян; Вступит. ст. А.В. Бондарко, Н.А. Козинцевой, Т.А. Майсака, В.А. Плунгяна. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с. – (Классики отечественной филологии).

Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). – Новосибирск: Наука, 2021. – 412 с.

Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Ч. 1. / Под ред. Николаевой И.А. – Якутск: Изд. Якутского государственного университета, 1989. – 161 с.

Храковский В.С. Кратность/ Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис – Л.: Наука, 1987. – 339 с.

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «БЭЮН / КОПЫТНЫЙ ЗВЕРЬ» В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ушницкая Наталья Юрьевна

Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск

maltak84@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию понятийной составляющей концепта «бэюн / копытный зверь» в эвенкийском языке. Охота на крупного копытного зверя велась с древних времен. С давних времен лось, дикий олень являются не только объектом охоты, но и поклонения. Охотничья лексика охватывает значительный объём словарного состава эвенкийского языка. Исследуемый концепт является базовым ментальным образованием в сознании эвенков. Изучение понятийного компонента проводится на лексикографическом материале. Автор выделяет следующий набор смысловых признаков концепта: 1) половозрастные названия, 2) обозначения самца по возрасту; 3) номинации самца по сезонам; 4) наименования периода брачных игр, 5) сезона охоты, 6) названия шкур, частей туши, 7) уровень упитанности, 8) место охоты, обитания, 9) охотник, 10) собака для охоты на копытного зверя. Ландшафт, исторически связанный с территорией проживания тунгусов, охотничье-кочевой образ жизни в сочетании с анимистическими взглядами на природу, оказали значительное влияние на формирование и развитие данного концепта. Наличие общих корневых основ во всех тунгусо-маньчжурских языках в составе лексем, участвующих в вербализации концепта, свидетельствует о его архаичности.

Ключевые слова: концепт, охота, бэюн, эвенкийский язык.

Ключевая лексема-репрезентант концепта «Бэюн / копытный зверь» употребляется во всех говорах и диалектах эвенкийского языка и встречается практически во всех тунгусо-маньчжурских языках: *эвенк.* бэјү-, бэјүк-тэ- охотиться (на копытного зверя); бэјүн копытный зверь (лось, олень); бэјүнчикэн детеныш крупного зверя (лося, дикого оленя); бэјүгэ одичалый олень; бэјүктэмнй охотник; бэјүлэн мастер-охотник (на копытного зверя); бэјүмикит промысел (на копытного зверя), место охоты; бэјүмэн собака (на копытного зверя); *сол.* бэјүнй бэјэ охотник; *эвен.* бујү- идти на охоту; бујү- охотиться на дикого оленя; бујүн дикий олень; зверь (вообще); дикий; *нег.* бэјү- идти на охоту на (лося); бэјүн лось; *ороч.* бэју(н-) лось; бэјүмэ- идти охотиться (на лося); *уд.* буи ~ буји зверь; *ульч.* бојо(н-) ~ бују(н-) медведь; лось; зверь; бујилту- ~ бујулту- охотиться на медведя; *орок.* бој(н-) ~ бују(н-)

медведь; дикий олень; *бојолмо*- охотиться на крупного зверя (медведя, оленя осенью); *нан. бују* ~ *бэјү* зверь (мясной); лось, изюбрь; *бэјүмэси-*, *бэјунту*- охотиться (на лося, изюбря и т.д.) [ССТМЯ 1975: 121].

Лося в говорах эвенкийского языка называют по-разному. Его общеэвенкийское название *мōт̄ы* (букв. 'поедающий дерево, кору дерева') [Мыреева 2001: 31]. *Тōк̄й* 'лось' также широко распространенное наименование, встречается во всех трех наречиях эвенкийского языка. Оно известно и другим тунгусо-маньчжурским народам: «Нег., эвен., ороц. *токи*; сол. *тохи*; ульч. *тō [тōк̄й]*; орок. *тō* ~ *тоуо*; нан. *тō [ток̄й]*; ма. *тохо* [ССТМЯ 1977: 191–192]. Кроме упомянутых номинаций лося, также употребляются и диалектные: *бугу* (Брг), *коуноку* (Тк, Ие, Олкм, В-Л, И) от *коунорин* 'черный', *сѣктат̄ыгин* (Тк, Ие, Члм), *сѣктакат̄ы* (П-Т), *һѣктакат̄ы* (И), *шѣктат̄ы* (П-Т), *лэпчэк* (Тк), *луку* (М) связано с понятием густая шерсть [Мыреева 2004: 302–495]. Помимо вышеупомянутых обозначений, лось именуется по полу, возрасту, сезонам: 1) *энин* 'самка лося' (букв. *эни* 'мама, мать'); *умигдэ* 'упитанная самка лося', 'не телящаяся самка лося'; *урид̄ыһэ* стельная (о самке лося или дикого оленя); *с̄йрэ* 'лось, дикий олень во время гона'; 2) *утэкэн* 'лосенок' (букв. 'детеныш'); *нын̄ан* 'годовалый лось, изюбренок'; *нын̄ачан* 'лосенок, изюбренок до года'; *тōк̄йк̄ан* 'лосенок'; *лукучōткōн* 'самец (теленок)'; *манд̄акса* 'лось-самец от года до двух лет'; *няргүч̄ан* 'двухлетний лось-самец'; *һал̄анч̄ан* 'лось-самец трех лет' от *һал̄ан* 'разветвление, развилина' (имеется ввиду отросток рога); *лукучōн* 'лось-самец четырех-пяти лет'; 3) *нэкучэн* 'лось (весеннее название)'; *анам* 'лось-самец перед гоним (в августе)'; *локой* 'лось-самец зимой'; *иерэгды* 'рогатый, с очень большими рогами (о лосе)'; *йрэн* 'сезон спаривания лосей' [Мыреева 2004: 45–678].

Кроме общетунгусского наименования дикого оленя *бэјōн* употребляют диалектные: *багдак̄а* (П-Т), *багдакат̄к̄ан* дикий олененок; *бугинэ* (Хнг), *бугйһэ* шкура дикого оленя; *куе* (Урм, Чмк); *согдө* (Тк); *сэгден* (Брг); *элкэн* (Члм); *эмник* (Тк) [Мыреева 2004: 70–530]. По полу дикого оленя именуют следующим образом: *гōгō* 'самка дикого оленя', *сирү* 'самец домашнего и дикого оленя во время гона'; *Сирүлаһанй* 'период спаривания оленей' [Мыреева 2004: 140; с. 509]. Кроме этого, самец дикого оленя обозначается 1) по сезонам: *йрэ* 'дикий олень, лось (во время гона)', *гиркүн* 'постоянно перемещающийся с места на место (о самце копытных зверей во время гона)', *неучэн* 'зимнее и весеннее название самца дикого оленя'; *курайк̄а* 'самец дикого оленя (весенне-летнее название)'; 2) по возрасту: *сонна* 'название дикого и домашнего оленя до года', *миңнэн* 'дикий олень-бык до года', *сэкс-эргэ* 'двухгодовалый дикий олень-самец', *һелбучан* 'дикий олень трех лет', *дипкэ* 'дикий бык-олень шести лет', *умурэгды* 'дикий олень после семи лет' [Мыреева 2004: 139–683].

Анализ словарных статей позволяет выделить следующие признаки в содержании исследуемого концепта: 1) дикое крупное копытное, рогатое животное, 2) добываемое человеком, 3) в целях пропитания, изготовления

одежды и покрытия для чума. Лексикографический материал дает возможность обозначить следующие тематические группы, участвующие в актуализации исследуемого концепта: 1) половозрастные названия, 2) обозначения самца по возрасту; 3) номинации самца по сезонам; 4) наименования периода брачных игр, 5) сезона охоты, 6) названия шкур, частей туши, 7) уровень упитанности, 8) место охоты, обитания, 9) охотник, 10) собака для охоты на копытного зверя.

Так, для эвенков и родственных с ними народов лось является не только средством пропитания, но и объектом почитания. Наличие большинства наименований копытных зверей, орудий охоты, встречающихся в других тунгусо-маньчжурских языках, свидетельствует об исконности традиционного типа хозяйствования охоты и рассматриваемого концепта.

Список условных обозначений

Говоры и диалекты эвенкийского языка:

Брг – баргузинский диалект

В-Л – верхоленский говор южного наречия токминско-верхоленского диалекта

И – илимпийский диалект

Ие – иенгринский говор

М – майский говор

Олкм – олёмминский говор витимо-олёмминского диалекта

П-Т – подкаменно-тунгусский диалект

Тк – токкинский говор

Урм – урмийский говор бурейско-урмийско-амгунского диалекта

Хнг – хинганский говор верхне-алданско-зейского диалекта

Члм – чуманский говор

Чмк – чумиканский диалект

Список литературы:

Мыреева А.Н. Лексика эвенкийского языка: растительный и животный мир. – Новосибирск: Наука, 2001. – 104 с.

Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды лучады турэрук. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. Словарю: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние: – Т. 1. – 1975; – Т. 2. – 1977.

РОЛЬ ПЕРВЫХ СЛОВАРЕЙ ПО ЮКАГИРСКОМУ ЯЗЫКУ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАТУСА ЮКАГИРСКИХ ЯЗЫКОВ

Лукина Маргарита Петровна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

margarita-lukina@yandex.ru

Аннотация. В статье освещаются первые сведения о попытках фиксации и систематизации лексики юкагирского языка в виде словников и словарей, которые начинаются со второй половины XVIII в. Первыми собирателями материалов по юкагирскому языку являются П. Паллас, И. Биллингс, М. Робек, Ф. Матюшкин. Проанализировав первые словари на соответствие лексике языков лесных и тундренных юкагириков, Г.Н. Курилов подчеркивает их огромную роль в определении статуса языков исчезнувших юкагирских племен, которые представляли собой остатки былой семьи близкородственных юкагирских языков. Таким образом, Г.Н. Куриловым было выдвинуто предположение о существовании в прошлом 14 юкагирских языков, из которых в наше время сохранились лишь два: язык лесных и язык тундренных юкагириков. В настоящее время исследователи юкагирских языков сходятся во мнении о том, что они являются самостоятельными, хотя и близкородственными, языками. Об этом свидетельствуют также публикации академических словарей по тундренному (2001) и лесному (2021) юкагирскому языкам сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ключевые слова: словари, язык тундренных юкагириков, язык лесных юкагириков, исчезающие юкагирские языки, юкагири.

В настоящее время юкагирские языки внесены в Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения, изданный ЮНЕСКО, и Красную книгу языков народов России. Уменьшается количество юкагириков, владеющих родным юкагирским языком. В 2002 г. в Республике Саха (Якутия) из 1097 юкагириков указали на владение родным языком 310 чел. (28, 3 %), в 2010 г. из 1281 юкагириков – 289 чел. (22, 6%), в том числе 22 (7,3 %) в Верхнеколымском улусе [Численность населения Республики Саха (Якутия) ... 2005]. Однако официальные цифры, свидетельствующие о владении юкагириками родным языком, не отражают реальную картину распространенности языка. Как показывают полевые материалы, количество свободно владеющих юкагирским языком гораздо меньше. Так, в данное время носителей языка

лесных юкагиrow осталось всего 4–5 чел., количество носителей языка тундренных юкагиrow – 30–40 чел.

Первые образцы юкагиrowского слова известны со второй XVIII в. Первым текстом юкагиrowского языка считается перевод молитвы «Отче наш» в текстах Н. Витзена, опубликованный в 1785 г. [Witsen 1785].

Вторым памятником лексики юкагиrowского языка являются лексические единицы, вошедшие в «Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы» П. Палласа (1787; 1789), в которых содержится 131 юкагиrowское слово, по мнению шведского ученого И. Ангере, принадлежавшие исчезнувшему диалекту Усть-янских юкагиrow [Курилов 2003: 30]. Г.Н. Курилов считает, что, «если они собраны у юкагиrow, проживавших на одной территории, то можно с уверенностью предположить, что это не были ни лесные (верхнеколымские), ни тундренные (нижнеколымские) юкагиrow [Курилов 2003: 30]. Проанализировав данные слова, Г.Н. Курилов пришел к выводу, что «перечисленные лексические единицы принадлежали языку исчезнувшей этнической группы юкагиrow» и «вопрос о том, какому именно племени они принадлежали, не может в настоящее время получить определенного решения» [Курилов 2003: 32].

Следующей публикацией юкагиrowской лексики является «Краткий словарь двенадцати наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах» (1811), на титульном листе которого написано, что этот материал «собран бывшим при экспедиции кап. Биллингса штаб-лекарем, что ныне статский советник, Робеком», который состоит из четырех отделов. В 1-ом отделе словаря Г.Н. Курилов обнаружил 256 слов, принадлежащих в основном языку лесных юкагиrow. Словарь представляет часть списка английских слов с переводом на юкагиrowский язык, хранящегося в архиве Академии наук в Санкт-Петербурге в папке под названием «Vocabulary of the Kovime Ukagers», в конце которого имеются примечание и подпись И. Биллингса. В этом списке 373 слова. Г.Н. Курилов считает, что архивный материал «свидетельствует о личном участии самого капитана Биллингса в сборе и записи юкагиrowских слов» и «если это так, то ради восстановления истины и торжества справедливости мы обязаны включить в список первых собирателей материалов по юкагиrowскому языку капитана И. Биллингса и штаб-лекаря Робека» [Курилов 2003: 33].

Сведения об омоках и чуванцах как самостоятельных племенах сохранились благодаря небольшому, но бесценному словарю Ф. Матюшкина «Собрание слов чуванского и омокского языков, составленное мичманом Матюшкиным», вышедшей как приложение в книге «Прибавления к путешествию по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициею, состоявшей под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля» (1841), в которую вошли 163 чуванских и 103 омокских слова. Данный словарь, по сло-

вам Г.Н. Курилова, – единственный памятник этих языков, «которые вскоре после того, как Матюшкин произвел свои записи, исчезли навсегда, унеся с собой многие загадки жизни своих носителей» [Курилов 2003: 34]. В этом словаре, кроме слов собственно омокского и чуванского языка, Г.Н. Куриловым обнаружены слова, совпадающие с лексическими единицами языка тундренных и лесных юкагиров, а также слова, относящиеся к общеокагирской лексике, т.е. те, которые встречаются в языках как тундренных, так и лесных юкагиров, но, с некоторыми фонетическими различиями [Курилов 2003: 35]. Так, больше 50% лексических единиц из словаря Матюшкина являются собственно омокскими. Следовательно, исчезнувший язык омоков был отдельным самостоятельным языком, отличавшимся от языков чуванцев, тундренных и лесных юкагиров. Проанализировав вышеуказанные словари на соответствие лексике языков лесных и тундровых юкагиров, Г.Н. Курилов подчеркивает их «огромную роль в определении статуса языков исчезнувших юкагирских племен», которые представляли остатки былой семьи языков. [Курилов 2003: 38].

Сбор и изучение лексического состава языков верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров продолжил В.И. Иохельсон. В своем труде «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» (1926) он поместил юкагирско-русский и русско-юкагирский словари, куда включил слова «на обоих диалектах», встречающиеся в записанных им текстах [Иохельсон 1926]. В первую часть словаря вошло около 800 лексических единиц языка юкагиров Верхней Колымы [Прокопьева, Прокопьева 2021:13].

В конце 80-х гг. XX в. в фондах Магаданского областного краеведческого музея были обнаружены выполненные первым ученым из числа малочисленных народов Севера, юкагирским писателем Н.И. Спиридоновым рукописные варианты юкагирско-русского словаря [Спиридонов 2003]. Его черновики, служащие иллюстрацией языка лесных юкагиров первой трети XX века, включают около 780 слов [Прокопьева, Прокопьева 2021:13]. Ценность словаря, как отмечает А.А. Бурькин, подготовивший рукопись к изданию, в этнографических пояснениях при словах, относящихся к быту и религиозному мировоззрению юкагиров, в собрании юкагирских географических названий, в указании заимствованных из эвенского и русского языков слов [Спиридонов 2003].

Большое значение для исследования языка лесных юкагиров имеет также «Школьный русско-юкагирский словарь» (1997) учителя родного языка из с. Нелемное Верхнеколымского улуса В.К. Спиридонова [Спиридонов 1997].

Большую роль в сохранении лексики языка верхнеколымских юкагиров сыграло учебное пособие «Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский» (2002) [Николаева, Шалугин 2002], авторами которого являются исследователь языка лесных юкагиров И.А. Николаева и носитель языка В.Г. Шалугин. В первом разделе данного словаря насчитывается около 2 200 слов языка лесных юкагиров [Прокопьева, Прокопьева 2021:14].

Большой вклад в документации языка лесных юкагиrow внесли сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН П.Е. Прокопьева и А.Е. Прокопьева. Осенью 2021 г. ими выпущен «Юкагиrowско-русский словарь (язык лесных юкагиrow)» в издательстве «Наука» в Новосибирске [Прокопьева, Прокопьева 2021]. Словарь содержит свыше 5900 лексических единиц языка лесных юкагиrow. Значительное количество слов иллюстрируется примерами, отражающими особенности их употребления в речи. В словаре широко использованы полевые материалы авторов, собранные от носителей языка в 1989–2019 гг. Представленные в словарных статьях фразовые образцы являются собой как выборки из фольклорных текстов различных жанров и рассказов этнографического характера, так и примеры, записанные от информантов. Слова, представленные без фразовых примеров, извлечены из словарей без контекста или записаны от носителей языка, которых, к сожалению, нет в живых [Прокопьева, Прокопьева 2021:15]. По словам создателей словаря, он включает большое количество лексем, впервые выявленных в XXI веке в ходе специальной работы с носителями языка лесных юкагиrow. В процессе сбора лексического материала также были записаны нигде ранее не зафиксированные формы слов, устойчивые сочетания, уточнялись и дополнялись значения слов из изданных словарей [Прокопьева, Прокопьева 2021:14].

Первой и крупной публикацией лексики языка тундренных юкагиrow является «Юкагиrowско-русский словарь» Г.Н. Курилова [Курилов 1990]. Составление данного словаря началось еще в 1980-х годах в ИЯЛИ. Он назывался «сокращенным» потому, что в него не были включены многочисленные фразовые примеры, раскрывающие основные и переносные значения лексических единиц. К тому же по технической оплошности в словарь не вошло несколько сот словарных статей на букву С. Впоследствии на его основе был издан первый академический словарь языка тундренных юкагиrow, который содержит около 11 тысяч лексических единиц с фразовыми примерами, «дающими представление об особенностях материальной и духовной культуры юкагиrow» [Курилов 2001]. Юкагиrowско-русский словарь, выпущенный в 2001 г. дополнен значительным количеством словарных статей, отражающих лексические единицы, которые были выявлены в конце 1980-х годов и потому не вошли в издание 1990 г. Словарь обогащен также лексическими единицами, выявленными в 1990-х годах в ходе перевода на юкагиrowский язык капитального труда В. Иохельсона «The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus» [Иохельсон 2005]. Далее, в словарные статьи внесено множество новых фразовых примеров с целью обогащения словаря информацией исторического и этнографического характера. Надо особо отметить тот факт, что значительно переработан (около 50%) дословный перевод юкагиrowских фраз. Отредактированные варианты перевода позволяют более полно и точно передать смысловое содержание речевых оборотов и фраз.

В настоящее время процесс утраты родного языка у юкагиров сопровождается массовым переходом на русский и якутский языки. Однако, тундренные юкагиры делают многое для сохранения родного языка. Например, Г.Н. Курилов с 1972 г. приложил много усилий для сохранения языка тундренных юкагиров: выезжал в экспедиции для сбора ценного языкового и этнографического материала в места компактного проживания тундренных юкагиров; основал письменность, выпустил Буквари, составил словари, издал «Фольклор юкагиров» [Фольклор юкагиров 2005]; добился, чтобы в начальных классах дети изучали юкагирский язык как предмет. В с. Андриюшкино, где компактно проживают тундренные юкагиры, усилиями учителей родного юкагирского языка выпущены учебники для начальных классов – с 1-го по 4-й классы; словари для школьников. Старожилами-носителями родного языка выпускаются разговорники. Например, А.И. Стручкова и А.А. Помогаева в 2022 г. выпустили разговорник по языку тундренных юкагиров.

В условиях неблагоприятной языковой ситуации сбор и документация лексики юкагирских языковых является чрезвычайно актуальным.

Список литературы:

- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В.И. Иохельсон; Пер. с англ. В.Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 356 с.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
- Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка: (Развитие лексики и роль в нем якутского языка). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.
- Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). – СПб.: Издательство «Дрофа», 2002.
- Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). – Новосибирск: Наука, 2021. – 412 с.
- Спиридонов В.К. Школьный русско-юкагирский словарь. – Якутск: Бичик, 1997. – 57 с.
- Спиридонов Н.И. Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь / [изд. подгот. А.А. Бурькин]. – Якутск: Якут. гос. ун-т, 2003. – 57 с.
- Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.
- Численность населения Республики Саха (Якутия) за межпереписной период (1990–2002 годы) от итогов Всероссийской переписи населения 2002 года: статистический сборник / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Республике Саха (Якутия); [редкол.: Т. А. Торговкина (пред.) и др.]. – Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2005. – 19 с.
- Witsen N. Noord end Oost Tartarye. – Amsterdam, 1785.

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОНЦЕПТОВ *ВЕСНА* И *ОСЕНЬ* В ЭВЕНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Кузьмина Раиса Петровна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СОРАН,
г. Якутск*

raisakuzmina2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются образно-символические признаки в структуре концептов *весна* и *осень* в художественной картине мира эвенов, объективированные в виде метафор и сравнительных конструкций, которые оформлены с помощью формантов подобия и сравнения. В результате исследования выявлены и охарактеризованы образные составляющие концепта *весна* в национальном мировосприятии эвенских поэтов, дифференцирующиеся по различным признакам, преобладающими из которых являются перцептивные, предметные, темпоральные и признаки стихии – огня. В индивидуально-авторской картине мира в структуре образных составляющих концепта *осень* доминирующими признаками выступают витальные, колоративные, антропоморфные и признаки вещества. В мировосприятии эвенских поэтов выявлены диаметрально противоположные символические признаки *весны* и *осени*. В авторской картине мира поэтов-эвенов сезон *весны* ассоциируется с юной девушкой и выступает символом молодости, жизни и света. В поэтическом дискурсе *осенний сезон* чаще всего связывается с грустью, с печалью, с неумолимой тоской и символизирует старость и приближение смерти.

Ключевые слова: авторская картина мира, художественный дискурс, образные признаки, концепт, символ.

Образные признаки концепта определяют чувственное восприятие мира того или иного народа. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «Когнитивные метафоры в процессе когнитивной интерпретации должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта. Эти признаки извлекаются из содержания метафоры, преимущественно из основания сравнения, которое легло в основу метафоры» [Попова, Стернин 2010: 206-207].

Образная часть в структуре концепта в авторской картине мира эвенских поэтов представлена в виде метафор и сравнений, реализующих различные составляющие весеннего сезона. В языковой картине мира эвенов выявлены следующие образные концептуальные признаки собственно *весны*:

перцептивный признак – запах: *Нэлкэниңу унүн эмрин...*[Лебедев 2004: 8]. **Запах** весны идет...;

предметный признак – одеяло: *Нэлкэниңу төрү дассин...*[Там же: 8]. **Весна** (моя) землю **накрыла**...;

витальные признаки – движение: *Нэлкыни эмьддын, Имынды манудун...* [Протопопова-Гулунэ 2008: 75]. **Весна идет**, Снег убывает...`.

В поэтическом дискурсе образный *темпоральный* признак *весна – молодость* представлен концептуальными метафорами *нэсти нэлкэ* `молодая весна`, *нөсэлэдэр нэлкэни* `юная весна`: *Нөсти нэлкэ дагамран, Ханин өрүсич икэлрэн, Як бэкэчэн нөсэкчэн од, Эрэли көөми мямси нод...*[Кривошапкин 1995: 147]. **Весна молодая** приближается, Душа радостно поет, Все вокруг помолодело, Вокруг изумительная красота...`.

В авторской картине мира А. В. Кривошапкина *весна* обладает образными признаками стихии – *огня*: *Мэуэм тогу эрэли хучэ. Алаке, нодаке, нэлкэни, Уданит, алаттит мут хину!*...[Кривошапкин 1995: 152]. `Золотой огонь вокруг раздувает. Как хорошо, красота какая, весна, Как долго мы тебя ждали!...`.

В художественной картине мира выявлены различные концептуальные признаки, объективирующие образную структуру *осеннего сезона*. При образной концептуализации *осени* в поэтическом дискурсе актуальным является **колоративный** признак, продемонстрированный следующим образом: *Хиуаня болани, Ануани муданни...*[Захарова 2014: 46]. `Желтая осень, Года конец...` (букв.); *Кямтарган эрэли...*[Бокова 2013: 74]. `Поблекло все вокруг...`.

В мировосприятии поэтов-эвенов также зафиксированы метафоры **движения**: *Мөнтэлсэ дагамча,...*, *Мөнтэлсэ эр нача...* [Кривошапкин 1995: 101]. `Осень **приближается**..., Вот и **наступила** осень...`; *Мөнтэлсэ эр нача...* [Там же: 101]. `Осень вот наступила...`; *Дюгани елтэнни, Болони мэринни...*[Бокова 2013: 74]. `Лето **прошло**, Осень **закружилась**...`.

В индивидуально-личностной картине мира В.С. Кейметинова следует отметить такие **антропоморфные** образные признаки: *Болани хаврандун...* [Кейметинов 2013: 26]. `Дыханием осени...`; *Болони хивранни. Дыхание осени (о наступлении холодов)*`.

В поэтическом дискурсе эвенов определены различные символические признаки концептов *весна* и *осень* (см. Табл. 1). В авторской картине мира эвенских поэтов *весна* ассоциируется с молодостью, что находит аналогии в мировосприятии многих народов: *Нөсэлэдэр нэлкэниң...*[Лебедев 2009: 73]. **Юную** весну...`. М.В. Пименова пишет, что для русской языковой картины мира: «...Весна – это возрождение жизни. Весна понимается и как период юности. Юность – это *заря жизни*; подобные метафоры свойственные для души (*озарило душу; озарение в душе; заря в душе*). Юность – это и пора цветения, расцветания человека (ср.: *расцвести душой; заря в душе*)» [Маслова, Пименова 2016: 144].

В сознании носителей эвенского языка весна – это символ жизни и света, что находит параллели и в художественной картине мира: *Нэлкэ эмрин – Бини хурэн, Тарак хурэн – Нэрин удит* [Лебедев 2009: 56]. 'Приход весны – верхушка жизни, То начало – светлая дорога...'

В видении мира эвенских поэтов весна персонафицируется и выступает в образе *молодой девушки*: *Хани асаткан – нэлкэни...* [Кривошапкин 1995: 152]. 'Нарядная **девушка** – весна...'

В авторской картине мира В. Д. Лебедева *осень* выступает в образе старшего брата и символизирует старость: *...Хагдандидди боланив...* [Там же: 72]. 'Стареющую осень...'; *Дюгани аканни, Болани мэринни...* [Там же: 72]. 'Лета старший брат, Осень закружилась...'

Табл. 1.

Символические признаки весны и осени в художественном дискурсе эвенов

Концепт весна	Концепт осень
Темпоральный признак	
<i>Нөсэлдэр нэлкэнив...</i> [Лебедев 2009: 73]. 'Юную весну...'	<i>Хагдандидди боланив...</i> [Лебедев 2009: 72]. 'Стареющую осень...'
Антропоморфные признаки	
<i>Хани асаткан – нэлкэни...</i> [Кривошапкин 1995: 152]. 'Нарядная девушка – весна...';	<i>Дюгани аканни, Болани мэринни...</i> [Лебедев 2009: 72]. 'Лета старший брат, Осень закружилась...'

Таким образом, анализ художественного дискурса эвенов позволяет сделать вывод, что в авторской картине мира образные концептуальные составляющие *весны* и *осени* актуализированы в виде метафор и сравнений. В содержании концептов *весна* и *осень* выявлены образные признаки, дифференцирующие по различным признакам. В сознании эвенских поэтов зафиксированы оппозиционные представления сезонов *весна* и *осень*: *весна* – символ молодости, жизни и света, *осень* – печали, увядания и старости.

Список литературы:

- Бокова Е.Н. Херилбу, инилбу одялра!: мэн дялди анидыңу дэнтурбу. – Якутск: Бичик, 2013. – 96 с.
- Захарова Х.Н. Сияние утренней зари: сборник стихов и песен. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 64 с.
- Кейметинов В.С. Дэнтуралби анирам: стихи. – Якутск: Бичик, 2013. – 64 с.
- Кривошапкин А.В. Ицэнь төр икэлни. Песни Севера. – Якутск: Бичик, 1995. – 256 с.
- Лебедев В.Д. Родной край: стихи. – Якутск: Бичик, 2004. – 80 с.
- Лебедев В.Д. Икэ эңин: стихи. – Якутск: Бичик, 2009. – 128 с.

© Л.Г. Курилова

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия)

Протопопова -Гулунэ Татьяна. Хаардах дойдум ил тыгына. – Якутск: Бичик, 2008.

УДК 811.554'367.625

СЕМАНТИКА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В ЯЗЫКЕ ТУНДРЕННЫХ ЮКАГИРОВ

Курилова Лаина Гавриловна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

ladinakuril@mail.ru

Аннотация. В языке тундренных и лесных юкагиров в совокупности количественных слов преобладают имена числительные. Отмечается и функционирование количественных глаголов. Изучение количественных слов с признаками предиката актуально в аспекте семантического анализа, что обусловило цель исследования – определение семантики количественных глаголов в языке тундренных юкагиров. Впервые выявлено, что в количественном глаголе *маархуонь* ‘один-есть’, корнеслов *маарха* называл особый предмет, а счет начинался с корнеслова *кий*, количественного глагола *кийуонь* ‘два-есть’, буквально: ‘передний-есть’. Определение семантики лексемы *йалуонь* ‘три-есть’: ‘задний-есть’ свидетельствует о третичной системе счета. В общем, количественные глаголы показали структурно-морфологические и семантические сходства в обоих юкагирских языках. Получило уточнение семантическое значение лексемы *имдалдьань* (Т) – *иньбаньбой / ньабанбуой* (Л) ‘пять-есть’: ‘вместе пятерня (рука) есть’. Определено значение *вальбарумкуруонь* ‘девять есть’ (Т): ‘с другой стороны – два есть’.

Ключевые слова: количественные слова, количественные глаголы, язык тундренных юкагиров, язык лесных юкагиров, семантика.

Количественные слова, функционирующие в системе счета языка тундренных и лесных юкагиров, характеризуются словообразовательными и морфолого-грамматическими особенностями. Эти лексемы выражают форму глагольного слова в 3 лице единственного числа и спрягаются. Вместе с тем, в общей совокупности количественных слов преобладают имена числительные.

Изучение количественных слов с признаками предиката актуально в фокусе семантического анализа. Изысканиями по семантике данных слов, обо-

значающих первый десяток в количественном счете, занимались А.А. Шифнер [Шифнер 1872], В.И. Иохельсон [Иохельсон 1934], Е.А. Крейнович [Крейнович 1982], Г.Н. Курилов [Курилов 2006]. В нашей работе мы продолжаем это исследование для последующего анализа словообразовательных, морфологических, семантических особенностей количественных слов в юкагирских языках. Соответственно, цель заключается в определении семантики, изучении происхождения количественных глаголов в языке тундренных юкагиров.

Количественными глаголами в языке тундренных юкагиров являются слова, обозначающие количественный счет (*маархуонь* ‘один-есть’, *кийуонь* ‘два-есть’ и др.) и ограничительный счет (*мэ маархуонь* ‘только один-есть’, *мэ кийуонь* ‘только два-есть’ и др.), в языке лесных юкагиров – лексемы *иркиэй* ‘один-есть’, *атахлоой* ‘два-есть’ и др., называющие количественный счет, и слова *иркиэну* ‘по одному’, *атахлоону* ‘по два’ и др., указывающие на распределительный счет.

Лексемы *маархуонь* ‘один-есть’ и *кийуонь* ‘два-есть’ состоят из именных корней: *маарха-*, *кий-* и вспомогательного глагола *-(н)ол* ‘есть’, ‘быть’. Словообразование данных лексем производилось соединением названных корней и *вспом. гл. -(н)ол* ‘быть’: *маархуол-* ‘быть в количестве один’, *кийуол-* ‘быть в количестве два’ [Курилов 2006: 110]. Слова с *-(н)ол* могут спрягаться как глаголы, основы которых оканчиваются на *-л*, поэтому оглавленная основа количественного слова оформилась суффиксом *-й* личным окончанием непереходных глаголов в 3 лице единственного числа. По фонетическим особенностям языка тундренных юкагиров звуки [л], [й] не сочетаются в одном слове, поэтому в составе количественных слов произошло фонетическое изменение в звук [нь]: *маархуол-* ‘быть в количестве один’ < *маархуонь* ‘один-есть’, *кийуол-* ‘быть в количестве два’ < *кийуонь* ‘два-есть’ [Курилов 2006: 111]. Подчеркнем, что в выше приведенных лексемах, а также в словах *йалуонь* ‘три-есть’, *вальбарумкуруонь* ‘девять-есть’ способ образования просматривается отчетливее, чем в количественных глаголах, подвергшихся фонетической ассимиляции: *йалаклань* ‘четыре-есть’, *имдалдьань* ‘пять-есть’, *маалайлань* ‘шесть-есть’, *пускийань* ‘семь-есть’, *маалайлаклань* ‘восемь-есть’, *кунильань* ‘десять-есть’ (Т) [Курилова 2021].

Семантическое значение *маархуонь* ‘один-есть’ и *кийуонь* ‘два-есть’ до сих пор считается не определенным. Мы попытались интерпретировать их значение и пришли к следующим выводам. В лексеме *маархуонь* ‘один-есть’ корнеслов *маарха* образован из соединения частицы логического выделения *мэ(р)* с именным словом *архул* ‘подпорка’, ‘опора’ [Курилов 2001: 53] – *мэ(р)+архул* < *маархул*. В связи с чем укажем на сочетания с фокусом *мэ(р)* (*мэ нэмэ* ‘что-то’, *мэ хадаа* ‘где-то’, *мэ кинэк* ‘кто-то’), выполняющие функции семантического фокусирования. Предполагаемый способ образования с логическим выделением наблюдается только в данном количественном слове, при последующей конверсии *маархул* со *вспом. гл. -(н)ол* => *маархулоол*, ассимилированном в лексему *маархуол*. Соответственно, *маархуол* ‘быть в количестве один’

имеет семантику: ‘быть в состоянии только подпорки’, ‘быть в состоянии только опоры’; *маархуонь* ‘один-есть’: ‘только подпорка-есть’, ‘только опора-есть’.

По мнению некоторых исследователей, изучавших праиндоевропейский язык, а также шумерский и хурритский языки, счёт начинался с ‘двух’ и более, а ‘один’ предполагал не счёт, а особое название предмета, и в ряд числительных ‘один’ включился позднее [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 843-844]. Это предположение мы применили к определению семантики лексемы *кийуонь* ‘два есть’, образованного корнесловом *кий-* и *вспом. гл. -(н)ол* ‘есть’, ‘быть’. Этимон *кий-* просматривается в послелого *киэйэ* ‘перед’, ‘передняя часть’, что может говорить о начале отсчета с *кийуонь* ‘два есть’. Эти сведения, предполагаем, констатируют суждение, что корнеслов *маарха* называл специфичный предмет, а сам счет начинался с *кий*, количественного глагола *кий* ‘два есть’, который может означать ‘передний-есть’.

Количественные глаголы *маархуонь* ‘один-есть’ и *кийуонь* ‘два есть’ языка тундренных юкагиров отличаются от лексем языка лесных юкагиров: *иркиэй* ‘один-есть’, *атахлуй* ‘два-есть’. Сопоставление корнеслова со значением ‘один’ (*ма)арха-* (Т) с корнем *ирки-* (Л) показало только наличие звукового сходства, сходств не обнаружило сравнение корнеслова со значением ‘два’: *кий* (Т) и *атахлэ* (Л).

В целом, последующие количественные глаголы анализировались в сопоставлении, т.к. структурно-морфологический и семантический анализ показал сходства в обоих юкагирских языках.

Лексема *йалуонь* ‘три-есть’ состоит из основы *йал-* и вспомогательного глагола *-(н)ол* ‘есть’, ‘быть’. Выявление значения этимона *йал-* в языке тундренных юкагиров не показало адекватных определений. Сопоставление *йал-*(Т) со сходными основами в языке лесных юкагиров указало на послелог *йолаа* (Л) ‘задний’, ‘сзади’ [Прокопьева и др. 2021: 97]. Отметим, в языке тундренных юкагиров в значении ‘задняя часть чего-либо’ употребляется послелог *лайаа* ‘позади’, ‘сзади кого-чего-либо’ [Курилов 2001: 191].

Следуя семантике *йал-* (Т) в сравнении с корнем *йол-* (Л) лексема *йалуонь* ‘три-есть’ (Т) может интерпретироваться в значении: ‘задний (последний) есть’ с соответствующим определением *йаалуой* ‘три-есть’ (Л) в языке лесных юкагиров. Надо полагать, подобная интерпретация значения лексемы *йалуонь* ‘три-есть’ свидетельствует о существовании третичной системы счета у древних юкагиров, т.е. данное слово завершает третичный счет.

Количественный глагол *йалаклань* ‘четыре-есть’ дословно может означать ‘позади трех’, состоит из этимона *йал-йаал* ‘три’ (буквальный смысл: ‘задняя, последняя часть чего-либо’), к нему примыкает послелог *акла-й-эклиэ* ‘сзади’ и *вспом. гл. -(н)ол* ‘быть’, ‘являться’; в языке лесных юкагиров: *илэклуой* ‘четыре-есть’ (*илэ-йаал* ‘три’+*экл-йэклиэ* ‘сзади’+*нол*). Семантически данную лексему можно определить, как: ‘позади последнего (после третьего) есть’ (Т), (Л).

Лексема *имдалдьань* ‘пять-есть’ содержит препозитивный аффикс *им-*, основу *далдьа* < *чалдьэ* ‘рука, ‘пятерня’ и ассимилированный *вспом. гл. -(н)ол*, в языке лесных юкагириров *иньбаньбой* [Иохельсон 1934] / *ньябанбуой* ‘пять-есть’ [Николаева, Шалугин 2002] произведен префиксом *инь-* / *нья-*, основой *баньб-* / *банб-* и *вспом. гл. -ой / -уой (<-(н)ол)*. Мы полагаем, что префикс *им-* является фонетическим вариантом препозитивного аффикса *нь(и)-(Т)/ньэ-* (Л) со значением совместности и взаимности [Курилова 2023]. Вероятно, *инь-/нья-* (Л) соответствует *им-/ньэ-* (Т). В языке лесных юкагириров *баньбо* < *ханьбо* (Л) означает ‘ладонь’, ‘кисть’, ‘пятерня’ [Иохельсон 1934], в языке тундренных юкагириров *далдьа* < *чалдьэ* понимается, как ‘рука’ (Т). Исходя из данной интерпретации – *имдалдьань* (Т) / *иньбаньбой/ньябанбуой* (Л) ‘пять-есть’ может дословно означать: ‘пятерня (есть)’, ‘пять пальцев руки вместе с ладонью (есть)’.

Количественный глагол *маалайлань* (Т) – *малбийаалоой / малбалуой* (Л) ‘шесть-есть’ семантически означает ‘обе тройки есть’, ‘по обе стороны три есть’ [Шифнер 1872], [Крейнович 1982]. Произведен от корня *маала-* со значением ‘обе стороны’, основы *йал-* (*йл* < *йал*) ‘три’ и вспомогательного глагола *-(н)ол* (Т), (Л) – *малбийаалоой / малбалуой* ‘шесть-есть’ состоит из корня *мала-* (*малба*~*малби-*) *йаал* ‘три’ и *вспом. гл. -(н)ол*.

Подчеркнем, этимон *мала-* (Т) выявляется в таких словоформах, как *малабудэн* ‘в обе стороны’, *маалабурут* ‘с обеих сторон’, *малабун угурчэги* ‘оба’ [Курилов 2001: 230–231].

Семантическое значение *пускийань* (Т) / *пуркийуой* (Л) ‘семь-есть’ – ‘с верхней стороны – два есть (от пяти)’ [Крейнович 1982]. *Пускийань* ‘семь’ (Т) произведен из послелога *пус-*~*пурэ* (*бурэ*) ‘верх’, ‘наверху’, основой *-кий* ‘два’ и *вспом. гл. -(н)ол* (Т), в языке лесных юкагириров *пуркийуой* ‘семь-есть’ состоит из *пурэ-* (*бурэ*) ‘верх’, ‘наверху’, *-кий* ‘два’ и *-(н)ол* (Л).

Маалайлаклян ‘восемь’ содержит этимон *маала-* ‘обе стороны’, основу *йлакля*~*йалакля* ‘четверка’, ‘четыре’ и *вспом. гл. -(н)ол* (Т), (Л) – *малбилэклуой* ‘восемь-есть’ состоит из *маала-* (*малб*~*малби*-<*малба*-) ‘обе стороны’, *илэкл-* ‘четыре’ и *вспом. гл. -уой (<-(н)ол)* [Шифнер 1872; Крейнович 1982]. Семантическое значение *маалайлаклян* (Т)/*малбилэклуой* (Л) ‘восемь-есть’: ‘обе четверки-есть’.

Семантика лексемы *вальбарумкуруонь* ‘девять есть’ (Т) в предшествующих исследованиях не получила дословного определения. Слово разбирается на компоненты: *вальбар(ум)-* ‘половинка целого’ + *-кур-* (?) + *-уол (<-(н)ол)*. В настоящей работе мы считаем, что основа *вальбарум-* произведена от *вальбарут* ‘противоположная сторона’, образованного от существительного *вальбарэ* ‘половина’, ‘одна из двух частей или сторон предмета’, ‘один из парных предметов’ [Курилов 2001: 63]. Компоненты *-кур-* и *вспом. гл. -уол (<-(н)ол)* гипотетически можно рассматривать как ассимилированную лексему *кийуонь* ‘два есть’ (*куруонь* < *кийуонь*), подвергшуюся фонетической ассимиляции от звукосочетания *-рум-*. Следовательно, семантическое значение *вальбарум-*

куруонь ‘девять есть’ (Т) можно понимать, как ‘с другой стороны – два есть (противоположной правой руки)’. Укажем, в языке лесных юкагиров: *кунир-кильдьюой* ‘девять-есть’ (Л) состоит из *кун-* (*кунэ-~куниль-*) ‘десять-есть’, *ирки-иркиэй* ‘один-есть’, *-ль-* (<*ойлэ* ‘нет’, ‘отсутствует’) и *вспом. гл. -дьуой* (<-(*н*)ол), семантическое значение *куниркильдьюой* ‘девять-есть’: ‘десять одного нет’ [Шифнер 1872], ‘без одного десять есть’ [Иохельсон 1934].

Наконец, лексема *кунильань* (Т), *кунильуой* (Л) ‘десять-есть’ образована от *куниль-* (Т)/*куниль-~кунэль-* (Л) и *вспом. гл. -(н)ол*. Семантика этимона *кун-* остается неизвестной.

Таким образом, в исследовании семантики количественных глаголов языка тундренных юкагиров впервые выявлено, что в лексеме *маархуонь* ‘один есть’, корнеслов *маарха* ‘один’ с семантическим значением ‘только подпорка’, ‘только опора’ называл предмет, а сам счет начинался с корнеслова *кий* ‘два’, дословно: ‘передний’, количественного слова *кийуонь* ‘два есть’, буквально – ‘передний-есть’, значение лексемы *йалуонь* ‘три-есть’ – ‘задний (последний) есть’ свидетельствует о третичной системе счета, понимаемой как «один, два, три, много». Последующие количественные глаголы показали структурно-морфологические и семантические сходства в обоих юкагирских языках. Также к новым результатам можно отнести следующее: количественный глагол *йалаклань* (Т), *илэклуой* (Л) ‘четыре-есть’ дословно означает ‘позади трех’, *имдалдьань* (Т) – *иньбаньбой* / *ньабанбуой* (Л) ‘пять-есть’ – ‘вместе ‘пятерня (рука)’, *вальбарумкуруонь* ‘девять есть’ (Т) – ‘с другой стороны – два есть (противоположной правой руки)’.

Список условных сокращений:

(Т) – язык тундренных юкагиров
(Л) – язык лесных юкагиров
вспом. гл. – вспомогательный глагол
? – значение неизвестно

Список литературы:

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2-х книгах. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. – 1328 с.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера / Ред. Д.А. Ольдерогге. – Ч. III. – Л.: Институт Народов Севера, 1934. – С. 149–180.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л.: Наука, 1982. – 302 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.

Курилова Л.Г. Словообразовательная специфика числительных в языках тундренных и лесных юкагиrow // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. Т. 14. № 12. – С. 3798–3802.

Курилова Л.Г. Препозитивный аффикс *ньи-/ньэ-* в языках лесных и тундренных юкагиrow (значение совместности и множественности) / Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 1. – С. 152–157.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагиrowско-русский и русско-юкагиrowский (Верхнеколымский диалект): учеб. пособие для уч-ся нач. шк. – СПб.: Дрофа, 2002. – 224 с.

Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагиrowско-русский словарь (язык лесных юкагиrow). – Новосибирск: Наука, 2021. – 412 с.

Schiefner A. Über Baron Gerhard von Maydell's jukagirische Sprachproben von A. Schiefner // Mélanges asiatiques. Tome VI. Livraison 5. St.-Pétersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1872. – Pp. 600–626.

УДК 511.554(09)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЮКАГИROWСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

Курилов Андрей Гаврилович

частный репетитор,

г. Санкт-Петербург

andrey.kurilov@mail.ru

Аннотация. В истории изучения юкагиrowского языка можно выделить три этапа. С конца XVII в. изучение юкагиrowских языков ограничивалось задачами администрации и стремлением получить общую информацию о неизвестных языках. На втором этапе (сер. XIX – сер. XX вв.) к изучению приступили специалисты (академик А. Шифнер), а также хорошо подготовленные энтузиасты (В.И. Иохельсон, Е.А. Крейнович). С подготовкой в СССР квалифицированных кадров (отметим первого ученого-филолога из юкагиrow Г.Н. Курилова) изучение юкагиrowских языков вышло на более высокий уровень – систематический сбор лексики, разработка вопросов грамматики, создание письменности и многое другое. Специалисты приступили к разработке отдельных аспектов юкагиrowского языкознания – фонетики, структуры и сущности частей речи (глагол, наречие и др.), продолжается работа по сбору и сохранению лексических материалов.

Ключевые слова: юкагиrowские языки, А. Шифнер, В.И. Иохельсон, Е.А. Крейнович, Г.Н. Курилов.

Удаленность зоны расселения юкагиrow от административных и культурных центров страны, а также некая загадочность их языков длительное время оказывали сдерживающее воздействие на юкагиrowедческие исследования.

Периодизацию изучения юкагирского языка предложил Г.Н. Курилов, отметив вехами деятельность трех замечательных юкагироведов – академика А.А. Шифнера, (1817–1879), народовольца В.И. Иохельсона (1855–1937) и советского ученого Е.А. Крейновича (1906–1985) [Курилов 1969: 3–8].

В истории изучения юкагирского языка можно выделить три больших периода: 1) XVII в. – сер. XIX в.; 2) сер. XIX в. – 1960-е гг. XX в.; 3) современный период.

На первом этапе знакомство с юкагирскими языками определялось двумя позициями: во-первых, русской администрации были необходимы переводчики, как посредники между властью и местными жителями; во-вторых, Россия, по выражению М.В. Ломоносова, «приросла Сибирью», и русские ученые стремились уяснить многообразие языков включенных в состав страны народов. На данном этапе знакомство с юкагирскими языками было направлено, прежде всего, на выборочное ознакомление с отдельными лексемами, что облегчало задачу управления местным населением.

Самым ранним образцом печатной фиксации одного из юкагирских языков (какого именно – вопрос остается открытым) является включение во второе издание книги Н. Витзена молитвы «Отче Наш» [Witsen 1705: 687]. Указанный текст неоднократно переиздавался и с некоторым накоплением знаний подвергался попыткам анализа (см. например, краткий обзор и анализ источников по юкагирским материалам XVII–XIX вв. [Николаева 1992: 200–210], также наш очерк: [Курилов 2003: 94–98]).

На протяжении XVIII в. по инициативе РАН участники комплексных экспедиций зафиксировали некоторое количество юкагирских слов, словосочетаний и числительных. При этом ни организаторы, ни исполнители не акцентировали внимание на юкагирских языках и их всестороннем изучении – свою задачу они видели в том, чтобы отметить некоторое количество лексем, иногда с учетом разработанных в Санкт-Петербурге «опросников» (например, т. н. «фразы Бакмейстера»), ориентированных на самое общее и совершенно неполное ознакомление со множеством бытовавших в империи языков – при Екатерине II, следуя тогдашней исследовательской тенденции, не столько изучали языки, сколько собирали сравнительные материалы в надежде обнаружить некий единый для всего человечества пра-язык [см.: Паллас 1787–1789: vol. I–II].

Тем не менее, собранные на протяжении XVIII–XIX вв. русскими офицерами и чиновниками словарные материалы (см. например: [Матюшкин 1841: 115–125]), при несовершенстве системы фиксации, имеют непреходящее значение – они стали филологическими памятниками утраченной семьи юкагирских языков, а также проливают свет на эволюцию ныне сохраняющихся колымского и тундренного юкагирских языков.

На втором этапе (сер. XIX – сер. XX в.) юкагироведение поднимается от бессистемного сбора лексической информации к научному описанию сохранившихся юкагирских языков. Зачинателем стал академик А.А. Шифнер

(1817–1879), среди многосторонних интересов которого – от санскрита до кавказских языков – нашлось место и юкагирским языкам. А.А. Шифнер собрал воедино (начиная с «Отче Наш») и подверг анализу все доступные материалы (как напечатанные, так и оставшиеся в рукописном исполнении); кроме того, исследователь привлек записи, полученные им от колымского исправника барона Г. Майделя [Schiefner 1859: 595–612; 1871: 409–446; 1871: 600–626].

Сумма накопленных А.А. Шифнером материалов была совершенно недостаточна для полноценной филологической работы, тем более что сохранялось непонимание юкагирской языковой семьи, и, конечно, были неясными (и во многом остаются неясными поныне) взаимная позиция и соотношение ныне утраченных юкагирских языков. Однако статьи А.А. Шифнера являются первым опытом научного описания юкагирских языков.

В конце XIX в. по инициативе члена семьи сибирских золотопромышленников И.М. Сибирякова (1860–1901) была организована экспедиция для изучения сибирских народов (Сибиряковская экспедиция, как ее принято называть, 1894–1897 гг.). Из-за отсутствия подготовленных кадров исследовательская работа была возложена на отбывавших ссылку революционеров, многие из которых не только не имели специальной подготовки, но и не имели какого-либо законченного образования. Однако экспедиция принесла богатые научные результаты, главным образом потому, что ее неожиданные участники отнеслись к возложенному делу с большим энтузиазмом. Этнографию и языки юкагиров выпало изучать бывшему народовольцу В.И. Иохельсону (1855–1937). Ему удалось достаточно подробно описать фонетику и грамматику языка колымских юкагиров, а также записать более ста текстов. Кроме того, исследователь смог выполнить сбор некоторых материалов по языку нижнеколымских юкагиров-алаев, которых ученый мир, опираясь на отрывочные сведения русских чиновников, считал давно исчезнувшими. В следующей экспедиции (организованная Американским музеем естественной истории Северо-Тихоокеанская экспедиция, 1900–1902 гг.) В.И. Иохельсон вновь посетил колымских юкагиров, но среди алаев ему работать более не довелось¹.

¹Отметим, ученый участвовал в трех экспедициях (Сибиряковской, Северо-Тихоокеанской и экспедиции Ф.П. Рябушинского (1908–1910 гг.) – комплексных исследованиях на Камчатке, Аляске и Алеутских островах, названных в честь безвременно ушедшего из жизни их организатора и спонсора Ф.П. Рябушинского (1886–1910). Ученый собрал разнообразный материал по якутам, эвенкам, юкагирам, чукчам, корякам, ительменам и другим народам Азии. Для истории юкагирских языков наибольшее значение имеет монография: Jochelson W. Essay on the grammar of the Joukaghir language. N.Y., 1905 (пер. на русск. яз.: Иохельсон В.И. Одульский (юкагирский) язык / Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III. М.; Л., 1934. С. 149–180). В последние 15 лет жизни В.И. Иохельсон обрабатывал полевые материалы, работая в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк).

В 1930-е гг. к изучению юкагирских языков приступил Е.А. Крейнович (1906–1985). Бесценную помощь ученому при исследовании юкагирских языков оказало общение с носителями языка – Н.Т. Трифоновым, М. Ягловским, С.Н. Куриловым. К сожалению творческая деятельность Е.А. Крейновича оказалась на длительный срок прерванной (диссертация, которая легла в основу первой монографии ученого о юкагирских языках, защищалась им в нелегких условиях ссылки в послевоенном 1947 г.). Ученый сосредоточился на исследовании малоизученного тундренного юкагирского языка. Усилиями ленинградского ученого общее описание юкагирских языков было в целом завершено.

С 1960-х гг. наступает третий этап в исследовании юкагирских языков. Важными особенностями наступившего периода стали рост интереса к юкагирам (знаковой стала публикация романа С.Н. Курилова «Ханидо и Халерха») и широко поставленная в СССР система подготовки специалистов из северян. Первым среди юкагиров доктором филологических наук стал выпускник ЛГПИ им. А.И. Герцена поэт и ученый Г.Н. Курилов (род. в 1938 г.).

К началу 1960-х гг. Гаврил Николаевич осознал неотложность многосторонней деятельности в сфере юкагироведения – необходимо было фиксировать словарный фонд (с уходом старших поколений сфера обращения юкагирского языка начала стремительно сокращаться), разрабатывать неясные вопросы грамматики, создавать письменность, развивать и распространять литературу на юкагирском языке¹.

Продолжал плодотворную научную работу Е.А. Крейнович. Первым осознав отсутствие единого юкагирского языка и наличие юкагирской языковой семьи, ученый посвятил каждому из двух ныне существующих языков отдельный очерк, а в дальнейшем подготовил суммарный труд по спорным проблемам юкагирской филологии².

К настоящему времени общую структуру и особенности двух сохранившихся юкагирских языков в целом можно считать раскрытыми. Безусловно, целый ряд вопросов еще ожидает своего решения (отметим, для примера, происхождение юкагирских языков и их родственные связи с языками мира). Североведы приступили к разработке более частных актуальных тем – это фонетика, спряжение глагольных форм и др.

¹Отметим издание, подведшее итог полувековой творческой деятельности Г.Н. Курилова – «Избранное: стихотворения, поэмы, рассказы, эссе, публицистика» (Якутск, 2013); часть произведений для детей опубликована на языке тундренных юкагириров.

²На материале тундренного языка: Юкагирский язык / Языки народов СССР. Т. V. М.; Л., 1968. С. 435–452; на базе колымского языка: Юкагирский язык / Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979. С. 348–369. Увенчал многолетнюю плодотворную работу в юкагироведении ученый трудом «Исследования и материалы по юкагирскому языку» (Л., 1982).

В настоящее время юкагиrowские языки переживают нелегкий период. Число носителей языков неуклонно сокращается (по оценкам, насчитывается около ста свободно владеющих юкагиrowскими языками человек). Л.Н. Жукова составляет пособия на юкагиrowском языке – обучающие и познавательные, Л.Н. Демина издает для детей разнообразную учебную литературу («Говорящая азбука» и т.д.). Усилиями юкагиrowедов в селах Нелемное и Андриюшкино родные языки включены в образовательные программы для детей – их реализацию обеспечивают разнообразные учебные материалы (от «Букварей» до двуязычных разговорников). К сожалению, после школы владение юкагиrowскими языками остается не востребовавшимся и постепенно утрачивается. И все же не следует воспринимать юкагиrowские языки представляющими интерес только для филологов. С появлением новых учебных пособий, словарей, разговорников, аудио- и видеоматериалов, с учетом преподавания юкагиrowских языков в учреждениях для детей можно констатировать, что юкагиrowские языки продолжают существовать и сохраняют потенциал для развития. Дорогу осилит идущий!

Список литературы:

Биллингс И.И. Краткий словарь 12 наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах / Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского осрога. – СПб., 1811.

Иохельсон В.И. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов. – СПб., 1897. – С. 8–47.

Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов // «Живая старина», вып. ½. – СПб., 1910. – С 151–193.

Иохельсон В.И. Одульский (юкагиrowский) язык // Сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III. – М.; Л., 1934. – С. 149–180.

Ключевский А.Б. Состав согласных фонем языка Верхнеколымских юкагиrow (предварительное описание по данным слухового анализа) // Языки Сибири и Монголии / Сб. науч. тр. Отв. ред.: Е.И. Убрятова. – Новосибирск: Филиал СО АН СССР, 1987. – С. 137–151.

Крейнович Е.А. Юкагиrowский язык. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 288 с.

Крейнович Е.А. Юкагиrowский язык // Языки народов СССР. Т. V (Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки). Отв. ред.: П.Я. Скорик. – М.; Л.: Изд-во «Наука», 1968. – С. 435–452.

Крейнович Е.А. Юкагиrowский язык // Языки Азии и Африки. Т. III (Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки). Гл. ред.: Д.М. Солнцев. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 348–369.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагиrowскому языку. Отв. ред.: П.Я. Скорик. – Л.: Изд-во «Наука», 1982. – 304 с.

Курилов А.Г. Молитва «Отче Наш» на юкагирском языке // Североведческие исследования: Материалы Герценовских чтений, вып. I. Отв. ред.: А.А. Петров. – СПб, 2003. – С. 94–98.

Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Л, 1969.

Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. Отв. ред.: В.И. Цинциус. – Л.: Изд-во «Наука», 1977. – 120 с.

Курилов Г.Н. (Сост.). Правила орфографии юкагирского языка. Отв. ред.: П.А. Слепцов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1987. – 33 с.

Курилов Г.Н. Букварь для первого класса юкагирской школы. – Якутск: Филиал СО АН СССР, 1987. – 128 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Отв. ред.: П.А. Слепцов. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1990. – 356 с.

Курилов Г.Н. Образование именных слов в юкагирском языке. Отв. ред.: Т.Е. Андреева. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1994. – 104 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Отв. ред.: П.А. Слепцов. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка. Отв. ред.: П.А. Слепцов. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 2003. – 288 с.

Курилов С.Н. Ханидо и Халерха. Роман // Пер. Р. Палехова. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1969. – 304 с.

Лукина М.П. Система спряжения в юкагирском языке (по материалам языка тундренных юкагиров) // Языки народностей Севера: грамматика, диалектология / Сб. науч. тр. Отв. ред.: Н.Е. Петров. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 54–63.

Николаева И.А. К реконструкции праюкагирского языкового состояния (инлаутный консонантизм) // Язык – миф – культура народов Сибири / Сб. науч. тр. Отв. ред.: Н.К. Антонов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 43–48.

Николаева И.А. Староюкагирские источники и диалекты // *Ural-Altische Jahrbücher. Neue folge.* 1992, Band 11. S. 200–210.

Паллас П.С. *Lingvarum totius orbis vocabularia comparativa.* V. I–II. Petropoli, 1787–1789. (Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы).

Собрание слов чуванского и омоцкого языков, составленное мичманом Матюшкиным // Прибавления к путешествию по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенному в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах экспедициею, состоявшею под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. – СПб, 1841.

Туркин И.О. Дентопалатограммы согласных юкагирского языка (тундренный диалект) // Актуальные вопросы языков народностей Севера / Сб. науч. тр. Отв. ред.: Н.Е. Петров. – Якутск: Филиал СО АН СССР, 1986. – С. 24–36.

Jochelson W. *Essay on the Grammar of the Yukaghir Language.* N.Y., 1905.

Schiefner A. Über die Sprache der Jukagiren // *Mélanges Asiatiques tirés du “Bulletin Historico-Philologique” de L’Académie Impériale des Sciences du St.-Petersbourg,* Tome III, livr. 5. St.-Petersbourg, 1859. S. 595–612.

Schiefner A. Beiträge zur Kenntniss des jukagirischen Sprache // *Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de L’Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg,* Tome VI, livr. 1. St.-Petersbourg, 1871. S. 409–446.

Schiefner A. Über Baron Gerhard von Maydell's jukagirische Sprachproben // *Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de L'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg.* – Vol. VI. St.-Petersbourg, 1871. – Pp. 600–626.

Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1705.

УДК 811.554(038)

ЮКАГИРСКО – РУССКИЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ

Бочкарев Василий Васильевич

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

Uus-Aldan@mail.ru

Аннотация. В данной статье описывается работа сервиса «Юкагиrow-русский электронный словарь», созданного на базе материалов словаря Гавриила Николаевича Курилова – Улуру Адо. В системе имеется возможность поиска по введенному слову и 132 вариантам фильтрации и работы с виртуальной клавиатурой.

Ключевые слова: Юкагиrowский язык, словарь, Г.Н. Курилов, Интернет, электронный словарь, компьютерная лингвистика, компьютер.

На современном этапе развития науки и общества цифровизация и компьютерные технологии играют определяющую роль, постепенно замещают все иные форматы хранения данных и задают темпы развития. В этом отношении электронные словари имеют особую роль как первичная основа всех национальных баз данных различных направлений. Электронный словарь, созданный на основе достаточно репрезентативного словаря, может стать настоящим стартовым двигателем не только для лингвистической науки но и для создания сложных систем. Таковым словарем для юкагиrowского языка в полной мере может считаться словарь Гавриила Николаевича Курилова – Улуру Адо «Юкагиrow-русский электронный словарь», который содержит около 11 тысяч лексических единиц языка тундренных (нижнеколымских) юкагиrow. Каждая лексическая единица и ее значения иллюстрируются примерами, дающими представление об особенностях материальной и духовной культуры юкагиrow. Приводятся сведения о юкагиrowах и их языках. Словарь адресуется в первую очередь учащимся, студентам, преподавателям юкагиrowского языка, а также ученым-палеоазиатоведом, исследователям финно-угорских и самодийских народов – филологам, историкам и этнографам, что полностью сохраняется и для пользователей электронной версии. Так же электронный словарь может быть особо интересен программистам, работающим по направлению компьютерной лингвистики.

Электронный словарь имеет две основные функции – поиска по словам и по условным сокращениям.

На главной странице для пользователя доступны две формы: по введенному слову и по выбору из списка. Также имеется виртуальная национальная клавиатура для корректного набора слова. Если обе формы пусты, то на экран выводится приглашение к работе и юкагирский алфавит.

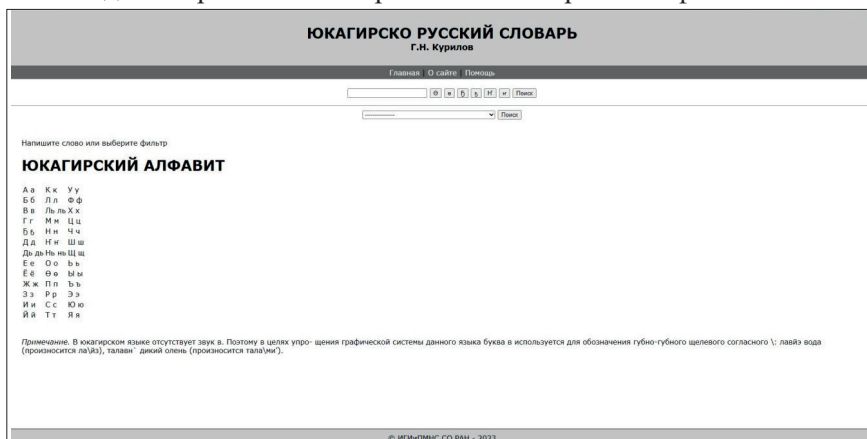

Рис. 1. Главная страница

Текстовый ввод. Поскольку носителей юкагирского языка мало, то весь-ма вероятными становятся грамматические ошибки при написании слова, поэтому для большего удобства пользователя поиск введенного слова производится не по полному совпадению, что позволяет вывести результаты по первым буквам слова.

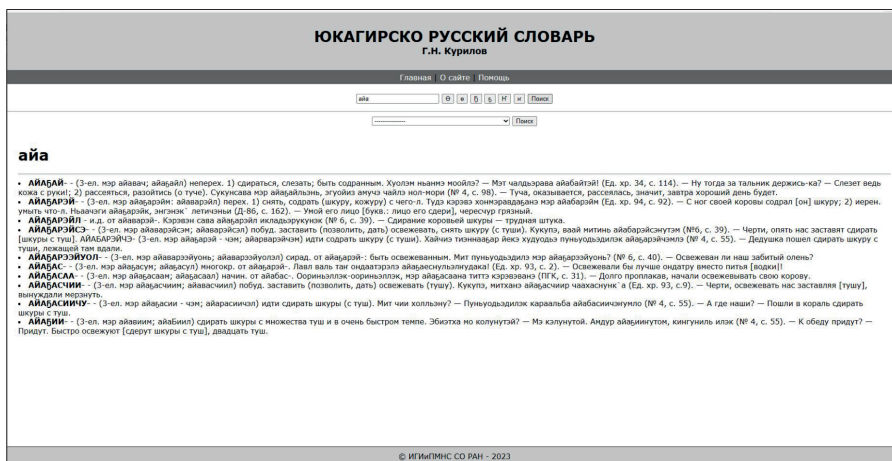

Рис. 2.

Для введения национальных букв можно пользоваться виртуальной клавиатурой.

Фильтрация по выбору из списка осуществляется по 132 вариантам поиска в базе словаря по условным сокращениям:

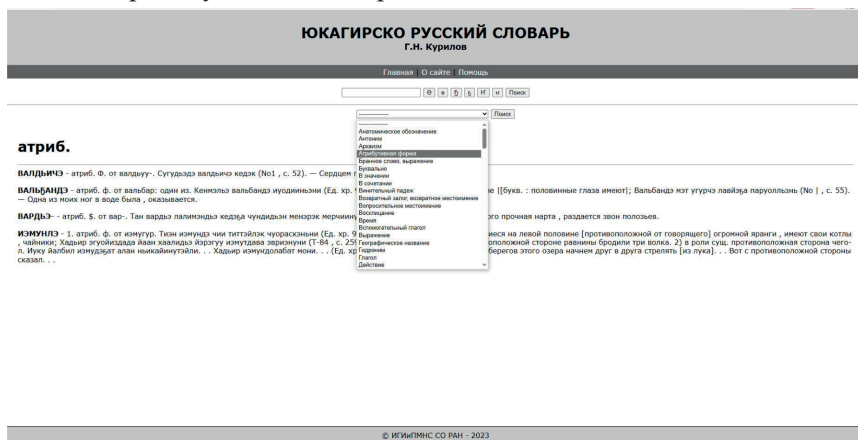

Рис. 3.

В тестовый вариант электронного словаря можно зайти по временному адресу: igi.yrn.ru/laamut/

Список литературы:

Курилов Г.Н. Юкагиrowско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

УДК 511.554(571.56–37)

ИЗУЧЕНИЕ ТУНДРЕННОГО ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА В С. АНДРЮШКИНО РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Татаева Федосия Николаевна

Андрюшкинская национальная

средняя общеобразовательная школа,

с. Андрюшкино, Нижнеколымский улус, Республика Саха (Якутия),

tataevadora@mail.ru

Третьякова Анастасия Владимировна

Андрюшкинская национальная

средняя общеобразовательная школа

с. Андрюшкино, Нижнеколымский улус, Республика Саха (Якутия),

andschool2016@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ изучения тундренного юкагиrowского языка в селе Андрюшкино Нижнеколымского района Республики Саха

(Якутия), приводятся факты из истории поэтапного введения родного (тундренного юкагирского) языка и литературы в систему дошкольного и общего образования. Авторы исследовали материалы отчетов школы за 2012-2013 учебный год в сравнении с 2022-2023 учебным годом, а также привели информацию, полученную со слов информантов, педагогов и обучающихся того времени. В статье показана динамика государственной и общественной поддержки вопросов ревитализации речевой среды, в частности, в организации внеурочной и внеклассной деятельности, учебно-методического обеспечения. Авторами представлено видение проблем и перспектив языковой ситуации.

Ключевые слова: Г.Н Курилов, тундренный юкагирский язык, история, носители юкагирского языка

Андрюшкино – многонациональное село. Оно является местом компактного проживания коренных малочисленных народов Севера – юкагиров и эвенов. Особенностью нашей школы является расположенность в регионе с исторически сложившимся полиэтническим составом населения, как одна семья издавна живут юкагиры, эвены, якуты, чукчи, русские (см. табл. 1, табл. 2).

Таблица 1

Национальный состав учащихся АНСОШ в 2012-2013уч.году

Классы	Юкагиры	Эвены	Якуты	Ненцы	Русские	Всего
1	4	1	3	-	-	8
2	4	3	1	-	-	8
3	5	1	4	-	-	10
4	1	7	4	1	1	14
5	7	7	1	-	-	15
6	5	5	6	1	-	17
7	4	4	6	-	-	14
8	3	6	3	-	-	12
9	2	3	7	-	1	13
10	2	7	6	-	-	15
11	4	8	2	-	-	14
Итого	41	52	43	2	2	140

Таблица 2

Национальный состав учащихся МКОУ АНСОШ в 2022-2023 уч.году

классы национ-сти	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Всего
Юкагиры	2	2	2	3	1	5	4	4	4	2	3	32
Эвены	6	3	3	3	-	-	4	1	8	5	1	34
Якуты	4	8	5	6	6	3	2	5	7	2	-	50
Всего уч-ся	12	13	10	12	7	5	10	10	19	9	4	120
КМНС	8	5	5	6	1	5	8	5	12	7	4	66

На данный момент в поселке прописано 831 чел., проживают 490 чел. Юкагиры с. Андрюшкино – носители тундренного юкагирского языка. Первая школа в Олеринской тундре (Нижняя Колыма) открылась в 1930 г. в местечке Хара Тала в 3-х км от нынешнего с. Андрюшкино. Основателем школы был Сизых Михаил Иванович, представитель Колымского окружного исполкома, большевик, организатор Советской власти. В 1947 г. было решено перевезти Харатальскую начальную школу в новое село. С этого года летопись школы начинается в с. Андрюшкино. В 1951 г. школа стала семилетней, в 1961 г. – восьмилетней, а с 1981 г. – средней школой [Этнокультурное воспитание 2013: 19]. История изучения юкагирского языка начинается с 1978 г., когда Вырдылина Анна Гавриловна и Курилова Полина Гавриловна начали проводить факультатив по юкагирскому языку. Первыми учениками были Курилова Ирина, Вырдылина Диана, Стручкова Алена. С 1980 г. Анна Гавриловна добилась обучения юкагирскому языку с 0 по 3 класс.

Вырдылина Анна Гавриловна, кавалер Ордена Дружбы Народов, отличник образования РС(Я), ветеран педагогического труда, награждена медалью «Трудовая доблесть», обладатель знака «Учитель учителей», Почетный гражданин Нижнеколымского района, директор Андрюшкинской СОШ, первый учитель тундренного юкагирского языка. Она автор разговорника «Поговорим, расскажем», учебного пособия «Устный курс юкагирского языка», сборника диктантов. Учитель сама начала писать небольшие программы и пособия по юкагирскому языку. С сентября 1989 г. по 1990 г. Анна Гавриловна по своей инициативе начала работать с подготовительной группой детского сада «Подснежник» один раз в неделю, чтобы дети приходили в школу с определенным багажом словарного запаса. Анна Гавриловна добилась того, что с 1991 г. занятия по юкагирскому языку открылись в детском саду. С малышами работали Курилова Евдокия Николаевна, Татаева Анастасия Семеновна, прекрасно владеющие родным языком. В данное время занятия по юкагирскому языку проводит Курилова Марианна Владимировна.

С 1993 г. школа имеет статус национальной средней школы, принят учебный план с изучением родных языков и культуры. С этого года юкагирский язык начали изучать с 1 по 11 кл. Наша школа уникальна тем, что дети могут выбрать изучение якутского, юкагирского, эвенского языка в дополнение к русскому и английскому языкам.

Школа в селе является духовным и культурным центром. С 2001 г. по 2010 г. МКОУ АНСОШ являлась республиканской экспериментальной площадкой по теме «Формирование самореализующейся личности в сетевой полиэтнической школе народов Севера». С 2011 г. по 2015 г. коллектив школы работал по теме «Развитие этнокультурной образовательной среды в школе как фактор сохранения языков и культур коренных малочисленных народов Севера». Научный руководитель: Прокопьева П.Е., к.п.н., зав. сектором палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН. В эти годы завучем по родным языкам работала Винокурова Маргарита Ивановна, учитель на-

чальных классов и эвенского языка, отличник образования РС(Я), отличник общего образования РФ, победитель конкурса лучших учителей РФ 2007 г., обладатель знака «Учитель учителей». Под ее руководством вместе с учителями родных языков были разработаны рабочие программы в 2013 г. для начальных классов, в 2014 г. – для 5–11 классов, проделана большая работа по сохранению и возрождению родных языков и культур.

В сравнительном анализе численности детей, изучающих языки КМНС, использованы отчеты Маргариты Ивановны за 2013 г. (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Изучение родных языков по группам в 2012-2013 уч. году
(численность детей)**

Классы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	всего
Юкагирские	4	3	5	2	7	6	3	2	2	3	4	41
Эвенские	1	3	1	5	3	3	2	5	3	5	7	38
Якутские	3	2	4	7	4	7	7	5	7	7	3	56
не изучают					1	1	2		1			5
Всего учащихся	8	8	10	14	15	17	14	12	13	15	14	140

Таблица 4

Сравнительный анализ численности обучающихся юкагирскому языку в с. Андриюшкино в 2013 и 2023 гг.

Классы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Всего
Год												
2013	4	1	7	6	4	4	1	2	3	2	7	41
2023	2	2	2	3	1	5	4	4	4	2	3	32

За десять лет число детей, изучающих юкагирский язык, уменьшилось на 9 учащихся. Сокращение количества детей произошло из-за того, что многие дети-юкагиры перешли на якутский язык.

В Республике Саха (Якутия) тундренный юкагирский язык как предмет ведется только в Андриюшкинской НСОШ. Как кружок – в п. Юкагир и с. Казачье Усть-Янского района, 3 часа в неделю отведено на внеурочную деятельность в п. Черский Нижнеколымского района.

С 1980 г. в начальной школе в учебный план было введено изучение тундренного юкагирского языка. Если сделать сравнительный анализ за годы обучения, то количество часов не уменьшилось. Например, в 2007–2008 учебном году начальные классы обучались 5 часов, 5–9 классы – 4 часа, 10–11 классы – 3 часа. В 2017–2018 учебном году количество часов не изменилось. С 2020–2021 учебного года выделяется: на родной язык – 2 часа, на литературу – 1 час, ВУД – 2 часа, итого 5 часов в неделю. Введена отдельная

ставка учителя юкагирского языка в начальной школе в дополнение к ставке учителя в основной и средней ступени.

Сохранение, возрождение и развитие родных языков и национальных культур является одной из приоритетных задач работы школы. Это направление работы находит отражение в различных формах урочной и внеклассной деятельности учащихся. Традиционными стали праздники по обычаям и обрядам народов Севера «Встреча солнца» и «Тундровичок», спартакиада «Игры предков», ежегодные декады родных языков, фестиваль народных хороводных танцев народов Якутии, национальных игр народов Севера, внеклассных мероприятий, Куриловские чтения. Одной из форм внеклассных мероприятий является литературный салон, проведение которого приурочено к юбилеям писателей. При проведении мероприятий используются компьютерные технологии. Учащиеся сами делают мультфильмы, видеоролики по произведениям на северную тему. Например, в 2022–2023 учебном году во время декады родных языков проведен конкурс видеороликов по сказкам среди учащихся, дети вместе с родителями участвовали в онлайн-конкурсе к Международному дню родного языка; провели конкурс синквейнов. В 2023–2024 учебном году проведен онлайн-конкурс «Говорим на родном языке» – диалог на свободную тему. Приняли участие 4 семьи. Хочется поблагодарить семьи М.Н. Куриловой, М.Н. Чимитовой, Х.И. Неустроевой, А.А. Буханцовой за поддержку и активное участие во всех проводимых мероприятиях. На школьных мероприятиях звучат языки всех коренных народов, проживающих в наслеге. В разнообразных формах внеклассной работы принимают участие не только учащиеся, но их родители, общественность села. К участию в мероприятиях школы привлекаются старожилы села, знатоки родных языков.

Ежегодно учителя вместе учащимися взаимодействуют с носителями юкагирского языка. Наши бабушек и дедушек приглашаем на внеклассные мероприятия, дети ходят к ним домой, таким образом создаем разговорную микросреду. Носители юкагирского языка вносят большой вклад в сохранение родного языка. Дария Николаевна Курилова и Мария Николаевна Курилова проводили с учащимися начальных классов кружок по юкагирскому языку.

Таблица 5

Численность детей, занимающихся в кружках у носителей тундрного юкагирского языка

	2012–2013 уч.год	2014–2015 уч.год	2017–2018 уч.год
Дария Николаевна Курилова	9 учащихся	10 учащихся	9 учащихся
Мария Николаевна Курилова	6 учащихся	6 учащихся	----

В 2022 г. изданы учебники по языку и литературному чтению на тундренном юкагирском языке для начальной школы (авторы Татаева Ф.Н., Татаева А.Н., Ситникова Н.В.). Во время работы над учебниками не хватало текстов, и на помощь пришло старшее поколение, носители языка с. Андрюшкино Мария Николаевна Курилова, Василий Николаевич Третьяков, Николай Николаевич Третьяков, Егор Ильич Атласов, Николай Афанасьевич Атласов. УМК по тундренному юкагирскому языку и по литературному чтению на тундренном юкагирском языке посвятили Анне Гавриловне Вырдылиной.

С 2023 г. началась работа над созданием учебника «Родная (юкагирская) литература» (на языке тундренных юкагигов) для 5 класса. Носители языка Мария Николаевна Курилова, Дария Николаевна Курилова, Аксинья Николаевна Санникова, Илья Иванович Курилов, Николай Николаевич Третьяков оказывают помощь в переводе текстов и произведений.

Основная проблема – потеря языковой среды. На сегодня многие учащиеся записаны как юкагиры, но изучают якутский язык, т. к. родители считают, что в жизни он им больше пригодится, особенно при поступлении в учебные заведения. Например, в 5 классе четыре ученика по документам юкагиры, из них только один изучает юкагирский язык. Такая же тенденция наблюдается и в детском саду. В следующем учебном году в первом классе в юкагирской группе нет учеников.

Сравнительный анализ данных мониторингов за 2013 и 2023 гг. показывает снижение показателей уровня владения родным языком по всем категориям населения (см. табл. 6).

Таблица 6

Итоги мониторинга уровня владения юкагирским языком

	2013 год	2023год
Мониторинг семей: Общаются с детьми на юкагирском языке	1 семья	Нет
Мониторинг учащихся АНСОШ: общаются на юкагирском языке	Нет	Нет
Мониторинг взрослого населения: Владеют юкагирским языком –	42	22
Владеют юкагирским и эвенским языком –	28	8

В настоящее время юкагирский и эвенский языки находятся под угрозой исчезновения. Исторически сложившийся в селе феномен – многоязычие уходит в прошлое.

Вместе с тем, мы отмечаем определенный позитивный прорыв в учебно-методическом обеспечении. Курилов Гаврил Николаевич – Улууро Адо, из-

вестный юкагирский поэт и видный ученый-филолог, создатель юкагирской письменности, является автором первого букваря, который был издан 1987 г. В 2017 г. вышел обновленный в соответствии со стандартами «Вадун букварь». К сожалению, приходится констатировать, что если первый букварь был для владеющих, то через 30 лет обновленный букварь вышел уже для не владеющих. Вместе с новым букварем появилась новая буква W. Г.Н. Курилов этот вопрос ставил давно. В книге «Правила орфографии юкагирского языка», Гаврил Николаевич пишет: «Буква **в** используется для обозначения отсутствующего в русском языке губно-губного щелевого w» [Курилов 1987: 15]. В 1991 г. в журнале Ассоциации народностей Севера Якутии «Розовая чайка», куда включены четыре юкагирских предания о жизни людей в глубокой древности (редактор-составитель и переводчик с юкагирского языка Г. Курилов), написано: «Этот самобытнейший звук юкагирского языка, за неимением подходящих букв, мы вынуждены были обозначить буквой В. Поэтому во всех юкагирских словах (повторяю – только в юкагирских словах!), где встречается буква В, вы должны произносить W» [Курилов 1991: 3]. Теперь, когда в юкагирском алфавите официально появился знак W, слова зазвучали так, как говорили наши предки. Впервые авторским коллективом под руководством Н.В. Ситниковой разработан учебно-методический комплект для начальной школы, в том числе электронные формы учебников. Начата работа по разработке учебников для основной школы. Также разработаны проекты федеральных учебных программ, которые войдут в федеральную образовательную программу для начального, основного и в плане – для среднего общего образования.

Учащиеся школы с. Андрушкино активно участвуют в мероприятиях, олимпиадах, конкурсах школьного, районного, республиканского, всероссийского уровней и в международных проектах. Приняли участие в проекте по созданию книги «Загадки, пословицы и скороговорки на языках коренных народов Якутии» с участием неправительственной организации ЮНЕСКО в Латинской Америке (Мексика) [Ситникова 2022]. Подготовили иллюстрации, озвучивание на тундренном юкагирском языке, книга имеет анимации. Нужно отметить самых активных учеников: Курилова Алаина, Павлова Кюннэй, Курилова Алина, Третьяков Александр, Курилов Ренат, Третьякова Виктория, Клепечина Сюзанна, Нутендли Аделина, Нутендли Эвелина, Курилова Эдьлика, Третьякова Карина, Курилова Алика, Нутендли Алексей, Слепцова Светлана, Вырдылин Даниил, Татаев Алексей, Герасимова Арина, Третьяков Денис, Куриловы Айал, Курилов Айсен, Тарабукина Елизавета, Клепечина Раиса, Буханцова Ольга, Буханцова Мария, Винокуров Святослав.

В заключение отмечаем, что государством с участием общественности, ученых и педагогов ведется разноплановая работа по сохранению родных языков коренных малочисленных народов, развитию образовательного и воспитательного процесса с учетом региональных и этнокультурных особенностей. Важно предпринимать практические шаги по возрождению уст-

ной речи в семье и в социуме, делать все зависящее от нас для того, чтобы наш родной язык был передан следующему поколению.

Список литературы:

- Курилов Г.Н. Правила орфографии юкагирского языка. – Якутск, 1987. – 32 с.
- Курилов Г.Н. Предания о древних людях = Чуольэ ньиэдьиллэ / [ред.-сост. и пер. с юкаг. яз. Г.Н. Курилов; худож. О. А. Скоринова]. – Якутск: Розовая чайка, 1991. – 46 с.
- Ситникова Н.В. Загадки, пословицы и скороговорки на языках коренных народов Якутии = Riddles, proverbs and tongue twisters in the indigenous languages of Yakutia = Advinanzas, proverbios y en las lenguas indígenas de Yakutia / Н.В. Ситникова. – Якутск: Кэскил, 2022. – 92 с.: ил.зв.
- Этнокультурное воспитание как условие сохранения языков и культур народов Севера: (из опыта работы Андриюшкинской национальной средней общеобразовательной школы): [учебное издание] / АОУ РС (Я) ДПО «Ин-т развития образования и повышения квалификации им. С.Н. Донского-II», МКОУ «Андриюшк. нац. сред. общеобразоват. шк.», МР «Нижнеколым. улус/(р-н)»; [сост.: В.Р. Шишигина, У.Н. Винокурова]. – Якутск: Изд-во АОУ РС (Я) ДПО ИРОиПК, 2013. – 99 с.

II. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СЕВЕРА: ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, ВЗИМОВЛИЯНИЕ, ТИПОЛОГИЯ

УДК 929Улуро Адо

УЛУРО АДО: ЖИЗНЬ КАК МАНИФЕСТАЦИЯ

Сидоров Олег Гаврильевич

Северо-Восточный федеральный университет

им. М.К. Аммосова,

г. Якутск

ilin_s@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается творчество Гаврила Николаевича Курилова-Улуро Адо в контексте концепции П. Бурдьё о социальных полях. Этот подход дает новое понимание деятельности Г.Н. Курилова-Улуро Адо не только как признанного ученого-лингвиста, писателя и общественного деятеля. Влияние его выходит далеко за рамки его индивидуальной профессиональной, литературной и общественной карьеры. Автор статьи подчеркивает, что Г.Н. Курилов-Улуро Адо всем своим творчеством, научной и общественной деятельностью создал и расширил социальные пространства, социальную реальность для юкагирского народа – поля литературы, науки, культуры, образования, публицистики и политики. Эти поля – пространства возможного. Социальные поля своим магнетизмом притягивают и собирают акторов, то есть действующие лица – молодых ученых и интеллектуалов из числа коренных народов. Тем самым деятельность Г.Н. Курилова придает уверенность коренным народам и дает надежду на сохранение языка и культуры, а значит, и выживание юкагирского народа. В статье рассмотрены его взгляды и оценка состояния языка и культуры, экономического и политического положения юкагирского общества в публицистических статьях сборника «Оплачиваю свой долг святой» (2018 г.) и поэзии.

Ключевые слова: Г.Н. Курилов-Улуро Адо, юкагирский народ, родной язык и культура, социальные поля, П. Бурдьё.

Ученый-лингвист, поэт, прозаик, публицист, педагог, общественный деятель Гаврил Николаевич Курилов-Улуро Адо жизненное кредо и смысл всей своей деятельности выразил не только в публицистических статьях, собранных в сборнике «Оплачиваю свой долг святой» [Курилов 2018], но и в поэтическом творчестве. Слова, давшие символическое название сборнику, взяты из стихотворения автора «Тоариш – ангел мой хранитель» [Курилов 2018: 3]. Тоариш – это щенок, который спас жизнь мальчику Гане. Стихотворение,

посвященное сыну Альберту, завершают строки, которые можно обозначить как выражение понимания Улуро Адо своего предназначения в этом мире:

Есть мнение, мол, если б не щенок-заступник
Исчез бы юкагир как этнос от тоски,
Язык родной забыв от лености преступной,
Дух предков потеряв в момент критический.
Не знаю, но скажу: народу помогаю
Не от внезапного желания в душе,
Желание сие давно уж стало главным
В борьбе в защиту жизни близких мне людей.
Вот так оплачиваю как бы тот
Ничем невозполнимый свой долг святой [Курилов 2018: 4].

В сборник «Оплачиваю свой долг святой» включены 15 статей и воспоминаний Г.Н. Курилова. Эти избранные труды раскрывают перед нами талантливое публициста и его публицистика — это живое и действенное слово, здесь очень подходит эпитет, который часто применяют к писательской публицистике «оголенный нерв современности». Он словом зажигающим оплачивает свой долг народу, словом смысловым брату Семену Николаевичу Курилову, классику юкагирской литературы. Статья «Потаенный смысл предназначения» — это размышления о судьбе старшего брата, об истоках его творчества, о значении романа «Ханидо и Халерха». Интересна структура воспоминаний, состоящий из трех связок, а каждая из узлов-памяти, которая достойна отдельного анализа.

В статье «Да храни нас бог!», написанной в середине 1990-х годов, автор категоричен в своих оценках и суждениях, но все-таки оставляет место надежде: «Итак, мы исчезаем. Но исчезаем, пытаюсь сделать что-нибудь для замедления наступающего конца. Поэтому, умирая, мы сможем сказать, что наша совесть чиста перед не родившимися поколениями юкагириков — совесть тех, кто в конце XX столетия пытался спасти род одулов от этнической катастрофы.

Мы исчезаем, но маленькая надежда еще тлеет в наших сердцах. Ей не дают совсем заглухнуть голоса наших самых красивых птиц — грациозной чайки-халерхи, белых журавлей-стерхов» [Курилов 2018: 19].

Статья ценна еще тем, что в ней дана краткая история юкагирского народа и характеристика его современного положения. Автор ставит актуальные вопросы, касающиеся судьбы своего народа, ищет ответы и предлагает свое видение — в этом и сила его как публициста, как писателя, общественного деятеля, лидера нации.

В статье «Об одном из айдыаџимэдии» создает образ не только своего «я», но и через себя всего своего юкагирского народа: «Я имею два удивительных крыла. Первое мое крыло — это мой народ с немногочисленными моими сородичами. Каждый мой сородич — как отдельное перо в моем крыле. Я тоже отдельное перо на этом крыле. Я всегда страдал из-за того, что пе-

рьев у моего правого крыла было очень мало. Но судьбу – не переиначишь! Правое мое крыло – как бы прирожденное, вечное. Оно у меня было с самого рождения. А вот левого крыла у меня не было при рождении. Я его сам отрастил. Оно отрастало и крепло постепенно – по мере обретения мною друзей и товарищей. Каждый мой друг и товарищ – как отдельное перо в левом моем крыле» [Курилов 2018: 143].

Г.Н. Курилов-Улуро Адо чувствует себя сопричастным ко всей судьбе своего народа и подчеркивает свою связь и созависимость всех сородичей – всех юкагириров – одулов и вадулов друг от друга. Они части одного целого.

Народ и родной язык его окрыляют, дают ему силы для нового взлета. Родному языку посвятил поэт несколько своих стихотворений.

Родной язык!

Ты – как птичка-амулет,

Что вешают у нас над колыбелью.

Ты – наших предков песенный привет,

Ты для души – и радость, и веселье...

Над нашей тундрой начали летать

Твои неповторимые глаголы,

Когда вокруг,

Живым холмам под стать,

Еще бродили Мамонты-холголы! [Улуро Адо 2018: 40–41]

Эту же тему судьбы родного языка он продолжает во всех своих публицистических статьях. В них Гаврил Николаевич проявляет свое отношение к существующей ситуации с языком и культурой народа, изъясляет свои чувства тревоги, беспокойства за будущее. Эти статьи своего рода манифестации за свой народ, за его счастье, за идеи возрождения.

Для понимания важнейших аспектов многогранной деятельности и творчества Гаврила Николаевича Курилова-Улуро Адо как Творца и Созидателя уместен междисциплинарный подход. Манифестации по определению социолога Пьера Бурдьё: «prises de position», буквально «занимания», выборы позиций. Он к манифестациям относит, «в первую очередь, произведения литературы или живописи, но также и политические акции и выступления, манифесты, полемика и т. п.» [Бурдьё 2005: 392]. Очень важно подчеркнуть, что Гаврил Николаевич всем своим творчеством, научным и общественным подвигом для своего народа обозначил, создал, расширил согласно концепции Пьера Бурдьё, социальные пространства, социальную реальность для юкагирского народа – поля литературы, науки, культуры, публицистики, политики. Эти поля – пространства возможного. Социальные поля своим магнетизмом, притягивают и собирают акторов, то есть действующие лица – молодых ученых и интеллектуалов из числа коренных народов. Тем самым деятельность Г.Н. Курилова придает уверенность коренным народам и дает надежду на сохранение языка и культуры, а значит и выживание юкагирского народа.

Интерпретируя концепцию Бурдьё, подчеркнем, что поля дают действующим лицам возможность более полного выражения потенциально заложенных в этих позициях манифестациям, создавая духовную общность и общность стиля жизни, «благоприятствуют формированию культурного центра, культурной столицы; в разной степени поощряют специализацию (жанров, дисциплин и т. п.) или, наоборот, взаимодействие между представителями различных полей; некоторые традиции не препятствуют или даже способствуют производству интеллектуальной позиции, расположенной над всеми культурными полями — позиции тотального интеллектуала...» [Бурдьё 2005: 391]. И это определение, как мне кажется, очень соответствует пониманию места и роли Гаврила Николаевича в жизни юкагирского народа – тотальный интеллигент (total intellectual), который обеспечивает взаимодействие вышеназванных социальных пространств – полей, объединяя их.

Манифестации – это его борьба за идеи культурного и языкового возрождения, своеобразие и единство, за традиции и устойчивость бытия народа, что организует и побуждает к объединению людей, имеющих социальную структуру и общественные организации. В активе общественно-политической деятельности Гаврила Николаевича создание и руководство Ассоциацией юкагиров РС(Я), Совета старейшин юкагирского народа, организация и проведение съездов юкагиров РС(Я). Принимал активное участие в организации юкагирских общин «Чайла» в Нижнеколымском и «Тэки Одулок» в Верхнеколымском районах. Является разработчиком проекта Закона РС (Я) «О Суктуле юкагирского народа».

Важно также, что Гаврил Николаевич в социальных полях, являясь активным действующим лицом, воплощает в научной, литературной и общественной деятельности идеи национальной идентичности юкагирского народа как в идейно-философском, так и в поэтико-художественном аспектах. Г.Н. Курилов-Улуру Адо как Творец начинал свой путь в литературу в 1960-е годы, и мы с полным правом можем отнести его к плеяде выдающихся писателей народов СССР-России, пришедших на волне движения «шестидесятников». Он в годы коренных революционных изменений в общественно-политической жизни страны в 1985-1990-е гг. всю свою научную и творческую деятельность направляет на постижение национальной идентичности народа, возвращения к своим истокам. Как представитель своего народа он понимал, что основой сохранения национальной идентичности является общественное устремление сохранить язык, культуру, осмыслить историю своего народа.

Он не просто как мастер художественной словесности, но и как выразитель идей эпохи, всего того, что тревожит его современников, оказывал и оказывает огромное воздействие на самосознание народа и общее состояние культурного развития юкагиров и всех коренных народов Якутии.

Вся деятельность Г.Н. Курилова-Улуру Адо как лидера общественного мнения влияет на формирование мировоззрения и гражданской позиции представителей народов Севера по актуальным вопросам развития обще-

ства. Гаврил Николаевич поднимает вопросы национального развития в своей публицистической деятельности, проявляет в художественном творчестве через национальное мировосприятие, мифологичность и метафоричность.

Пока жив еще язык предков, и он радуется поэту, дает надежду ему и знает, народу. В журнале «Полярная звезда» в 2018 г. были собраны стихи, которые как раз можно охарактеризовать как манифестации:

Я сегодня великую силу обрел –
На родном языке говорил!
Вновь из тундры мой старый приятель пришел,
Радость вешнюю мне подарил.
До чего же силен ты бываешь порой,
Языка юкагирского дух,
И летят с плеч усталых тревоги долой,
Словно ветром развеянный пух <...>
Ты простою беседой, мой друг, поборол
Все печали, дав крылья строке¹ [Улуру Адо 2018: 43].

И. Курилова, автор статьи «Сын Олеры Гаврил Курилов» подчеркивает в разделе «Смысл предназначения Улуру Адо»: «Доктор филологических наук и сын последнего юкагирского шамана Гаврил Курилов никогда не смирится с тем, что его народу предстоит окончательно ассимилироваться и повторить судьбу исчезнувших народов, как майя и ацтеки, керекы и алюторцы» [Курилова 2018: 40].

Тревожный голос поэта звучит в его стихах, он бьёт в набат:
Утратив свой язык, исчезнем мы
С лица Земли, оставшись лишь как пыль.
Но сохранив язык и предков дух,
Мы будем жить века, как этнос, Тут!
Вот так пекусь не только о себе,
Вот так пекусь не только, не только о себе,
Хочу помочь народу, он – в беде.
«Народ – в беде!» – кричим давно властям,
А воз, как говорят, и ныне там.

Список литературы:

Бурдьё П. [Bourdieu P.] Поле литературы // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 365–472.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Курилов Г.Н.-Улуру Адо. Оплачиваю свой долг святой: статьи и воспоминания. – Якутск: Бичик, 2018. – 160 с.

¹ Перевод с юкагирского А. Борисовой.

© О.И. Чарина

Курилова Ирина. Сын Олеры Гаврил Курилов // Полярная звезда. – 2018. – № 4. – С. 36–40.

Улуру Адо. «Я сегодня великую силу обрел – На родном языке говорил!» // Полярная звезда. – 2018. № 4. – С. 40–43.

УДК 398(=1.571.56–81)

ХАРАКТЕР ВЛИЯНИЯ ЮКАГИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА НА РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ПЕСНИ И СКАЗКИ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЯКУТИИ*

Чарина Ольга Иосифовна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
ochar@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимовлияния разных фольклорных традиций на Северо-Востоке Якутии. Особенно рассматриваются вопросы усвоения иногo фольклорного жанра, некоторых эпизодов сказки, предания. Мы опирались на записи, произведенные В.Г. Богоразом в конце XIX в., С.И. Боло, Н.А. Габышевым – в начале 40-х гг. XX в., Ю.И. Смирновым – в начале 80-х гг. XX в. Приводится пример текста, зафиксированного Г.Н. Куриловым. Привлекались исследования по данному вопросу: Ю.И. Смирнова, Г.Л. Венедиктова, Г.У. Эргиса, В.И. Кузьминых, Т.А. Голованевой, Р. Н. Базилишиной и др. Уточняются некоторые особенности показа русских в иноязычном фольклоре, в частности, в юкагирском фольклоре, где герой провел несколько лет в иной среде. Привлекаются записи русского фольклора, произведенные в конце XIX в. Сравнение проводится на уровне жанров, сюжетов и некоторых мотивов эпических произведений, зафиксированных на Колыме и Индигирке. Таким образом, целью исследования является рассмотрение связей в эпическом фольклоре в основных местах длительного проживания русских на территории Якутии с выявлением локальных особенностей бытования этого фольклора.

Ключевые слова: русский фольклор, мифологизм, сказки, локальные особенности, взаимовлияние.

В рамках изучения общей картины фиксации русского фольклора в Якутии в период его активного бытования рассматриваются локальные особен-

*Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП Федерального научного центра Якутский научный центр Сибирского отделения РАН в рамках реализации мероприятий по гранту №13. ЦКП 21.0016.

ности, сформировавшиеся за длительный период времени, на примере некоторых эпических произведений в следующих местах: Походск и Русское Устье на побережье Северного Ледовитого океана.

Мы опирались на записи, произведенные В.Г. Богоразом в конце XIX в., С.И. Боло, Н.А. Габышевым – в начале 40-х гг. XX в., Ю.И. Смирновым – в начале 80-х гг. XX в. Также автор статьи обращается к собственным записям, произведенным в указанных местах бытования русского фольклора.

В методологическом плане важна работа Т.А. Голованевой и А.Г. Игумнова по изучению образа русского в фольклоре коряков [Голованева 2014: 114–122]. Здесь развитие образа русского в корякском фольклоре прослеживается от относительно первых мифологических представлений о русских до современных, реалистичных.

Актуальность статьи заключается в том, что в рамках описания общей направленности плановой работы по изучению русского фольклора автор старается проследить характер взаимовлияния в прозаическом фольклоре соседних этносов в конкретных местностях, связанных с постоянным проживанием русских в Якутии.

Мы привлекали архивные материалы экспедиций института, начиная с 1939 по 1946 гг.¹; также опирались на сборники, опубликовавшие эпический фольклор, зафиксированный в Якутии: «Фольклор Русского Устья» [ФРУ 1986], «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» [РЭП 1991]. А.К. Нефёдкин опубликовал тексты рассказов, зафиксированных В. Г. Богоразом [Героические сказания 2016].

Автор в своем исследовании базируется на исследованиях по данному вопросу Ю.И. Смирнова [РЭП 1991: 423–426], Г. Л. Венедиктова [РЭП 1986: 316]. Также в научном плане интересна работа Г.У. Эргиса [Эргис 1974: 233–284]; труды собирателей фольклора: В.Г. Богораз [Богораз 1934], В.И. Иохельсона [Иохельсон 2005].

Сравнение проводится на уровне жанров, сюжетов и некоторых мотивов эпических произведений, зафиксированных на Колыме и Индигирке.

Целью исследования является рассмотрение особенностей связей в эпическом фольклоре соседних этносов в местах долговременного проживания русских на территории Якутии, уточнение локальных особенностей в прозаическом фольклоре.

Общий фольклорный материал у старожилов низовьев рек Колыма и Индигирка формировался, начиная с первых переселенцев, принесших с собой часть русского фольклора из поселений Русского Севера, постепенно он пополнялся за счет новых поселенцев, по мере установления тесных, зачастую, родственных связей с инородцами (эвенами, юкагирами, якутами).

Фольклор Русского Устья и Походска имеет свои локальные особенности, которые связаны с влиянием иных фольклорных заимствований со сторо-

¹ Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН (РФ АЯНЦ СО РАН), (1939-1941). ф. 5, оп. 3, д. 762–781.

ны соседних аборигенных народов, проявившихся в жанрах, поэтике, языке русского фольклора. В свою очередь нельзя не отметить явное влияние русской культуры на якутский, эвенский, юкагирский фольклор, которое также проявляется в языке, поэтике и даже – в жанрах.

Ю.И. Смирнов писал: «Русские первопоселенцы, как видно, обосновывались в устье Индигирки поодиночке или мелкими группами. Общий фольклорный материал у них поэтому формировался постепенно, по мере установления тесных, зачастую родственных связей друг с другом». Что касается записей фольклора на Колыме, то Смирнов также указывал собирателей, а относительно местного репертуара сообщал: «Как и в других местах Сибири, эпический репертуар Колымы и Анадыря по происхождению – смешанный» [РЭП 1991: 27; 36].

Не все тексты, собранные Н.А. Габышевым, были опубликованы в сборнике «Фольклор Русского Устья». Н.А. Габышев записал от С.П. Киселева следующие тексты, которые не вошли в сборник «Фольклор Русского Устья»: «С аршин величиной человек», «Самоеды», «Дутки-Корба и Дильки-Корба», «Княжна Анна», «Слуга Тороп», «Голубая кавалерия», «Олька-Шемаха»¹ [см. также: ФРУ 1986: 316].

В сказках «Дутки-Корба и Дильки-Корба», «Самоеды», «Чукчи», представленных С.П. Киселевым, всюду в тексте встречаются слова из якутского языка: «юрта», восклицание «джэ»².

Некоторые иноязычные предания-сказки, которые мы встречаем в репертуаре С.П. Киселева, отличаются небольшим размером, в них обязательно устанавливаются герои-победители. Тем не менее, как пишет Р.Н. Базилишина, такие полупредания, полусказки больше отражали «местный приполярный колорит» [Базилишина 2000: 17–18]. Такие произведения существовали в репертуаре одного сказителя и не вошли в общий русскоустыинский репертуар.

В. Г. Богораз привел тексты сказок, которые «носят более или менее инородческий, а именно юкагирский характер» [Богораз 1901: 333]. Это следующие сюжеты (названия приводятся по первым словам текстов): «На морском берегу, на острове стояла заимка» (исполнила М. Татарина в Нижнеколымске), «Трое живут мужчин» (исполнил И. Мартьянов, Нижнеколымск), «Люди живут люднеро (скупенно)», (исполнила Е. Татарина, Нижнеколымск), «Раз юкагиры жили» (исполнила М. Вилигина, Сухарная) [там же: 334–342]. Мы рассматривали последнюю сказку [Чарина 2013: 91–100].

Влияние юкагирского фольклора проявилось и в частичном использовании эпизодов юкагирского текста, например, зачин о появлении одинокого героя: «Жил-бул один человек. И сам не знает – то ли с неба упал, то ли из земли вышел» [РЭП 1991: 299]. Мы также исследовали этот мотив в русской сказке [Чарина 2021: 115–125].

¹ РФ АЯНЦ: ф. 5, оп. 3, д. 780, 55–56, 59–62, 72–76.

² Там же.

С другой стороны, обращают на себя внимание образы русских в преданиях и современных рассказах коренных народов Якутии.

Рассматривается характер отражения образа русского в аборигенных преданиях и рассказах на протяжении длительного периода времени на территории Якутии. Это легенды и семейные истории чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов, которые были записаны в первые годы фиксации фольклора, так и последние устные фиксации показа русских. Происходит изменение в показе образа русского от мифологического представления о русских до изображения современного персонажа, который отражен в автобиографических рассказах и легендах в начале XXI.

Специально вопросами идентификации русских аборигенами края занимался В. И. Кузьминых в статье «Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири» [Кузьминых 1994: 32–39]. Он рассматривает особенности рассказов аборигенов (чукчи, коряки), которые не принимали казаков, а также воспоминания других коренных народов (якуты, эвенки эвены, юкагиры), которые положительно отразили образ русских.

От первых образов русских под влиянием времени представители местных этносов и пришлые (например, русские) вступали в новые отношения. Так, Г.Н. Курилов приводит рассказ, в котором сообщается о юкагире, воспитанном в русской среде:

«Во времена Эдилвея был один мальчик-сирота. Он уехал с русскими, учился на попа <...> Лежа поближе к дымовому отверстию, он разглядывал маленькие письма. Разглядывая те свои письма, говорил, оказывается:

– В наш край привезут кирпичный чай, табак. Так говорят мои письма <...>

– Эти письма говорят, над вашей землей будут висеть два человека. Один в шеткарях, другой – в сарах. Так знайте... Когда мир уменьшится, из-под наших земель появится мамонт, из-под нашей мерзлой земли. Вот когда появится [и] начнет ходить, наша земля утонет, знайте это.

Имя этого человека было Ярахин. Срок его предсказаний прошел, некоторые [из них] сбылись». (Записал А.Н. Лаптев в 1959 г. от И.Е. Курилова, 89 л., с. Андрюшкино) [Фольклор юкагиров 2005: 445–447].

Видно, что здесь вполне сочетаются юкагирские и русские представления о мире. Юкагир обучался в русской среде, вернулся в стойбище, увидел письма на стенах своего чума. По ним он прочитал, что скоро откроется широкая торговля, в его стране будут править два человека: «один в шеткарях, другой – в сарах». То есть один – русский («в шеткарях» – обувь, которую носили русские старожилы, «вид меховой обуви с оленьей щеткой на подошве» [Дружинина 2007: 140]), другой – якут («в сарах», также – обувь – «род меховой обуви из конской кожи с длинными голенищами» [Там же 2007: 29]).

Герой – Ярахин оказывается предсказателем, но его знания связаны не только с юкагирскими представлениями о мире, но и с русскими, которые он усвоил, находясь на учебе в другом месте, возможно, в городе.

Современные записи рассказов носят иной характер. В начале XXI в. производились записи воспоминаний о сравнительно недавних событиях в жизни респондентов: проживание в интернате, отношение к природе, работе в стойбищах, – но эти материалы по объему уступают преданиям о старине. У Т.А. Голованевой все эти события последовательно отражены в бытовых рассказах [Голованева 2014: 119–121].

Таким образом, фольклорное наследие русских старожилов Северо-Востока Якутии имеет свои особенности. Несколько основных экспедиций конца XIX, середины XX вв. помогли зафиксировать этот фольклор. Заметно влияние юкагирского фольклора, заимствовались некоторые сюжеты сказок, эпизоды, составляющие предания и сказки. В юкагирском фольклоре показаны некоторые особенности принятия русского мифологического представления о жизни.

Список литературы:

Базилишина Р.Н. Фольклорная традиция на краю ойкумены: сказки Русского Устья: автореферат дисс... к. филол. н. –Иркутск, 2000. – 22 с.

Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз // Сб. ОРЯС. – Спб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. – Т. 68. – № 4. – 346 с.

Героические сказания народов Чукотки / Изд. подгот. А. К. Нефёдкин. – СПб.: Лема, 2016. – 370 с.

Голованева Т.А. Изображение русских в корякских исторических преданиях и автобиографических рассказах / Голованева Т. А., Игумнов А. Г. // Филология. – 2014. № 10. – С. 114–122.

Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета. – 2007. – Т. 4. – 189 с. В 4-х томах.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон; Перевод с английского В. Х. Иванова, З. И. Ивановой–Унаровой. – Т. 5. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с. (Памятники этнической культуры коренных–малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока);).

Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. – Томск, 1994. – С. 32–39. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://zaimka.ru/kuzminykh-cossacks/> (дата обращения 20.4.2023).

РЭП – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И. Смирнов. – Новосибирск: Наука, 1991. – 499 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН, ф. 5, ф. 5, оп. 3, д. 763-781. Материалы Этнографо-лингвистической экспедиции по изучению русского старожильского населения низовьев р. Индигирки 1946 г.

Фольклор юкагиров. Памятники Сибири и Дальнего Востока / сост. Г.Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.

ФРУ – Фольклор Русского Устья / Сост. С.Н. Азбелев, Г.Л. Венедиктов, Н.А. Габьшев и др. – Л.: Наука, 1986. – 384 с.

Чарина О. И. Русско-юкагирская сказка и песня «Кукша» // Традиционная культура. – 2013. № 1. – С. 91–100.

Чарина О.И. Сказки русских исполнителей Северо-Востока Сибири: иноэтническое влияние // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. № 4. – С. 115–125.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 404 с.

УДК 398.21(=554)

ХАКАССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ЮКАГИРСКОЙ СКАЗКЕ «ПЕТР БЭРБЭКИН» В ОБЛАСТИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Торокова Евгения Семеновна

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории,*

г. Абакан

torokovay@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены тексты юкагирской и хакасской сказок, являющихся вариантами русской сказки о Борме-ярыжке. При сравнении русской сказки с её инонациональными вариантами выяснилось, что хакасский вариант имеет больше совпадений с её сюжетом, чем юкагирский вариант. В хакасской сказке встречаются такие мотивы, как игра в карты за щелбаны по лбу, уничтожение антагонистки с помощью пороха, ослепление черного богатыря, сожительство с «дикой женщиной», помощь богатыркам в сражении против змеиногo хана. В юкагирской сказке встречаются только три заимствованных мотива, повествующих о встрече героя с одноглазым, Оплетаем и сражающимися людьми, остальные мотивы являются традиционными для фольклора народа, поскольку в них представлены мифологические представления их создателей. Сделан вывод о том, что эпизоды из русской сказки были заимствованы выборочно к уже существующему самостоятельному сюжету, и юкагирский сказочник творчески переработал их в соответствии со сказочными традициями своего фольклора. При сопоставлении мотивов юкагирской сказки с другими хакасскими сказками был выявлен ряд общих мифологических представлений и мотивов, встречающихся в рассказах о похождениях человека в ином мире.

Ключевые слова: сказки, юкагирский фольклор, хакасский фольклор.

В процессе культурных контактов одних народов с другими часто происходит заимствование инонациональных сказок и их творческая переработка

в рамках национальной сказочной традиции, что ведет к увеличению сюжетного фонда сказок у заимствующей стороны. Как отмечают исследователи, юкагирская сказка «Петр Бербекин» восходит сюжетом и отдельными эпизодами к русской сказке о Федоре Бермятине [Фольклор юкагиrow 2015: 498]. Сама сказка «Федор Бермятин» известна как один из вариантов сказки на сюжет СУС 485 Борма-ярыжка (Вавилонское царство), созданной «на книжной основе и по типу книжной повести» [Тудоровская 1976: 184]. В основу сюжета данной сказки вошли мотивы и эпизоды из рукописных сборников «Повесть о Вавилонском царстве», «Повесть о хмеле», «Повесть о Брунцвике» [Там же: 173]. В сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок зафиксировано 15 русских вариантов, 1 украинский и 3 белорусских вариантов сказок о Борме-ярыжке. Согласно сюжету, «герой по имени Борма-ярыжка, Федор Бурмакин, Иван Туртягин и др. по поручению царя отправляется в заморское царство за короной; похищает ее, побеждает змей, посланных в погоню; попадает к одноглазому великану, ослепляет его и убегает; приживает с дикой женщиной ребенка, бросает ее (она разрывает ребенка пополам); помогает льву, который доставляет его домой; вопреки запрещению льва пьяный хвастается своей поездкой (в оправдание показывает льву силу хмеля, напоив его пьяным)» [СУС 1979: 142–143].

Варианты сказок о Борме-ярыжке различаются между собой из-за наличия или пропуска тех или иных мотивов. Это характерно и для вариантов сказок, записанных в с. Русское Устье в Якутии [Фольклор Русского Устья 1986: 140–144, 189–193, 210–211]. Кроме вышеуказанных мотивов в них имеются эпизоды, связанные с царем Золотой горы и Оплеталищем. При сравнении этих сказок с юкагирской сказкой о Петре Бэрбэкине было выявлено, что в нее вошли эпизоды с одноглазым человеком, с червем-Оплетаем, с двумя сражающимися людьми. Все другие эпизоды, относящиеся к похождениям героя в «нижнем и верхнем мирах», связаны с традиционным мировоззрением юкагиrow и не имеют прямой отсылки к сюжету сказки о Федоре Бермятине.

В фольклоре хакасов также имеется вариант сказки о Борме-ярыжке, сюжет которой по сравнению с юкагирской сказкой более близок к русским сказкам. В завязке сказки хан поручает герою вылечить свою дочь. Тот ночью сторожит дочь хана и ловит духа-хозяина болезни лихорадки Тудан-оол. Вся их борьба за дочь хана сведена к игре в карты на щелбаны по лбу. Е.А. Тудоровская, исследовав варианты сказки о Борме-ярыжке, отметила, что мотив игры в карты в этой сказке появился с начала XX в. и прочно укрепился в ней. Герой играет в карты со змеиной девкой и выигрывает у нее регалии [Тудоровская 1976: 184–185]. В отличие от русской сказки в хакасском варианте герой по поручению хана отправляется на поиски молодых яблок для хана и его жены. Во время своего путешествия он встречает остальных родственников духа-хозяина лихорадки: его сестру Сарыг-хыс, его отца слепого черного богатыря и его мать черную женщину. Как можно

заметить, антагонистами героя в хакасской сказке являются персонажи из национальной мифологии. С каждым из них он расправляется теми же средствами и способами, как в русской сказке: порохом взрывает дом девушки Сарыг-хыс, лечит оловом глаза черному богатырю, бросает черную женщину и уплывает на лодке, а та убивает своего не родившегося ребенка. Далее, как в русской сказке, женщина дает совет герою что делать, чтобы пройти темное место (теснину в русских сказках). Герой помогает трем сестрам-богатыркам, сражающимся против змеиного хана, и убивает змея из ружья. Благодарные сестры дают ему молодильные яблоки и крылатого коня, чтобы тот доехал домой [Хакасские народные сказки 2015: 383–403].

Как мы видим, сюжеты и мотивы юкагирской и хакасской сказок различны, так как источником их заимствования были разные варианты русской сказки. Это можно видеть на примере общего для обеих сказок эпизода об ослеплении одноглазого человека (богатыря): в юкагирской сказке герой спасается тем же способом, что и герой русской сказки из с. Русское Устье, в хакасской сказке – как герой в севернорусской сказке [Северные сказки 1909: 129–135].

В сказке о Борме-ярыжке все персонажи-антагонисты героя представлены как родственники, эта их особенность сохраняется и в инонациональных вариантах. Например, в хакасской сказке они являются семьей, а в юкагирской сказке основные противники героя – одноглазый человек и его старшая сестра червь-Оплетай.

Несмотря на то, что юкагирская сказка о Петре Бэрбэкине, казалось бы, сюжетом и отдельными эпизодами связана с русской сказкой, образы ее персонажей и отдельные мотивы имеют параллели в хакасском фольклоре.

Герой юкагирской сказки пытается избежать смерти, и по совету шамана он отправляется на закат и в итоге попадает в «нижний мир», где встречает одноглазого человека, червя-Оплетая и душ умерших людей. В хакасских сказках тема бессмертия встречается в сюжете АТ 470*: герой-охотник, заблудившись в тайге, находит землю, где люди бессмертны, однако он скучает по родине и возвращается домой [Хакасские народные сказки 2015: 424–431]. Неизвестно, были ли сюжеты хакасских сказок, в которых герой искал бы спасения от смерти. В вышеприведенных сказках герой в отличие от героя юкагирской сказки отказывается от бессмертия и возвращается на родину.

Антагонисты Петра Бэрбэкина в «нижнем мире» – одноглазый человек и Оплетай – представлены как грешники, несущие наказание от хозяев земли. В хакасском фольклоре, в основном в эпосе, вопрос воздаяния за грехи касается богатырей «среднего мира», которых боги-творцы наказывают по-разному и могут отправить жить в «нижний мир» или в далекие земли, как, например, был ослеплен и отправлен жить возле устья белой реки богатырь Каттан Кан [Радлов 1863: 473–475].

В сказке герой, чтобы избавиться от червя-Оплетая, прячется в кустах шиповника, которого его антагонист боится. Использованный им способ

отличается от действий, к которым прибегают герои русской сказки о Борме-ярыжке, и находит параллели в фольклоре разных народов мира. Мотив выпытывания предметов, которых боится противник героя, встречается у многих народов, однако упоминание веток шиповника и боярышника, масла и сыров в качестве предметов, которых якобы боятся герой и его антагонист, есть только в фольклоре казахов, киргизов, алтайцев, тофаларов, бурят, монголов, якутов, нанайцев¹. В казахской, киргизской, якутской, нанайской сказках герой этой хитростью спасает себя, а в сказках алтайцев, тофаларов, бурят, монголов и хакасов он спасает душу больного человека. По сюжету хакасской сказки герой ночью встречает юзюта (злого духа) и выдает себя за недавно умершую душу – сүне. Они вдвоем идут к больному человеку, душу которого юзют забирает с собой. На обратном пути каждый рассказывает, кто чего боится: юзют – шиповника и боярышника, герой – сыра и масла. Когда хитрец вместе с душой больного прячется в кустах шиповника, юзют до зари таскает масло и сыр с деревни и кидает ему в кусты [Хакасские предания и сказки 1960: 144–146]. Сказки с указанным мотивом относятся к группе сказок о хитреце и обманутом им фантастическом существе. Надо отметить, что характер героя-обманщика и хитреца полнее раскрыт в монгольской сказке об обманщике Балын-Сенге. Он вступает в конфликт со слугами Эрлика, когда спасает душу больного человека, а после обманывает Эрлика и занимает его место в «нижнем мире», став Эрликом [Потанин 1883: 242]. Конец сказки – воцарение героя-обманщика в царстве мертвых – похож на финал юкагирской сказки, герой которой удостоивается звания Большого Бога в «верхнем мире» [Фольклор юкагиров 2015: 335].

Интересную параллель с хакасскими сказками о путешествии человека в ином мире мы видим в эпизоде встречи Петра Бэрбэкина с людьми, которые скоро вернутся на «среднюю землю». В юкагирской сказке говорится, что каждый человек должен вешать чулок на дерево, и если чулок исчезнет, то его владельца кладут в гроб и бросают в море. В хакасской сказке таким же образом действуют жители селения в ином мире: здесь они шьют герою кожаную обувь, если она продырявится, это означает, что человек умер. В обеих сказках герои спасают себя с помощью спрятанного ножа, которым они ранят неизвестное существо. Они не видят его, а только слышат звуки снаружи, когда существо пытается продырявить гроб. В юкагирской сказке упоминается Хозяин моря, по требованию которого вешались чулки, и ему, видимо, приносили в жертву человека, чей чулок исчез. В хакасской сказке герой отрезает язык существа и, выбравшись наружу, видит, что на берегу большой реки полно гробов, верх которых продырявлен, что свидетельствует о том, что умерших людей съедает неизвестный зверь.

¹См. мотив: L15C. Кто чего боится (герой и противник) // Ю.Е. Березкин, Е.Н. Дувакин. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. – URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>

Вернувшись в селение, Петр Бэрбэкин продолжает жить по-прежнему. В хакасской сказке герой становится невидимым для жителей селения и вызывает среди них болезнь, тогда их шаман возвращает его на родину, «вбив» в свой бубен [Хакасские народные сказки 2015: 539].

Путь, который совершает Петр Бэрбэкин из «нижнего мира» в «средний мир», основан на мифологических представлениях юкагиrow о реинкарнации айви – душ умерших людей. Айви – это безгрешная душа, способная вселяться в новорожденного, и эта реинкарнация происходит с разрешения хозяев земли. По представлениям хакасов, верховный творец осуществляет реинкарнацию души ребенка, умершего в возрасте до трех лет [Бутанаев 2003: 86]. Здесь безгрешность также является главным условием для перерождения души умершего младенца.

В сказке герой с третьего яруса «нижнего мира» может подняться вверх на птице Хозяина моря или с другими людьми, превратившись в птицу, червя или комара. На верхнем ярусе он видит двух борющихся людей и помогает человеку, упомянувшему Бога. О заимствовании этого эпизода из русской сказки о Борме-ярыжке указывает упоминание Бога и размышления героя, тогда как мотив борьбы двух персонажей, один из которых подкапывал снизу «среднюю землю», чтобы утопить её, видимо, взят из национальной мифологии. В юкагиrowской сказке герой с другими душами проходит в «средний мир» через дыру, что также соответствует представлениям хакасов о входе в «нижний» и «верхний» миры – отверстия в виде круга, напоминающего дымоход в жилище – тунук.

То, как Петр Бэрбэкин осваивает и отстаивает свое право на участок земли в «верхнем мире», можно сравнить с сюжетом СУС 1590 «На чужой земле». В сказке также говорится, что он окружил раскроенной шкурой свой дом. В комментариях к тексту обращено внимание на круг из шкуры, так как круг является священным символом юкагиrow как знак оберега и благопожелания [Фольклор юкагиrow 2015: 492, 501]. В связи с этим смысл использования раскроенной шкуры в сказке не соответствует мотиву сказки на сюжет СУС 2400 Хитрость Дидоны¹.

Юкагиrowская сказка о Петре Бэрбэкине является образцом талантливой и творческой переработки заимствованного материала в рамках национальной фольклорной традиции. Выявленные хакасские параллели к ней относятся к мотивам и образам, созданным на основе мифологических представлений о трехчастной модели мира.

Список литературы:

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 260 с.

¹Аминев З. Об одном древнем мифологическом сюжете. URL: <https://otuken.kz/ob-odnom-drevnem-mifologicheskom-syuzhe/>

© Н.В. Покатилова

Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии. – Вып. IV. – Материалы этнографические. – СПб., 1883. – 1025 с.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. – Ч. II. – СПб., 1868. – 420 с.

Северные сказки / Сост. Н.Е. Ончуков. – СПб., 1909. – 643 с.

Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. – 437 с.

Тудоровская Е.А. Сказка о Борме Ярыжке (Вавилонское царство) // Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. А.А. Горелов. – Л.; Наука. Ленинградское отделение, 1976. – Т. 16. – 312 с. (Русский фольклор).

Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский. – Л.: Изд-во «Наука» Ленингр. отд-ние, 1986. – 384 с.

Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. – М., Новосибирск: Наука, 2015. – 594 с.

Хакасские народные сказки / Сост. Е.С. Торокова, Г.Б. Сыченко. – Новосибирск: Омега Принт, 2014. – 770 с.

Хакасские предания и сказки / Под ред. П.А. Троякова, Т.Г. Тачеевой. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1960. – 233. (На хакас. яз.)

Aarne, S. Thompson. The Types of the Folktale. A classification and bibliography. Helsinki, 1961. – 588 p.

УДК 398:821.554-1

ПОНЯТИЕ «АРХАИЗМ» В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ (ПО ПОЛЕВЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ А.А. САВВИНА)*

Покатилова Надежда Володаровна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,*

г. Якутск

pnv_ysu@mail.ru

Аннотация. Одним из результатов Вилюйской экспедиции А.А. Саввина 1938 г. стало собрание записей одного из малых жанров якутского фольклора – чабыргах. Важным критерием отбора исследователем полевого материала становится высокая степень его архаичности. Уникальность этого собрания связана с тем, что в нем представлены наиболее архаические раз-

*Исследование выполнено с использованием научного оборудования ЦКП Федерального научного центра Якутский научный центр Сибирского отделения РАН в рамках реализации мероприятий по гранту №13. ЦКП 21.0016.

новидности этого жанра, что позволяет специально рассмотреть на этом материале понятие «архаизма» применительно к фольклорной традиции. По полевым материалам выявлено, что исходной и наиболее архаичной моделью оказывается «краткая» форма чабыргах, состоящая из нанизывания атрибутивных словосочетаний в рамках двухсегментного «короткого стиха». В последовательности перечисления отчетливо прослеживается мифологическая модель мира в вертикальном движении «сверху – вниз» («от клюва к хвосту») и ее соотнесенности с телом птицы/животного, режера – человека. Архаические черты обнаруживаются в пределах формульной лексики устного текста, где иерархически выделены: парные слова, звукоподражательные словосочетания, аллитерируемое имя собственное, заумь (бессмыслица) типа заговора и др. В разновидностях этого жанра архаизм далеко выходит за пределы языковой единицы («устаревшее» слово или словосочетание). Строгая вербальная организация в образцах жанра позволяет говорить о внутренней симметрии, переводящей *архаизм* в более высокую плоскость поэтического начала в устном тексте. Тем самым применительно к фольклору речь идет о расширительном толковании *архаизма*, приближающего к архаическим структурам наследуемой мифопоэтической традиции.

Ключевые слова: полевые исследования, малые жанры фольклора, архаизм в устной традиции, поэтический язык, формульность, короткий стих, метрика стиха.

Андрея Андреевича Саввина долгое время воспринимали как собирателя и преимущественно только этнографических материалов. Между тем собственно фольклорные собрания А.А. Саввина, не ставшие до сих пор объектом специального изучения, свидетельствуют о том, что уже в ходе первой Вилюйской экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР 1938 г. у него формируется особый подход в понимании и фиксации фольклора.

В основе исследовательского подхода А.А. Саввина прослеживается представление о том, что фольклорный материал следует фиксировать также, как и этнографический материал, а именно: в качестве определенной цельности, проявляющейся в скрытых, внутренних механизмах фиксируемого артефакта. С той лишь разницей, что в фольклоре цельность объекта связана с вербальной последовательностью устного текста, которая выдвигается здесь на первый план. Особенность полевой работы с фольклорным материалом у А.А. Саввина обусловлена тщательным, продуманным отбором и записью преимущественно *целостных текстов* устной традиции [Покатилова 2021: 114].

А.А. Саввина часто упрекали в избирательности собранного им полевого материала, в большей мере это относилось к фольклору. На самом деле за избирательностью такого рода стояла вполне сложившаяся исследовательская позиция. Принципы отбора и записи устных вариантов в первую очередь

начинают соотноситься с выработанным в ходе полевых исследований критерием архаичности. Вместе с тем до сих пор проблема архаичности собранного А.А. Саввиным фольклорного материала не рассматривалась в качестве специального предмета изучения.

Материал исследования. Целенаправленная фиксация основного массива якутского чабыргах была предпринята А.А. Саввиным в материалах Виллойской экспедиции 1938 г.¹ Выбор этого материала в большинстве своем обусловлен тем, что в нем сосредоточен наиболее архаичный пласт этого жанра, выявленный в соответствии с показаниями самих носителей традиции и с формирующимися представлениями самого собирателя.

Актуальность исследования. В виллойском собрании А.А. Саввина впервые была представлена целая совокупность разновидностей одного из малых жанров якутского фольклора – *чабыргах*. В наиболее полном объеме она описана в ряде наших публикаций [Покатилова 2021; 2020]. В подборе А.А. Саввиным разновидностей этого жанра обращает на себя внимание стремление не только представить его жанровое разнообразие, сколько зафиксировать наиболее архаические формы жанра, среди которых, помимо «утерянных» целостных архаизмов типа лабысха, балтаса, выделяется «краткая форма» чабыргах, по выражению самого А.А. Саввина.

Показательно, что из более 110 вариантов этого жанра, согласно черновым материалам А.А. Саввина, были отобраны 74 варианта². Все приведенные варианты распределены по тем или иным разновидностям. В этом собрании отчетливо выделяются две «жанровые» группы: с одной стороны, «краткий» тип чабыргах и, с другой стороны, более развернутые формы типа *билбит-корбут*, *балтаса* и др. Вариантов 1-го, условно говоря, «краткого» типа представлено значительно большее число, чем «развернутых» вариантов 2-го типа. Общий принцип отбора того или иного плана связан вместе с тем с общим стремлением представить в общем контексте наиболее архаичные формы. Тем не менее преобладание кратких форм 1-го типа в собрании следует связывать с большей степенью архаичности именно этих вариантов и их значимости в качестве определяющих образцов в полевой работе собирателя.

Для начала рассмотрим наиболее характерный пример «краткой» формы чабыргах.

(III)

Тумса чемчус

Халха тэрбэс

Хараҕа эрилээс

Түүтэ үргэс

¹ Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (АЯНЦ СО РАН). Фонд 4, опись 12, единица хранения 87. Фонд 5, опись 3, единица хранения 100, 270.

² АЯНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, ед. хр. 270, л. 4.

Кыната даллас
Атаҕа тэймэс
Кутуруга куймас¹.

Этот образец представляет собой типичную для «краткой» формы чабырҕах структуру перечисления, в которой на слух отмечается граница отдельно взятой строки, представленной однотипным словосочетанием. В данном варианте семь «атрибутивных» в своей основе словосочетаний не вписываются полностью в строгие рамки только «обозначения признака», поскольку в общем контексте целого за всем этим «нанизыванием признаков», возникает дополнительный сверхсмысл, глубинная семантика которого не укладывается в упрощенную схему простого перечисления. В последовательности нанизывания строк отчетливо прослеживается идея мифологической модели мира, развертывающейся каждый раз по горизонтали круга (1 строка=1 стих), но в общем движении процесса «говорения» или «нанизывания строк» получающей развитие в виде вертикальной направленности «сверху – вниз» («от клюва к хвосту»), что соотносится с мифоритуальным членением в данном случае тела птицы (вариации: растения/животного/ человека – в редких случаях). Смысловая доминанта устного текста строится как ступенчатое («*клюв*», «*глаза*», «*оперенье*», «*крылья*», «*ноги*», «*хвост*») воссоздание модели мира по образу и подобию «живой» птицы, связанной с шаманским культом.

Внутренние «симметричные закономерности» (Поливанов 1968: с. 312) текста проступают как на формальном уровне (структура двухсегментного стиха), так и на глубинном семантическом (мифологема мира и жизни вообще). Однотипная структура коротких строк закрепляется в метрической организации устного варианта. Двухсегментная структура стиха полностью совпадает с типом и объемом словосочетания, составляющего метрическую единицу «короткого стиха» (далее – КС) [Кулаковский 1979: 453 – 454; 1978: 289] с различным слоговым объемом (2+2, 2+2, 3+3, 2+2, 3+2, 3+2, 3+2).

В приведенных образцах А.А. Саввина отчетливо демонстрируется основной параметр *формулы*, согласно формульной теории Пэрри-Лорда, ее метрическая обусловленность [Лорд 1994: 42–43]. Каждый раз на слух выделяется граница отдельно взятой строки, которая совпадает с синтаксическим членением текста и в свою очередь оборачивается метрической единицей стиха, в рамках которой представлено то или иное словосочетание (*Кутуруга куймас*/). Именно метрика стиха предопределяет подбор слов (словосочетаний) и, соответственно, формульное структурирование всего текста. Речь в этом случае идет о слове не как о единице предложения, а как о единице поэтического языка, «слова в функции формулы, в определенной метрической позиции» [Левинтон 1983: 173]. Каждый раз в стихе чабырҕах фактически воспроизводится словосочетание как единица поэтического языка.

¹АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, ед. хр. 87, л. 45.

Вместе тем в формульной лексике чабыргах, априори восходящей к древнейшему пласту культовых речений традиции, существует определенная градация и даже своеобразная иерархия мифоритуальной значимости формульных слов. Анализ показывает, что применительно к тем жанровым разновидностям, которые приводит А.А. Саввин, определяющее значение для наиболее архаических форм чабыргах приобретают различного плана парные слова [ГСЯЛЯ 1982: 113, 120, 366, 375] (*Этэ5э-тэтэ5//; Кумуку-дьимики; окур-букур//*), слитные формульные выражения, отличающиеся фонологической целостностью, (*Чуо чуо чолбон//;*), аллитерируемое (иногда связанное другими повторами) имя собственное (*Доропуун ойуун//; Чохоччукаан эмээхсин//*), звукоподражательные словосочетания (*Кыр кырк кынаттаах//; Дар дар сыар5алаах//*) и др.

В то же время в пределах каждого даже словосочетания, представляющего типичную формулу *чабыргах*, возникают дополнительные сдвиги структурного и, как следствие этого, семантического плана. Иными словами, если рассмотренный образец (П1) представляет собой типичный пример метонимически выраженной структуры, которая разворачивается «сверху вниз», вторя модели тела, то в собрании А.А. Саввина прогнозируется ряд случаев, представляющих более радикальные отступления и выход за пределы стиха-строки. К ним следует отнести: конечные строки, представляющие глагольные формы заклинаний-проклятий (*Түөн ойуун көт//; Хара ылах лас//; Сыбырбас тэбиш//; Налых чолуох//*), сложные парные сочетания и звуковые комплексы, выражающие заумь, иногда бессмыслицу заговорного типа (*Дэгэйээ-дугуйаа// Чыынаа-чаанаа//; Барылай тарылай//;*), сложные именные вариации или их перифразы с не всегда этимологизируемым смыслом (*Доргуой удабан//; Олдьуо дохсун//; Күн тойон кыһын//;*), синтаксические конструкции типа анадиплозиса, двойных повторов (анадиплозис+эпифора), охватывающие структуру всего текста. Следует предположить, что указанные конструкции являются реликтами “раннего” состояния традиции, когда с понятием “чабыргах”, возможно, ассоциировалась система “малых” мифопоэтических форм, имеющих еще диффузное, до конца еще не оформленное выражение форм культовой речи. Именно этим, по всей видимости, объясняется многообразие разновидностей чабыргах, о чем неоднократно упоминали исследователи [Эргис 1974: 325]. Такого рода отступления можно рассматривать в качестве архаизмов структурного плана, выходящих за пределы стиха-строки и не укладывающихся в рамки лексического значения слова, словосочетания и даже формулы в чабыргах.

Представленные образцы жанра в большинстве своем отличаются не только начальной выделенностью отдельных, так сказать сигнальных, строк (типа *чуо чуо чолбон; этэ5э-тэтэ5э*), но и своеобразной отмеченностью в некоторых случаях концовки текста. В конце чабыргах часто вводится имя собственное, как правило, сопровождаемое аллитерацией. Именно эта особенность жанра позволяла исследователям рассматривать его как текст са-

тирической направленности, в котором изначально отмечались когда-то недостатки какого-либо человека, имя которого сохранялось [Эргис 1974: 324–325]. Однако анализ имени собственного в имеющемся собрании А.А. Саввина свидетельствует об обратном. В представленных образцах *имя* большей частью имеет отношение не к человеку, а к божеству, шаману или другому сакральному лицу (*Сэмэлинэй эмээхсин//; Чохоччукаан эмээхсин//; Доропуун ойуун//; Далыкынай бэргэн//; Доргуой удабан//*). Характерной особенностью имени собственного является его обязательная аллитерационная отмеченность в параллельных строках, а внутри стиха-строки – внутренняя связанность ассонансом. Тем самым *имя* в рамках стиха чабыргах обретает заведомо изолированное положение, иерархически выделяясь по структуре, усиленной в свою очередь аллитерацией или ассонансом. Семантика всего текста начинает строиться вокруг этого имени. В рамках данной совокупности записей можно предположить, что в традиционной и достаточно архаичной модели чабыргах аллитерируемое *имя* зачастую приходилось на концовку устного текста и могло служить своеобразным *pointe* жанра.

Указанные архаизмы структурного плана актуализируются уже за пределами стиха (=строки), на уровне, как правило, текста в целом. На основании анализа приведенного материала следует предположить, что жанр чабыргах, в том виде, в каком его застал А.А. Саввин, отличаясь от других малых жанров своей формульностью, сохранял в своем арсенале не только собственно формульные архаизмы, характерные для него, но и «непродуктивные» к тому времени грамматические формы, давно вышедшие из употребления, сложные имена собственные, наконец, формулы в первозданном, не эпизированном виде, характерные для древнейшей поры культовой речи.

Более того, архаизирующая тенденция в таком жанре или тому, что предшествовало чабыргах, может быть выявлена через мифологическую семантику, которая в свою очередь оказывается вполне структурированной формально, как показывает анализ, через универсальные языковые категории, преимущественно именные, глагольные, а также через показатели фонологического порядка.

Таким образом, в разновидностях того жанра, который был зафиксирован А.А. Саввинным, архаизм далеко выходит за пределы языковой единицы («устаревшее» слово или словосочетание) и становится экстралингвистической составляющей наследуемой мифопоэтической традиции. Строгая вербальная организация (от фонематического до синтаксического уровня) позволяет говорить о внутренней симметрии в образцах жанра, переводящей архаизм в более высокую плоскость мифопоэтического начала в устном тексте, становясь своего рода архаизмом поэтического плана и приближаясь к *поэтизму* как таковому, свойственному устной традиции. Тем самым понятие «архаизма» в данном случае требует корректировки применительно к фольклорному материалу. Архаизм в широком представлении традиционной культуры связан «с выявлением в синхронном состоянии языка архаических

черт, унаследованных от прошлого, в том числе и весьма отдаленного» [Иванов 2003: 160].

Результаты исследования. Фактически в каждом из отобранных А.А. Саввиным вариантов чабыргаха обнаруживается тот или иной формальный показатель архаичности. Однако выделяемый здесь архаизм предстает не в качестве отдельного слова, как языковой единицы, а в качестве функционально значимого для мифопоэтической основы текста структурирующего начала, что позволяет обозначить подобный архаизм в качестве экстралингвистической единицы, имеющей выход в плоскость мифопоэтического языка как общего наследуемого фонда, своеобразного мифопоэтического словаря, который использует сказитель при каждом исполнении, а, следовательно, воспроизведении традиции. В этом и состоит ценность собранного А.А. Саввиным материала жанровых разновидностей чабыргаха, поскольку в нем представлены исключительные архаизмы мифопоэтической традиции, существовавшие на момент ее фиксации и доносящие до нас наиболее архаическое представление о древней жанровой традиции.

Малый жанр чабыргаха в собрании А.А. Саввина представляется уникальным в силу его типологической значимости как выражения, консервации и сохранения наиболее архаичного состояния жанровой традиции в целом. Анализ показывает, что именно малые жанры фольклора являются отголосками наиболее архаического состояния устной традиции в целом, определяя наиболее раннее ее состояние, возможно даже ее «доэпическое» прошлое.

В пользу такого предположения говорит не только способность жанра к позднейшим модификациям и возможности включаться в жанровые образования большего, чем малые формы, повествовательного объема (эпос, предание, песня), но и собственно диахронические видоизменения внутри жанровой традиции, что, в частности, подтверждается данными Вилюйской и Северной экспедиций А.А. Саввина, показательно определившими соотношение «центрального» и «северного» ареалов функционирования того же чабыргаха.

А.А. Саввин был не столько собирателем, как это долгое время сохранялось по отношению к его экспедиционному наследию, сколько – знатоком и исследователем традиции, обладавшим колоссальным чутьем языка, пониманием устного текста и артефактов традиционной культуры. В основе его подхода обнаруживаются черты подлинно научного интереса к устной традиции и к закономерностям ее функционирования в качестве целостности. Принципы такого подхода не были сформулированы исследователем в качестве отчетливой теоретической рефлексии, но объективно нашли отражение в системе «полевой» репрезентации им имеющегося жанрового состояния устной традиции. Фольклорный материал в собраниях А.А. Саввина дает наиболее полное представление о целостности отдельной традиции и о по-

казательности ее поэтических механизмов, где определяющее значение приобретает сохранность архаизмов в устном тексте.

Понятие «архаизма», выводимого на этом материале и относящегося, казалось бы, всего лишь к одной жанровой традиции, неизбежно соотносится с теми общими закономерностями возникновения «звуковой симметрии», различных «поэтических форм» в том числе «сочетаемости» и «звукового анализа слов», в свое время открытыми Ф. де Соссюром [Соссюр 1977: 639], поскольку типологически единым предстает процесс создания поэтического текста, в том числе и в архаической устной традиции.

Список литературы:

Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

Иванов В.В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 202 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1979. – 484 с.

Кулаковский А.Е. Ырыа-Хоһоон / Песня-Стих. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1978. – 296 с.

Левинтон Г.А. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: семантика и структура / ответственный редактор Т.В. Цивьян. – Москва: Наука, 1983. – С. 152–172.

Лорд А. Сказитель / Перев. с англ. и комм. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. – М.: Восточная литература, 1994. – 369 с.

Покатилова Н.В. К типологическому открытию «устной традиции»: первый экспедиционный проект академического Института языка и культуры при СНК ЯАССР (1938 г.). *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 105–117. doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-105–117.

Покатилова Н.В. Разновидности жанра чабыргах в записях Виллойской экспедиции А.А. Саввина // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2020. № 1 (30). – С. 82–91. DOI: 10.25693/ SVGV. 2020.01.30.10

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. – Москва: Восточная литература, 1968. – 376 с.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

**СООТНОШЕНИЕ ПЕСЕННОГО И СЛОВЕСНОГО НАЧАЛ
В ЯКУТСКОМ ОСУОХАЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЛЮЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ М.Н. ЖИРКОВА)**

Ларионова Анна Семеновна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

degerenan@mail.ru

Аннотация. В настоящее время записи осуохая якутским композитором и музыковедом М.Н. Жирковым, произведенные им во время Вилюйской экспедиции 1943 г., еще не были в полной мере введены в научный оборот, и их изучение является актуальным. В статье впервые исследуется соотношение песенного и словесного начал в круговых танцах якутов по его нотным записям. Цель исследования – изучить соотношение песенного и словесного начал в круговых танцах якутов по фольклорным материалам М.Н. Жиркова. Цель обусловила следующие задачи: 1. Изучить полевою работу М.Н. Жиркова. 3. Рассмотреть соотношение песенного и словесного начал в якутском осуохае. Нотные записи М.Н. Жиркова опираются на европейскую нотацию. Якутский осуохай у него записан в определенной тональности, в размере 4/4. Композиция вилюйского осуохая представляет собой трехчастную форму с постепенным убыстрением к концу. Определено трехчастное строение якутского осуохая, где 1-ая часть отличается от других стилем. Он изложен в манере пения *дьиэрэтии ырыа*. Соотношение песенного и словесного носит прямой характер: словесная структура семисложника 4+3 выражается в напеве ритмической формулой К К К К К К Д.

Ключевые слова: напев, круговой танец, осуохай, метроритм, композиция.

С провозглашением осуохая в 2022 г. объектом нематериального культурного наследия народов Российской Федерации повышается интерес к круговым танцам народов Якутии, в связи с чем изучение особенностей круговых танцев якутов является актуальным.

Полевые исследования напевов осуохая проводил якутский композитор и музыковед М.Н. Жирков, который осуществил первые фольклорные экспедиции для сбора якутских народных песен. Он впервые нотировал якутский круговой танец.

В научных исследованиях осуохай изучен либо как часть фольклорных традиций, либо в нем раскрыты различные теоретические аспекты: ладо-

звукорядная структура якутских народных песен в трудах Э.Е. Алексеева, в плане взаимодействия музыкального и вербального начал в *дьиэрэтии ырыа* и как основа формирования песен *дэгэрэн ырыа* в трудах А.С. Ларионовой, как основа фольклористической деятельности М.Н. Жиркова. В этом плане якутский осуохай как объект исследования изучен А.Д. Халтановой (Татариновой).

Цель исследования – изучить соотношение песенного и словесного начал в круговых танцах якутов по фольклорным материалам М.Н. Жиркова

На основе цели нами поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть полевою работу М.Н. Жиркова.
2. Выявить особенности соотношения песенного и словесного начал в осуохае.

В фондах Научно-исследовательского центра по книжным памятникам Национальной библиотеки РС(Я) в папке 4А хранятся нотные материалы по народной музыке М.Н. Жиркова «Записи Якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке. 212 с.»¹. Из этих материалов в записях Вилюйской экспедиции 1943 г. в 1 разделе хранятся 29 нотаций традиционного якутского танца осуохай.

Записи кругового танца якутов осуохай в записи М.Н. Жиркова были в некоторой степени исследованы Г.Г. Алексеевой в ее монографии «От фольклора до профессиональной музыки» (Якутск, 1994) [Алексеева 1994]. Ладомелодические, ритмические и композиционные основы осуохая достаточно полно изучены А.Д. Халтановой (Татариновой) [Татаринава 2013; 2015; 2016].

Полевая работа М.Н. Жиркова. Первый, кто в этномузыкознании начал планомерно проводить полевые исследования по сбору образцов традиционной музыки народа саха, был М.Н. Жирков. Им впервые были выработаны специальные подходы экспедиционной работы при записи оригинальных якутских народных напевов. Так, в экспедиционной работе, при подготовке проведения метода опроса, важную роль выполняют подготовительные мероприятия, куда входит определение репертуарного списка в виде систематизации жанров фольклора. Он разделил напевы на такие типы: *былыргы* (древние), к которым он относил напевы стиля *дьиэрэтии ырыа*, *урукку* (старинные) – это, по его мнению, были напевы *дэгэрэн ырыа* и *биллинги* (новые), к которым он относил напевы, воспевающие советскую действительность. При проведении полевой работы важную роль выполняет метод анкетирования, который М.Н. Жирков впервые ввел при экспедиционной записи фольклорных напевов народа саха. Так, в 1937 г. в связи с подготовкой Первой республиканской олимпиады художественной самодеятельно-

¹Фонды Научно-исследовательского центра по книжным памятникам Национальной библиотеки РС(Я). Марк Жирков. Записи Якутских народных песен, произведенных в группе Вилюйских районов 1943 г. // Записи Якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке.

сти, посвященной 15-летию ЯАССР, им были составлены анкеты для сбора якутского музыкального фольклора и сведений о носителях фольклорных традиций саха.

В 1943 г. он организует Вилюйскую экспедицию для записи якутского музыкального фольклора, где собрал большое количество материалов, содержащих разнообразные жанры и стили традиционной якутской песенности. В состав экспедиции вошли, помимо М.Н. Жиркова, «балетмейстер якутского театра И.Р. Каренин и от Союза писателей Якутии – прозаик Н.М. Заболоцкий. Его работа носила маршрутный характер. Он обследовал такие села, как Сунтар, Нюрба, Верхневилуйск, Вилюйск, без углубления в таежные наследи. За полтора месяца пребывания экспедиция собрала 72 народные мелодии, более 20 народных танцев и старинных игр, а также импровизации, посвященные теме Великой Отечественной войне» [Алексеева 1994: 36].

Вопрос экспедиционной записи фольклорного образца, как специальный, занимал в полевой исследовательской работе М.Н. Жиркова значительное место. При записи музыкального фольклора народа саха данная проблематика является основополагающей. Так, нотные записи экспедиционных материалов М.Н. Жиркова отличаются лаконичностью и схематизмом. Большинство напевов приведены в виде одной-двух нотных строк, которые зачастую даны без текста, что связано со сложностями записывания якутских традиционных напевов. До середины XX в. якутский музыкальный фольклор записывали преимущественно нотами, так как технические средства до этого времени не были широко распространены в полевых исследованиях.

При фиксации образцов якутского фольклора на слух возникают сложности разного свойства. М.Н. Жирков пишет: «Представьте себе, перед вами сидит якутский олонхосут, и вы у него записываете по фразам, отрывочно, мелодию олонхо. Когда он споет одну фразу, вы должны записать ее на ноты, остановив певца. Певец, прежде чем продолжить олонхо, вернется к первой фразе и от нее уже перейдет к другой. Он тут же при повторении первой фразы споет вам ее совершенно в другом рисунке, не похожем на первый. <...> Когда же отдельные тексты песен олонхо исполняются певцами длительно – в 15–20 минут, а иногда до часу, то, конечно, записать без перерыва мелодию такого текста невозможно и это представляет большую трудность при отсутствии фонографических аппаратов и записывающих приборов» [Жирков 1981: 34]. Поэтому записи якутского музыкального фольклора до появления магнитофона носили зачастую фрагментарный характер.

Таким образом, М.Н. Жирков в своей экспедиционной деятельности провел большую подготовительную работу по составлению списков с определенной систематизацией традиционных напевов народа саха, использовал метод фронтального обследования, метод анкетирования. Благодаря деятельности М.Н. Жиркова по сбору материалов традиционного песенного фольклора якутов и выработанным им подходам впервые начались планомерные экспедиции по исследованию якутских народных песен.

Соотношение слова и музыки в якутском осуохае. Все напевы осуохая записаны М.Н. Жирковым в системе европейской нотации с указанием темпа, размера и тональности. Так, осуохай № 8 И.П. Кутурукова из материалов Вилюйской экспедиции 1943 г. записан в виде 2-х нотных строк без слов, в размере 4/4, в тональности G-dur¹. М.Н. Жирков нотировал напевы осуохая в процессе танца в естественной обстановке. Так, нотная запись осуохая № 1 из Вилюйской экспедиции 1943 г. предваряется комментарием: «Записаны в Верхне-Вилюйске во время танца, посвященного проводам в Армию в 1943 г.»².

Начинает пение в якутском танце запевала. В якутском осуохае гетерофонная втора участников танца отличается отсутствием консонантных созвучий. В осуохае напевы украшаются разнообразными припевными словами *оһуо, оһуо, оһуохай, эһиэ, эһиэ, эһиэхэй*. В осуохае И.П. Кутурукова вербальная часть отсутствует, тем не менее, эти синсемантические слова скорее всего были использованы в пении. Мелодия танца основана на пропевании ч.4 g¹-с², амбитус напева представлен б.б.

Если сравнить метроритмику круговых танцев якутов и эвенов, то в отличие от эвенского *сээдьэ* она в якутском осуохае при преобладании хореического контекста (Г.Б. Сыченко) опирается на ритмическую формулу К К К К К Д³.

7 нотных записей танцевальных напевов М.Н. Жиркова опираются на эту ритмическую формулу. В осуохае распространен хореический вариант в акцентности якутского танца. В метроритмическом отношении якутский осуохай у М.Н. Жиркова записан в размере 4/4. В ритмике преобладают восьмые длительности.

Вилюйский осуохай состоит из трех частей. Он открывается медленным вступительным тойуком в стиле *дьиэрэтии ырыа* (протяжное пение с гортанными призвуками *кылысах*), а 2-я и 3-я части – в *дэгэрэн ырыа*. Таким образом, в напевах трехчастных вилюйских осуохаев наблюдаются стилистические контрасты в пении. Такие напевы у М.Н. Жиркова записаны в размере 4/4. Подобную трехчастную структуру имеет якутский осуохай № 20 «Юнгкюю ырыата» («Танцевальная песня») И.П. Кутурукова, зафиксированный М.Н. Жирковым: 1-ая часть «Тойук» в манере пения *дьиэрэтии ырыа* представлен в виде 2-х нотных строк с вербальным текстом из 4-х так-

¹Фонды Научно-исследовательского центра по книжным памятникам Национальной библиотеки РС (Я). Марк Жирков. Записи Якутских народных песен, произведенных в группе Вилюйских районов 1943 г. // Записи Якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке. Л. 2.

²Там же. Л. 1.

³СК – сверхкраткий музыкальный звук, равный длительности более короткой, чем восьмая длительность. К – краткий музыкальный звук равный восьмой длительности. Д – долгий музыкальный звук, равный четвертной длительности, сверхдолгий, равный половинной и более долгой длительности.

тов, в размере 4/4, в тональности Н-dur. Квантитативная ритмика отличается разнообразием вплоть до СК в 1-м слоге слова *эһиэкэйдиир* в первой строке напева и в 1-м слоге слова *оһуокойдуур* во второй строке. 2-я часть «Аяна» в манере пения *дэгэрэн ырыа* является собственно танцем в одну нотную строку с вербальным текстом из 2-х тактов. 8 строк словесного текста записаны под нотной строкой. В строке нестандартная структура словесного текста 2+1+2 представлен в мелодии нетипичным для осуохая квантитативным ритмом

Д Д Д К К.

В продолжении напева в 1-й строке появляется характерная для танца структура словесного текста 4+3, который в напеве представлен типичной для осуохая ритмической формулой К К К К К К Д. Соизмеряемость долгих музыкальных времен кратким представлена отношением 1:2 и 1:3¹. С двухдольным и триольным раздроблением. Продолжение 2-й части представлено только словесным текстом без нотировки. Размер во 2-й части при ключе не проставлен, но такт содержит длительности, указывающие на тот же размер 4/4, который был в 1-й части. Та же тональность Н-dur 1-й части говорит о том, что звуковысотный уровень во 2-й части танца не меняется. 3-я часть «Кётюю юнгкюю» записана с небольшим комментарием исследователя: «Та же мелодия быстрее». Словесный текст 3-й части состоит из 10 строк².

В «Бюлююлюю тойуктаах осуохай» под № 28 в исполнении К.К. Васильева 1-я часть «Тойук» принадлежит стилю пения *дьиэрэтии ырыа*. Структура стиха имеет вид, характерный для осуохая: 4+3. Квантитативная ритмика напева имеет вид, несвойственный для ритмической формулы танца: Д СД Д СД Д СД СД. Эта квантитативная ритмика связана с тем, что часть изложена в другом стиле. Соизмеряемость долгих музыкальных времен кратким выражена преобладанием отношения 1:2. Ритмическая формула осуохая появляется во 2-й и 3-й частях. Осуохай записан в одну нотную строку в 1-й и 3-й частях из 4-х тактов с вербальным текстом в 1-й части в размере 4/4, в тональности а-moll. 2-я часть имеет только 2 тактов. В 1-й части напева отсутствуют характерные для *дьиэрэтии ырыа* распевы и кылысахи.

Таким образом, М.Н. Жирков впервые провел фольклористические экспедиции, в которых произвел записи напевов круговых танцев вилюйского осуохая. Он разработал определенную методику для нотной фиксации кругового танца якутов. В целом, танцы якутов опираются на бессмысловые словесные образования. При сравнении песенного и словесного начал опре-

¹Методика соизмеряемости долгих музыкальных времен кратким разработана в научной работе Е.В. Гиппиус и З.В. Эвальд «К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни» [Гиппиус, Эвальд 1941].

²Фонды Научно-исследовательского центра по книжным памятникам Национальной библиотеки РС(Я). Марк Жирков. Записи Якутских народных песен, произведенных в группе Вилюйских районов 1943 г. // Записи Якутских песен, произведенных в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке. Л. 7.

делено, что римическая формула осуохая К К К К К Д соотносится со структурой словесного текста 4+3. Вилюйский осуохай имеет трехчастную форму, в которой 1-ая часть поется стилем *дыэрэтии ырыа*, и квантитативная ритмика в них отличается от ритмической формулы танца. В плане соизмеряемости долгих музыкальных времен обнаружены отношения 1:2 и 1:3.

Список литературы:

Алексеева Г.Г. От фольклора до профессиональной музыки. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 160 с.

Гиппиус Е.В., Эвальд З.В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // записки / УдНИИИЯЛиф при СНК УАССР. – Вып. 10: Вопросы языка, литературы и фольклора. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. – С. 61–88.

Жирков М.Н. Якутская народная музыка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 176 с.

Татарина А.Д. Звуковысотная организация напевов якутского кругового танца оһуохай // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2013. – № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. – С. 179–186.

Татарина А.Д. Композиция якутского кругового танца оһуохай: проблемы интерпретации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (53): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 180–185.

Татарина А.Д. Якутский круговой танец оһуохай: строение, локальные разновидности, историческое развитие. Автореф. дис. ... канд. иск. – Новосибирск, 2016. – 20 с.

УДК 811.512.2'373.6

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЙ РОДОВ В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ЭВЕНКОВ

Варламов Александр Николаевич

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

ataki2006@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является демонстрация антропонимических традиций эвенков на примере названий родов в генеалогических преданиях. В публикации представлены варианты этимологии названий родов в текстах эвенкийских преданий-улгуров. Обращение к текстам генеалогических преданий и лексический анализ позволили автору установить ряд исходных этимологических значений антропонимов родового уровня эвенков. В результате работы выявлено, что этимология антропонимов родового уровня эвенков охватывает обширное поле значений, связанных с этногра-

фическими и мировоззренческими традициями, а также связана с деятельностью исторических лиц – основателей патронимий. Словообразование антропонимов происходит в соответствии с агглютинативной спецификой эвенкийского языка – путем присоединения суффиксов к корневой основе слова. Практическая значимость исследования заключается в предоставлении объективных сведений для современных представителей этноса, интересующихся генеалогией своего рода.

Ключевые слова: эвенкийские роды, генеалогические предания, антропонимы эвенков, улгур.

В фольклоре эвенков жанр улгур – «предание» обладает наибольшей степенью исторической документальности. Документальный характер преданий проявляется в отражении истории и традиций родового общества, во многом совпадающих со сведениями исторических источников. Эвенкийские предания подробно и достоверно повествуют о событиях, происходивших в истории отдельных групп эвенков, географически привязанных к определенному ареалу в течение длительного времени. Для каждой локальной группы характерны собственные исторические персонажи и характерные сюжеты [Варламов 2018: 18-44; Габышева, Варламов 2020].

«Генеалогия рода» – распространенный сюжет преданий разных групп эвенков. В вариантах сюжета повествуется об истории крупных и наиболее древних эвенкийских родов, образовании множества патронимий, родоначальниках. Во многих текстах преданий информация о генеалогии эвенкийских родов сохраняется в виде устойчивого одноименного мотива. Этот мотив характерен для сюжетов «межродовая вражда», «известные сонинги», «кровная месть», «миграции родов» и др. Настоящее исследование посвящено определению этимологии названий рода в генеалогических преданиях эвенков.

Для сюжета «генеалогия рода» характерен выделенный нами отдельно мотив предания «происхождение этнонимов». В мотиве представляется этимология этнонимов родового уровня, объясняется, каким образом возникли те или иные названия родов. В некоторых текстах мотив является сюжетообразующим. Например, в одном из преданий олёмминских эвенков подробно представлена этимология названий родов локальной группы:

«*Бугачар* (Букачар), тар “*буга*” (родина, балдыча дуннэ, *буга*) опча (гунивчэ), эду бидерил, балдычар бэел.

– *Бугачар* (Букачар), это [от слова] “*буга*” (родина, место рождения, земля) произошло (названо), т.е. “здесь живущие”, “здесь родившиеся люди”» [ФЭО 2021: 220, 221].

Название рода *Бугачар* (*Букачар*, *Букочар*) (как указано в тексте) – досл. «Родившиеся на этой земле», «Местные», образовано от *буга* – «местность, страна, земля», «мир, вселенная», «родина» [ССТМЯ 1975: 100] + *-чан* (фонетический вар-т *-чен* – суфф. названия по месту жительства, рождения) [Василевич 1958: 797] + *-р* (суфф. мн. ч.) [Там же: 784].

«*Метакар* – орон метан, орон угискин оемконин.

– *Метакар* – шкура с головы оленя, оленя верхней части верхушка» [ФЭО 2021: 220, 221].

Пояснение этимологии названия родового этнонима представлено в тексте, однако требует уточнения. *Метакар* – досл. «Что-то из шкур с части дикого оленя», в значении «Носящие шапки из лобной части дикого оленя», образовано от *мета* – «шкура с головы оленя», «лобная часть шкуры дикого оленя» [ЭРС 2004: 359] + *-ка* (вторичный суфф., образующий название в результате действия с предметом корневой основы) [Василевич 1958: 758] + *-р* (суфф. мн. ч.) [Там же: 784]. Традиция использования головных уборов с рогами копытного зверя отмечалась в этнографических традициях многих групп эвенков, в т.ч. витимо-олёкминских и витимо-нерчинских [Ides 1706: 31].

«*Науагир* – *гаг* гунмури дэгичэн биһин. Сунтут дукувча “гагара” гунмури.

– *Науагир* – лебедем называемая птица есть. По-другому записано [как будто получилось] “гагара” названо» [ФЭО 2021: 220, 221].

Этимология родового этнонима – досл. «Лебедем [что-то совершающие]», в значении «Имеющие тотем белого лебедя», образовано от *уау* (фонетический вариант *гаг* – в некоторых говорах эвенкийского языка звуки *г/у* взаимозаменяемы) [ССТМЯ 1975: 135; ЭРС 2004: 126] + *-а* (суфф. винительно-назначительного падежа) [Василевич 1958: 744] + *-гир* (суфф. принадлежности к родовой организации) [Там же: 751].

Наиболее распространенными вариантами сюжета генеалогических преданий являются тексты об образовании патронимий – ответвлений крупного рода. В некоторых случаях при описании истории патронимии представлено объяснение значения родового этнонима, связанного, как правило, с именем основателя:

«Момочар – Куркэгирилдук. Упчумэчилкэйим, халтын хуйэттэ. Хуйэткэйим, Момочар очатын. Амакатын бэрин ирэктэмэ мома бичэн. Тарит нунан Момочан гэрбичивулчан. Хутэлин Момочар очатын.

Род Момочар – [выделился] из рода Куркэгир. В результате спора, часть их отделилась. Отделившись, Момочар стали [называться]. Лук их деда был из лиственницы. Поэтому ему дали имя Момочан. А потомки его стали называться Момочар» [ИФЭ 1966: 376, 381].

Момочан – досл. «Из дерева (лиственницы) сделанный», в значении «Владеющий луком из лиственницы», от *мо* – «дерево» [ССТМЯ 1975: 540; ЭРС 2004: 362] + *-мо* (суфф. прилаг. по признаку материала) [Василевич 1958: 769] + *-чан* (словообразовательный суфф. имени, названия) [Цинциус 1947: 264].

Во многих случаях этимология родового этнонима напрямую не указывается, однако, его значение можно понять исходя из содержания текста. Например, в предании подкаменно-тунгусских эвенков о предке рода *Лопоколь* повествуется о старушке по имени *Лопик*, которая переселившись с двумя сыновьями с Приангарья на Подкаменную Тунгуску в начале XIX в., дает начало новому роду [Долгих 1960: 199].

Лопик – «Вылетевшая из гнезда», в знач. «Вышедшая из рода (образованная патронимией)», от *лопи* – «гнездо» [ССТМЯ 1975: 705] > *лопов-ми* – «покинуть, уйти из берлоги, норы», «вылететь из гнезда»; *лэпули-ми* – «выскочить» [ЭРС 2004: 341, 349] + -к (суфф. имени собств. жен. рода) [Василевич 1958: 758]. От названия рода *Лопокол(ь)* распространилась современная эвенкийская фамилия *Лопуко*.

В некоторых текстах улгуров объяснение происхождения названия рода связывается с предполагаемым именем основателя. Например, предания майских и нижнеленских эвенков повествуют о миграции родов Эдян, Эдигэн и Куп. По вариантам сюжета группа эвенков во главе со стариком *Эдигэном* (в варианте – *Эдяном*) спускается по р. Лена. Часть сыновей уходят на разведку мест и поднимаются по Алдану, оставив условный знак-илкэн, положение которого изменяет наводнение (в некоторых сюжетах – ветер). Глава группы с оставшимися сыновьями спускается вниз по Лене, а сыновья-разведчики становятся основателями Кюпского и Эжанского родов [Николаев 1964: 180–182].

Этимология имени *Эдигэн* – «Житель низовьев [реки]», «Житель нижнего течения [реки]» [ЭРС 2004: 757; ССТМЯ 1977: 440]. Присвоение названия рода лицу-основателю, в данном случае, является результатом трансформации сюжета в рамках жанра.

В преданиях с сюжетом о выделении патронимий крупного рода объяснение этимологии названий представлено далеко не всегда, однако, исходя из значений имен основателей рода, этимология родового названия может быть определена. Рассмотрим на примерах:

«Кордуял Куркэгирилдук ючэтын. Амакатын Кордуй бичэн.

– Род Кордуял из рода Куркэгир вышел. Дед их звался Кордуй [ИФЭ 1966: 376].

Родовой этноним *Кордуял* образован от имени основателя *Кордо*, *Корду(й)* – «Быстрый», «Подобный свистящей стреле», от диалектн. *корду* – «мало [по времени]», «быстро», «скоро», «лететь со свистом [о стреле]» исх. < *кур*, *кигур* [ТД 1944: 72, 74].

Малук – основатель рода *Малукчер* (патронимия рода Туруягир) из группы эвенков Забайкалья, кочевавших по рекам Витим, Олёкма и Нерча. Упоминается в исторических документах 40-х гг. XIX в. [Туголуков 2013: 209].

Имя *Малук* в переводе с эвенкийского – «Гостеприимный» [ТД 1944: 81; Шубин 2007: 94], от *малу* – «место в жилище, где, по представлениям эвенков, обитал дух-хозяин жилища» [ССТМЯ 1975: 525] + -к (суфф., выделяющий лицо среди других) [Василевич 1958: 757].

Богатый материал по этимологии этнонимов родового уровня представлен в неопубликованных преданиях западных эвенков:

«Омукон этыркон нулидывэ хутэн чамбадяңнара, якчиңнэрэ, тарит *Чамба* одан. Тыкин *Чамба* нулилвар гуныңнэрэ: “Шу этэкэлду чомбадеми! Миты *Чомбал* бишип, чомбадеми!”

Один старик как маленький ребенок невнятно бубнил, разговаривал, поэтому *Чомба* стал. Теперь потомки *Чомбы* [в шутку] говорят: "Вы не болтайте невнятно! Мы из рода *Чомба*, сами так болтать умеем!"¹.

Имя предполагаемого основателя рода образовано от *чамба-ми, чомби-ми* – «бубнить, невнятно говорить» [ССТМЯ 1977: 406].

«Омукон бојэ чолко бичон. Шо чолко. Тари *Кемол* одан.

– Один человек светловолосый был. Очень светловолосый. От него род *Кемол* стал»².

Название рода *Кемо(л)* – досл. «Светловолосые», происходит от происходит от эвенкийского диалектного кемо – «светлый», «светловолосый» < кеми – «олень светлой масти», «кличка оленя светло-коричневой масти», кева, кема – «бледный [о лице]» [ТД 1947: 70; ССТМЯ 1975: 386, 388].

Происхождение патронимии *Кима-Кошка* связывается с именем родоначальника, которое происходит от эвенкийского и русского названия якоря³: *Кима-Кошка* – досл. «Якорь-кошка», образовано от диалектного кима – «якорь», «грузило рыболовной снасти» < *кибас/кибэс, кивас/кивэс* – «грузило для рыболовной сети» [ЭРС 2004: 28]. Исходя из исторических документов, основателем патронимии *Кима-Кошка* является *Кошко Сигасевъ*, который возглавлял Асанскую волость с 1699 по 1702 г. [Долгих 1960: 206; Василевич 1969: 270].

Таким образом, тексты генеалогических преданий эвенков представляют собой лингвистический, исторический, этнографический источник, позволяющий определить исходную этимологию названий рода. Этимология антропонимов родового уровня эвенков охватывает обширное поле значений, связанных с этнографическими и мировоззренческими традициями, а также связана с деятельностью исторических лиц – основателей патронимий. Словообразование антропонимов происходит в соответствии с агглютинативной спецификой эвенкийского языка – путем присоединения суффиксов к корневой основе слова. Тексты улгуров представляют значительный интерес для специалистов по лингвистике, этнографии и потомков, интересующихся генеалогией своего рода.

Список литературы:

Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков. – СПб.: Лань, 2018. – 308 с.

Василевич Г.М. Суффиксы и частицы // Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. – М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Ч. 2. – С. 744–799.

¹Архив востоковедов Института востоковедения России РАН (АВИВР РАН), ф. 49, оп. 1, ед. хр. 66, л. 93.

²АВИВР РАН, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 66, л. 94.

³К.М. Рычков перевел «якорь», однако в эвенкийском тексте уточнения нет.

⁴АВИВР РАН, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 66, л. 94.

© В.А. Петрова

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.

Габышева Т.П., Варламов А.Н. Локальные традиции преданий олекминских эвенков. – Новосибирск: Наука, 2020. – 135 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с.

ИФЭ – Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. – Л.: Наука, 1966. – 400 с.

Николаев С.И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1964. – 202 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1. – 672 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л.: Наука, 1977. – Т. 2. – 992 с.

Туголуков В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. – 352 с., ил.

Фольклор эвенков Олёкмы / сост. Г. И. Варламова и др. – Якутск: Алаас, 2021. – 358 с.

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского языка). Фонетика и морфология. – Л.: Учпедгиз, 1947. – 270 с.

Шубин А.С. Эвенки. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – 360 с.

Эвенкийско-русский словарь / сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.

A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus, photogaved from manuscripts / Ed. S. M. Shirokogoroff. – Tokyo: The Minzokugaku Kyokai, 1944. – 256 p.

Ides E. Isbrant. Three Years Travels from Moscow Over-land to China: thro Great Ustiga, Siriania, Permia, Sibiria, Daour, Great Tartary, &c. to Peking. – London: Printed in Dutch by the Direction of Burgomaster Witzen, 1706. – 210 p.

УДК 398.21(=554)

ЮКАГИРСКАЯ СКАЗКА «СЭМТЭНЭЙ-ПЭЛДУДИЭ» И ЕЕ СЮЖЕТНЫЕ АНАЛОГИ

Петрова Валентина Алексеевна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

valya89243679003@mail.ru

Аннотация. В настоящее время огромный исследовательский интерес представляет сказочный фольклор юкагиров. Сказочный фольклор юкагиров был издан в томе «Фольклор юкагиров» из 60-томной серии «Памятники

фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», вышедший в издательстве «Наука» в г. Новосибирске в 2005 году. Цель данного исследования состоит в том, чтобы провести сравнительно-сопоставительный анализ юкагирской сказки «Сэмтэнэй-старик» («Сэмтэнэй-Пэлдудиэ»), записанный Г.Н. Куриловым от И.Е. Курилова в 1964 г. с другими аналогичными сюжетами народов Сибири и Дальнего Востока. Научная новизна состоит в том, что юкагирская сказка «Сэмтэнэй-старик» («Сэмтэнэй-Пэлдудиэ») записанная Г.Н. Куриловым от И.Е. Курилова в пос. Андриюшкино Нижнеколымского р-на Якутской АССР в 1964 г. не была предметом специального научного исследования. В ходе исследования сравнительно-сопоставительный анализ выявил аналогии с другими сюжетами народов Сибири и Дальнего Востока. В результате проведенного исследования выявлено, что первый, второй и третий эпизоды сюжета имеют сходство с сказками эвенов, нанайцев, орочей, долган и якутов. В сказке сохраняются известные фольклорные мотивы, в котором персонаж притворяется мертвым, больным, он поедает продукты, которые везут другие (М140. Лиса на нартах) и мотив, где персонаж смешит собравшихся, чтобы определить обманщика и вора по сломанному зубу (Сломанный зуб 12.36.37.39, Показавший зубы разоблачен 21.24.32.35.36.37.39.43.48.62.)

Ключевые слова: юкагирский фольклор, сказочный фольклор, жанр, традиционный фольклор, сюжет

Сказку юкагиры называют *караваал* (сказки о животных, волшебные, мифологические и бытовые), а сказочника - *караваал ньиздыиичэ*. По словам Г.Н. Курилова, сказку им рассказывал обычно отец Н.Н. Курилов. Известно, что он был шаманом. Тундровые юкагиры рассказывали сказки в зимнее время в чуме, в кругу семьи. В летнее время, возможно, был запрет на сказывание сказок, как и у эвенов. Это могло быть связано с традиционным хозяйствованием и прежде всего с оленеводством, охотой и рыболовством. Обычно рассказывали сказки по вечерам. Аудитория слушателей состояла из детей и взрослых. Сказку рассказывал тот, кто этим занимался постоянно, тот кто прошел традиционную шшколу по сказительству. После рассказа сказки на следующий день дети должны были пересказать сказку. Наставник требовал точного пересказа сказки, без изменений. Переделывать сказку запрещалось. Неточный пересказ подвергался строжайшей критике со стороны наставника. У некоторых детей, пересказ был точным и без изменений, а некоторые дети допускали изменения в конце сказки. В сказочной традиции юкагиров был запрет на прерывание исполнения эпоса.

В целом, процесс обучения в сказительской традиции юкагиров основывался на принципе прослушивания, подражания и повторения за наставником. Такой способ был единственной традиционной формой обучения исполнению эпоса не только у юкагиров, но и у других народов северо-востока России.

Юкагирская сказка «Сэмтэнэй-старик» («Сэмтэнэй-Пэлдудиэ») была записана в 1964 г. Г.Н. Куриловым от Ильи Егоровича Курилова в пос. Андриюш-

кино Нижнеколымского р-на Якутской АССР. В этот момент Г.Н. Курилов жил и работал учителем русского языка и литературы в пос. Андрюшкино Нижнеколымского р-на. Запись производилась на бумагу от руки. Перевод с юкагирского на русский произведен Г.Н. Куриловым. Вариант данной сказки Г.Н. Курилов услышал еще в детстве от своего отца Курилова Николая Николаевича. Сказка издана в томе «Фольклор юкагиrow» 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», вышедший в издательстве «Наука» в г. Новосибирске в 2005 г. [Фольклор юкагиrow 2005, 246–247].

В первом эпизоде (1.1., 1.2., 1.3., 1.4., 1.5., 1.6., 1.7., 1.8., 1.9., 1.10.) повествуется о старике Сэмтэнэй и его старухе, которые жили одни и не знали людей. Так и жили, кочуя с места на место. Старик Сэмтэнэй возвращался со старого стойбища с чашей жира на нартах. По дороге встречает песца, который напрашивается помочь тащить нарты и, когда старик Сэмтэнэй отворачивался, взбирался на нарты и в спешке грыз жир. В результате один зуб у песца отломился и упал в чашу.

В данном эпизоде встречается фольклорный мотив М140. Лиса на нартах, в котором персонаж притворяется мертвым, больным, его подбирают, он поедает продукты, которые везут другие – обычно сперва выбросив их из телеги, саней, мешка и т.п. [<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>].

1.1. Жил Сэмтэнэй-старик со своей старухой. У него была огромная собака. Людей они не знали, жили вдвоем.

Сэмтэнэй ставил луки-самострелы на зайцев. В них было по две стрелы, и он их ставил так, чтобы (они) выстреливали.

1.2. Вот он добывал зайцев этими луками-самострелами. Жена его обдирала зайцев, отделяла все сухожилия с лап. Потом высушив, сучила их – получались нитки. Она шила ими одежду из заячьей шкуры. Иголки Сэмтэнэй – старик делал из тонкой косточки, что у зайцев возле бедра.

1.3. Вот они жили. Так и жили бы, но зайцы перестали попадаться на луки-самострелы. Тогда Сэмтэнэй – старик поставил силки из старухиных сухожильных нитей. Вот в них стали попадаться куропатки. Вот Сэмтэнэй-старик стал добывать и куропаток, и зайцев. Его жена вываривала в кипятке кости тех зайцев и куропаток – получался жир. Она вычерпывала его и замораживала в деревянной чаше.

1.4. Так жили они, но перестали попадаться и зайцы, и куропатки. Поэтому старик сказал:

- Раз так, давай перекочем к месту слияния двух рек. Там, в ивняке, будут куропатки.

1.5. Вот они разобрали свой чум, сложили его на свою тальниковую нарты. Потом привязали к нартам свою огромную собаку, запрягли ее веревкой за шею.

Вот они, волоча нарты, откочевали втроем со своей огромной собакой.

1.6. Вот они остановились у места слияния двух рек. Еще до установки

чума старик пошел ставить силки, старуха же поставила чум. Когда силки и луки-самострелы были поставлены, и (старик) вернулся, жена говорит:

- Старик, оказывается, мы чашу с жиром оставили на старом стойбище.

- Да-а! – сказал Сэнтэмэй-старик и пошел к старому стойбищу, волоча свои нарты.

1.7. Вот ведь дошел. Положил чашу в нарты. И зашагал в сторону своего дома, волоча нарты.

Когда так шел, навстречу – надо же! – песец.

- Дедушка, изнемог? Давай-ка, помогу тебе, - сказал.

- Ну ладно, помоги-ка, - сказал Сэмтэнэй.

- Только не привязывай меня так, чтобы давило, -сказал песец.

- Хорошо, сказал Сэмтэнэй.

1.8. Вот Сэмтэнэй пошел. Только Сэмтэнэй отвернется, песец взбирается на нарты и грызет жир. Сидит лакомится. Только старик, обернувшись, назад посмотрит, песец тут же соскакивает с нарты, притворно дышит, высунув язык. Пусть, мол, Сэмтэнэй-старик думает: «Помогает». Старик отвернется, а песец как вскочит на нарты! Снова сидит себе, лакомится жиром. Пока было так, один зуб у него отломился и упал в чашу.

1.9. Вот показался чум Сэмтэнэя-старика, и песец сказал:

- Дедушка, ну до твоего чума немного осталось. Отсюда ты сам, наверно, дотащишь?

- Да-а, дотащу, - сказал Сэмтэнэй. – Как хорошо, ты мне сильно помог, выручил!

Вот песец снял с головы веревку и умчался прыжками.

1.10. Старик добрался до своего чума. Только остановился, из чума выбежала старуха, бросилась к чаше с жиром, чтобы занести в чум. Чаша оказалась пустой, в ней лежал лишь чей-то зуб.

- Эт-туо! Ведь чаша наша пустая! Ты сам, что ли, съел?!

- Да нет же, зачем бы я съел? – сказал Сэмтэнэй- Э-э, давеча мне песец помогал, верно, он съел.

Аналогичный фольклорный мотив М140. Лиса на нартах встречается в эвенской, нанайской и ороческой сказке. В эвенской сказке лиса оставляет зуб, который выпал на месте поедания рыбы/мороженого мяса/сушеного мяса/ягод/еды из свежей давленной кетовой икры и ягод, заправленных перпичьим жиром [Эвенский фольклор 1958: 28–29; Новикова 1980: 146–152; Сказки эвенской земли 1988: 5–7; Фольклор эвенов Березовки 2005: 169–178; Петрова 2011: 130–134; Петрова 2011: 192–194]. В нанайской сказке «Лиса» («Солаки») лиса ест лосиный и рыбий жир и оставляет отломленный зуб [Нанайский фольклор 1996: 76–85]. В ороческой сказке «Лиса» («Сулаки») лиса ест вяленую рыбу и оставляет в чумашке свой отломленный зуб [Ороческие сказки и мифы 1966: 129–131]. Следует отметить, что в данной сказке в отличие от аналогичных сюжетов других народов, вместо лисы фи-

гурирует песец, который ест замороженный жир, вываренный из костей куропаток и зайцев.

Во втором эпизоде (2.1., 2.2., 2.3., 2.4., 2.5., 2.6., 2.7.) обманутый старик решает найти песца. Для этого старик Сэмтэнэй нарочно распарывает себе стрелой штаны и претворяется раненым, чтобы привлечь внимание зверей и тем самым поймать обманувшего его песца. В данном эпизоде встречаются фольклорные мотивы Сломанный зуб. 12.36.37.39, в котором персонаж смешит собравшихся, чтобы определить обманщика и вора по сломанному зубу и Показавший зубы разоблачен. 21.24.32.35.36.37.39.43.48.62, в нем персонаж, рассмеявшись, и показав зубы, персонаж выдает себя [<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>].

2.1. *Сказав так, Сэмтэнэй-старик, так и не зайдя в чум, пошел к своим пастям и силкам. А там ничегошеньки нет!*

«Как же быть?» - задумался. Потом вдруг выхватил стрелу и (нарочно) распорол себе штаны. После стал кричать:

- Эроу-эроу! Ра-ра-ра! На (свою) стрелу напоролся! Спасите! - кричал. Тут подошел один песец.

- Что, дедушка, заболел?

- Да нет же, своей стрелой поранился! Не знаешь, есть ли у вас шаман? Если есть, спасите меня!

- У нас шамана нет. Только у зайцев есть шаман.

- Пусть, приведи сейчас же шамана, свой народ весь созови.

2.2. *Услышав это, песец сказал: «Очень скоро придет, отнесем тебя в твой дом».*

И вот без задержки они пришли прямо-таки толпой – песцы, лисицы, зайцы.

- Ну что же, детки, хорошо, что пришли; ну что же, тащите меня до-мой, - сказал Сэмтэнэй.

Вот, взявшись все вместе, подняли (его) и понесли к его чуму.

Внесли в чум.

- Что это с тобой? – сказала старуха, бросившись к нему.

- Э-э, своей стрелой поранился, - сказал Сэмтэнэй, постанывая.

2.3. *Вот Сэмтэнэя уложили на шкуру. Потом стали греть бубен заячьего шамана. Когда (бубен) прогрелся, (шаман) стал камлать:*

- Худиэ-худиэ, Сэмтэнэя-старика

Стрелы духа-хозяина я не вижу.

Худиэ-худиэ, худиэхэ-худиэхэ!

2.4. *Когда он так камлал, Сэмтэнэй-старик, постанывая, тихонько сказал своей старухе:*

- Кокой-кокой, хоньохой!

Этот деревянный свой сускарал

Быстренько возле меня положи!

2.15. *Заячий шаман все прыгал, (распевая):*

- Худиэ-худиэ, дедушки Сэмтэнэя
стрелы духа-хозяина я не нашел.
Худиэ-худиэ, худиэхэ-худиэхэ!

Старик, постанывая, снова сказал:

- Кокой-кокой, хоньохой!
Свой гинджил, свою входную покрывку
Ну-ка, хоршенько закрой!

Давешний песец украдкой опять подошел к старухе и сказал:

- бабушка, дедушка что-то сказал?
- Да ничего, это он, собираясь помирать, говорит.
- А почему ты закрыла гинджил и входную покрывку? – (опять сказал песец, следя за лицом старухи).

2.6. Пока он говорил, Сэмтэнэй-старик, схватив тот самый деревянный сускарал, вскочил на ноги. Стал колотить тех песцов, лисиц и зайцев прямо по головам. Всех уложил. А давешний хитрец притворился мертвым.

2.7. Вот, покончив со всеми, Сэмтэнэй-старик говорит:

- Ну что, старуха, кажется, живых нет? Отвори входную покрывку.
Только старуха откинула входную покрывку, давешний песец вскочил и бросился наружу.

- Дедушка Сэмтэнэй! Меня не убил! Ка-ка-ка-а-кау! – с таким криком он убежал.

Аналогичные фольклорные мотивы Сломанный зуб 12.36.37.39, Показавший зубы разоблачен 21.24.32.35.36.37.39.43.48.62 встречаются в эвенской, нанайской, долганской, якутской, ороческой сказке. В эвенских сказках «Старик Бочиликан» («Бочиликан этикэн») [Петрова 2010: 130–134] и «Лиса» («Хуличан») [Петрова 2011: 192–194] старик устраивает пляску надев, продырявленные штаны, засунув туда труху. В другом варианте эвенской сказки старик устраивает пляску перед зверями, сшив штаны из линяющей шкуры оленя [Фольклор эвенов Березовки 2005: 169–178]. В нанайской сказке «Лиса» («Солаки») старик, положив в штаны добытых им белку, енота, зайца, хоря устраивает пляску с бубном [Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу 1996: 76–85]. В долганской сказке «Старик Укукуут-Чукукуут и лиса» («Укукуут-Чукуут огонньор онуга һаһыл») старик, насыпав пепел от костра в штаны устраивает пляску с бубном [Фольклор долган 2000: 196–197]. В якутской сказке «Птица Тюенэн с четырьмя яйцами» («Туорт сыымыыттаах Туонэн кыыл») старик, набив за пазуху мелкой древесной трухи, устраивает пляску перед лисицами [Якутские народные сказки 2008: 118–119]. В ороческой сказке «Лиса» («Сулаки») Дэвэктэ во время камлания кричал филином «Хун-хун», бормотал зайцем «Хобо-бо-бо-бо», чтобы обнаружить спрятавшуюся лису [Ороческие сказки и мифы 1966: 129–131].

В третьем эпизоде (3.1., 3.2., 3.3., 3.4., 3.5.) старик со своей собакой находит спрятавшегося пса, но он и на этот раз обманывает старика Сэмтэнэя.

3.1. Старик, выскочив за ним, пустил по его следу свою огромную собаку.

Потом взял свой топор и пошел по следам своей огромной собаки.

3.2. Удаляясь, песец заскочил в песцовую нору в одной едоме. Когда Сэмтэнэй-старик (до нее) добрался, его собака уже раскапывала ту нору. Он тоже стал разрушать ту нору топором. Когда копал (нору), из глубины норы послышался голос:

- Дедушка, ну зачем ты рушишь мой дом? Я при смерти.

3.4. Сэмтэнэй-старик, не слушая, копает. Песец насыпал себе в глаза песку.

- Если не веришь, взгляни на мое лицо, - сказал он и высунул свою морду. И правда, с засыпанными песком и слезящимися глазами он был совсем как больной.

- Ну и ну! Ты, оказывается, болен! Я думал, ты тот песец, что съел мой жир! – сказал Сэмтэнэй-старик. Сказав так, он пошел домой, уводя свою огромную собаку. Когда он был уже далеко, сзади послышался крик:

- Сэмтэнэй-старик! Меня и не убил!

- Тууй-сиэ! Как обидно! – только и сказал Сэмтэнэй.

3.5. Когда добрался до чума, старуха уже освежевала тушки, оказывается.

- Ну, как твой давешний песец?

- Нет, я другого песьца напугал, - только и сказал он.

Вот так, добыв еду, хорошо стали жить.

Данный эпизод не имеет аналогов в сказочном фольклоре эвенов, нанайцев, орочей, долган и якутов.

В результате проведенного исследования выявлено, что первый, второй и третий эпизоды юкагирской сказки «Сэмтэнэй-старик» («Сэмтэнэй-Пэлду-диэ»), записанные Г.Н. Куриловым от Ильи Егоровича Курилова в пос. Андрюшкино Нижнеколымского р-на Якутской АССР в 1964 г. имеют сходство со сказками других народов – эвенов, нанайцев, орочей, долган и якутов. В сказке сохраняются известные фольклорные мотивы, в котором персонаж притворяется мертвым, больным, он поедает продукты, которые везут другие (М140. Лиса на нартах) и мотив, где персонаж смешит собравшихся, чтобы определить обманщика и вора по сломанному зубу (Сломанный зуб 12.36.37.39, Показавший зубы разоблачен 21.24.32.35.36.37.39.43.48.62.)

Список литературы:

Березкин Ю.Е., Е.Н. Дувакин Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>.

Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. 2. Глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. – Л.: Наука, 1980. – С. 146-152.

Нанайский фольклор: нингман, сioxор, тэлунгу. – Новосибирск: Наука, 1996. – 478 с.

Орочские сказки и мифы / сост. В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. – Новосибирск: Наука, 1966. – 235 с.

Петрова В.А. Эвенский нимкан о лисе и старике Бочиликане: к проблеме вариативности и типологии сюжетов // Вестник Северо-Восточного федерального университета, №4, 2010. – С. 130–134.

Петрова В.А. Эвенский нимкан о лисе, записанный от А.С. Соколовой: к проблеме вариативности и типологии сюжетов // Вестник Поморского университета серия «Гуманитарные и социальные науки». – Вып. № 7. – 2011. – С.192–194.

Сказки эвенской земли / сост. Л.Е. Большаковой и др. – Магадан: Кн. изд-во, 1988. – С. 5–7.

Фольклор юкагириров / сост. Г.Н. Курилов. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т. 25. – Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.

Эвенский фольклор / сост. К.А. Новикова. – Магадан: Кн. изд-во, 1958. – 118 с.

Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров) / Сост. Роббек В.А. – Якутск: 2005. – С. 169–178.

Фольклор долган / сост. П.Е. Ефремов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 448 с.

Якутские народные сказки / сост. В.В. Илларионов, Ю.Н. Дьяконова, С.Д. Мухомлева и др. – Новосибирск: Наука, 2008. – 462 с.

УДК 811.554'373.21

ПОЭТОНИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ УЛУРО АДО

Курилова Ладина Гавриловна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

ladinakuril@mail.ru

Аннотация. В лирической поэзии Г.Н. Курилова – Улуру Адо доминирует гражданская проблематика, определяется концепт «народ». Мотив судьбы родного народа передается в образах тундры, озера и реки и в собственных именах – топонимах и гидронимах. Целью исследования является определение значения образов тундры, озера и реки и поэтонимов Улуруо и Лабунмэдэну в идейной проблематике, воплощении творческой мысли автора и отражении индивидуально-авторской картины мира. Показано, что топоним-гидроним Улуруо представляет мифологический образ тундры, соединенный с образом озера. Образ озера и гидроним Улуруо раскрывают художественный замысел в осмыслении духовно-философских суждений юкагириров, верования *нунни* о бессмертии светлых душой людей. Мирозрение древних юкагириров в идейной проблематике Улуру Адо воплотилось в образе вечных озер. Поэт показал в образе озера символ вечной жизни, передал идею возрождающегося юкагирирского этноса. Образы тундры и озер и топоним-ги-

дроним Улуруо показывают мифологическое и религиозно-философское мировидение юкагиров, в образе реки и потамониме Лабунмэдэну отражается индивидуально-авторская картина мира, определенная переломными событиями в истории народа.

Ключевые слова: поэтонимы, образы, картина мира, юкагирская поэзия, гидронимы.

Лирика основоположника юкагирской поэзии Г.Н. Курилова – Улуру Адо отличается многогранной гражданской поэзией, представленной наряду с пейзажной, философской и любовной лирикой в книгах: «Юкагирские костры» (1965), «Көдэ, мэру Нийуол: Йуку уорпиэнь» – «Человек и Красный Зверь» (1969), «Лаанньаай өдьил йахта» – «Песня звонких копыт» (1970), «Пока дремлют олени» (1973), «Растопленные снега» (1975), «Ньаавальданья мумдэл» – «Гул Полярного сияния» (1985), «Лабунмэдэну өндэрил» – «Благословение Лабунмэдэну» (1988), «Милая Лабунмэдэну» (1992), «Весть из тундры» (2006), «Монолог аборигена Арктики» (2011), «Избранное» (2013), «Высверки звезды арктической» (2016), «Отсветы любви» (2021).

В гражданской проблематике поэзии Улуру Адо определяется концепт «народ» и идейный мотив судьбы родного народа, ярко и самобытно отражающийся в образах тундры, озера и реки, а также в их названиях – топонимах и гидронимах.

Имена собственные (поэтонимы), функционирующие в художественном тексте, анализируются поэтической ономастикой, что актуально для изучения авторской картины мира, идиостиля писателя. Поэтонимы помогают раскрыть авторский замысел и передать авторское восприятие действительности. В поэтической топонимии гидронимы, как самый древний пласт топонимики, указывают на национальное своеобразие, обычаи и традиции, связь с жизнью народа, акцентируют художественную идею и раскрывают духовно-философские воззрения.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что образы тундры, озера и реки и их поэтонимы в лирике поэта ранее не исследовались.

Целью работы является определение значения образов тундры, озера и реки и поэтонимов Улуруо и Лабунмэдэну в идейной проблематике, воплощении творческой мысли автора и отражении индивидуально-авторской картины мира. Для достижения цели поставлены *задачи*: выделить и рассмотреть стихотворения, в которых раскрываются образы тундры, озера и реки; определить художественные особенности образов; охарактеризовать значение топонима-гидронима Улуруо и поэтонима Лабунмэдэну в поэтических текстах.

В *методологии* исследования применялись описательный, семантический и биографический методы.

Литературный псевдоним Улуруо Адуо состоит из топонима Улуруо (Олера) и слова *адуо* ‘сын’. Юкагиры-вадулы, живущие в озерной тундре, называют ее бабушкой Улуру (*Улуруо абучиэ*). Данный древний топоним

– Улуруо представляет неясную этимологию [Курилов 2013] и являясь, по всей видимости, языческим топонимом, табуирован. Топоним Улуруо также является и гидронимом – названием юкагирских озер Йукуолэл Улуруо (Малая Олера), на берегу которого родился юкагирский поэт, и недалеко от него расположенного другого озера Чамуолэл Улуруо (Большая Олера).

В поэтонимии творчества Улуру Адо гидроним Улуруо впервые появляется в стихотворении «Юколэл Улуру» (1962), раскрывающем думы поэта о родине и гражданском сыновьем долге.

*Мэт Йукуолэл Улуруо
Эдылбатэнг мэ лугэй!
Хуруул дитэ хулуруонь,
Авуотэги, йэвлугэ!
Тунг кэлулба мэ хуодиир
Пулгидьилэ дитэлюо
Мэт угурчиэнь мэ сундиим
Ангийэлэ, собулнуо.
Хуодиир мэтул, абучиэ,
Таат чамариш-көдимэк?
Тэт уодуорпиэнь-вадулпиэнь
Хуолэм мэ шиэнг мэ нэмэ?
Мэт Йукуолэл Улуруо!
Миринь амун пэллэльдэ
Мархиль дитэ тэт ичуол
Мэр амучиш хуодэдэн!
Эл моннубэк, тэн – көдэн
Йуодиш лавйэ нодьэк тэт.
Чандэ ньилдьий чин чунрэ
Мэ лэвнумэк тэт уудэк.
Йэвлугэ, мол мархиль нолк!
Ульэгэплэк йахтэк тэт,
Ангийэплэк афальвэк.
Маархуонь, модьэнг, хуодэдэнг
Идырэльэ эдылбат
Чуольэ ийуул афитэк!
Тудэл идьиз, хаалаба,
Эл афайбан митханэ.
Чингичидинь монур льиэ
Эл ишлгэйбан мит лаамэ,
Саабандьэба монур льиэ
Эл уоньэбан хулархаа,
Лачидэдуол монур льиэ
Ульэгэба эл сэвбан,*

© Л.Г. Курилова

*Лукул бурэ монур льиэ
Уудэк вадул йахтабан...
Мэт Йукуолэл Улуруо!
Мэт абучиэ, йахтэрик,
Анмолбинь эл уттэйчуон
Тун мит чайлэ, мит эдыл!*

*Юколэл Улуру –
грива пенная!
Ты, как вечность, старо,
как Вселенная...
И за что это ты,
мое озеро,
мне к ногам,
как цветы, пену бросило?
Для чего своего внука так уважило?
Я не сделал ничего
для народа нашего.
Юколэл Улуру –
юная красавица!
Улыбаешься хитро,
пеною бросаешься.
Набегаешь на плес,
гладишь камень,
словно ты не из слез,
скопленных веками.
Словно это не ты
хоронило
вековые мечты
юкагира...*

Поэт обращается к озеру, как средоточию древности, тем самым показывая мифологический образ озера. По мысли поэта, вечные озера оберегают юкагиров. Понимание образа озера, как символа вечной жизни, передающего философию бессмертия, дает автору веру и надежду на возрождение родного этноса.

*А теперь хорони
горе наше.
Чтобы лайки
в ночах
не были.
Чтобы чайки
в сетях*

*гнезд не вили.
Чтоб очаг наш
травой
не зарос
высокой!
Смейся, озеро,
пой,
шелести осокой!
Ты волною вскипай
озорною.
Мой народ воспевай
звонкою волною!*

Перевод Г. Плисецкого

Раскрытие образа вечного озера показано в стихотворении «Озеро» (1963).

*Озеро не пело, не кричало –
камышыи прибрежные качало.
Камышам прибрежным и осоке
озеро чуть слышно говорило:
«Я умру – а вы еще постоите
в карауле у моей могилы...»
Так шептало озеро пустое
камышам и травам, спящим стоя...
Солнце неуклюжею улиткой
еле выползло на дальний гребень,
задержалось ненадолго в небе,
улыбаясь грустною улыбкой.
Засияла в озере водица...
чтобы вскоре до весны забыться.*

Перевод Г. Плисецкого

Замерзающее, грустное, словно «умирающее» озеро, увидев осеннее солнце, вспоминает картины теплой юности, но в то же время вполне довольно отведенным временем, потому что знает, что возродится весной, поэтому спокойно и смиренно воспринимает свой уход. Поэт провожает в зимний сон бабушку – Духа озера. Они знают, что встретятся весной, когда Дух озера проснется юной девушкой.

Образ вечного озера в творчестве Улуро Адо передает символику бессмертия светлой души, отражающую религиозное представление юкагиров о *нуннии* – веровании в бессмертие души человека, при жизни проявлявшего добродетельность. Такие люди, почитаемые и уважаемые племенем, после смерти обрели возможность вернуться к сородичам, т.е. их души совершали реинкарнацию.

© Л.Г. Курилова

В образе озера также прослеживается линия прощания, разлуки. В оригинальном стихотворении «Авһаа нһумдэй чайлаған» – «Весь день вчера стонало озеро» (1964) автор описывает замерзание осеннего озера перед долгой зимой.

*Весь день вчера
стонало озеро,
плевалось пеною
весь день,
а к вечеру
метаться бросило,
легло, как раненый олень,
ушел я тихо,
не оглядываясь:
Пускай постит, посмотрит сны...
Ушел, не зная,
не догадываясь,
что растаемся до весны.
А нынче утром,
льдом затертое,
под оболочкою литой,
оно уже лежало мертвое,
придавленное, как плитой.
Лежало, холодом объятое,
сверкающее, как чешуя...
Спи,
Моя осень двадцать пятая,
замерзнувшая песнь моя!*

Перевод Г. Плисецкого

Поэт прощается с озером, словно своей песней, своим двадцать пятым годом жизни. В этом стихотворении просматривается биографическая линия, ведь Улуро Адо возвращается на родину после долгой пятнадцатилетней разлуки. Поэт желает продлить моменты пребывания у родного озера, вдыхая свежесть озерной воды и слушая плеск волн. Находясь у озера, он думает о трудном положении своего народа, утрачивающего родной язык. Можно сказать, в этом стихотворении автор прощается со своим прошлым в детстве, когда он жил в среде сородичей, со своим бытом и укладом, общением на родном языке.

Развитие поэтических мыслей в образе озера усматривается в линиях смирения и надежды в стихотворении «Небольшое озеро и туман над ним...» (1971).

*Тиэнг чамчэннуй йукуйалбаа маранмэ
йандуул киэйиэ нонбалавнуй абучиэк.*

Тун йэwличэ чадьуупэньэй чайлэбат
пондэйл чааслэ чэйлукиэсэ-көдирэнг.
Тан сэмэба тудэбанэ йархалэк
умусэйлгинь мэр абуолуй хомдэмэ.
Эйк эл ичуо тан кэлуунуй йабалэ
эдьуолнурэн, чавричиирэн абучиэ,
эйк льиэ хуодиир чавричинут эбуолэм?!
Мэ курильшим модьэнг тудэл албадьаа:
лугульуулэк йавдуурэлэк, чуобаймэн
мархиль нолдэнг мэ мөндэйтэй ладьидьаа!
Митханэ ваай лайэн нэмэ маанулги
мит кэйэтэнг курильширэнг энльэлдэ
хуодэнг кэдэл мит ат моойуок, маалаба?
Ат амутнэнг эндэли эйк ньяарчитнэнг?
Мол кинуолльэлк эл курильши танньэлэ.
Таатльэр тигин йалбил анмэ моннурэн:
«Эл анньэйэнг адунг чунгрэ аруулэк...»
Элмонньэлэк турумусэйм,
йандуурэнг.

Небольшое озеро
и туман над ним –
будто бы старушка
курит перед сном.
Выдыхает легкий синеватый дым,
не спеша простится
уходящим днем.
Курит, не тревожась, что на берегу
в тихом ожиданье
осень замерла!..
Знает, что старушкой вскорости уснет,
а проснется
юной девушкой весной!
Ну, а мы бы
если б знали наперед
все, что будет с нами –
с вами и со мной –
хоть бы в самых общих,
так сказать, чертах?
Как тогда б жилось нам:
лучше или нет?
Не скажу, не знаю...
Таёт дым в кустах.

© Л.Г. Курилова

*Тишина над озером
и осенний свет...*

Перевод И. Фонякова

Поэт обращается к читателю с вопросом: возможно ли быть уверенным в будущем народа, если думать, что народ возродится, полагаясь только на смиренное ожидание и надежду? Тревогу о народе, оказавшемся на грани исчезновения, поэт желает успокоить, проводя в стихотворении чувственно-мысленные линии смирения и надежды, полагаясь на возможное счастливое будущее родного народа.

В поэзии Улуру Адо образы тундры и озера взаимосвязаны, также как топоним Улуруо и гидроним Йукуолэл Улуруо. В данный образный комплекс входит образ реки, в котором показывается символика прощания, разлуки. Это стихотворение про юкагирскую реку «Милая Лабунмэдэну» (1988), о любви к родине и тоске по утраченным родным местам. В произведении образ реки предстает бабушкой, постаревшей и обмелевшей. «Милая Лабунмэдэну», являющееся трагическим монологом поэта, передает чувство тревоги – река-бабушка может не возродиться девушкой, как озеро. Здесь мы видим противопоставление образов озера и реки.

*Лабунмэдэндүэ
льэр маархуонь вадул, киэ.
Мэдьюолуол лукулньэй,
Вэйлудодьэ хуруулньэй!
Энгэнэн маархуонь льиэ
лугумуй абучиэ!
Лабунмэдэндүэ
льэр маархуонь сугудьэ
чакчайнэн шимидьий,
йахтэги йатидьий.
Энгэнэн маархуонь льиэ
лькумуй абучиэ!..
Лабунмэдэндүэ –
чуольэдьиш нунгнидиэ!
Уудэк льэк, мит мааруол,
нэридьиэл эл мөрчуон!
Уудэк льэк, нотинэк.
йахтэлэк потинэк!*

*Милая Лабунмэдэну,
без тебя для юкагира
нет как нет земли и неба,
нет всего большого мира!
Только вдруг – с чего, не знаю –*

постарела ты, родная...
Милая Лабунмэдэну,
без тебя для юкагира
песня плавная не льется,
в сердце холодно и сирю.
Только вдруг – с чего, не знаю –
обмелела ты, родная...
Милая Лабунмэдэну,
счастья нашего гнездовье!
Уберечь тебя хочу я,
охранить своей любовью.
Как помочь тебе – не знаю,
лишь молю: «Живи, родная...»

Перевод И. Фонякова

«Милая Лабунмэдэну» («Лабунмэдэнудиэ») было опубликовано в сборнике «Лабунмэдэну өндэриил» (Якутск, 1988). Гидроним Лабунмэдэну означает ‘Куропаточья река’, *өндэриил* ‘благословение’. Отметим, на карте Лабунмэдэну обозначена как ‘Большая Чукочьа’, получившая такое название, ошибочно, русскими первопроходцами. Само название книги раскрывает идею о благословенности озер и рек тундры Улуруо для юкагиров. Стихотворение «Лабунмэдэнудиэ» было написано по фольклорной песне «О реке Лабунмэдэну», соединившей в себе особенности личной песни юкагиров – *йахтэл* и тоскливой (любовной) песни – *ишлуги* [Курилов 2005]. В дальнейшем произведение получило развитие в современной песенной культуре как народная песня.

«Милая Лабунмэдэну» стала народной песней, отличаясь лиричностью, основанной на особенностях фольклорного пения. Народность этой песне придала и историческая основа произведения, ведь *Лабунмэдэну* – река, на берегах которой тундренные юкагиры жили в первом и единственном юкагирском поселке Тустах-Сень. После ликвидации поселка, во время укрупнения хозяйств в 1950-е гг., юкагиров с берегов *Лабунмэдэну* перевезли к реке *Чамадэну*, с юкагирского ‘Большая река’ (на карте – ‘Алазея’), в поселок Андриюшкино. Поэтому, можно сказать, в поэзии Улуру Адо образ *Лабунмэдэну* олицетворяет утрату родной земли, любовь и тоску по родине.

Итак, топоним-гидроним Улуруо представляет мифологический образ тундры, связанный с образом озера. Образы тундры, озера и реки символизируют опору жизни юкагиров-вадулов. В образе озера и гидрониме Улуруо воплотился художественный замысел в осмыслении духовно-философских суждений юкагиров, а именно, верования в *нунни* – в бессмертие светлых душой людей. Мироззрение древних юкагиров в идейной проблематике Улуру Адо получило выражение в образе вечных озер. Поэт стремился показать в образе озера, как символу вечной жизни, идею возрождающегося юкагирского этноса.

Образы тундры и озера и топоним-гидроним Улуруо определяются художественным концептом «народ», показывающем мифологическое и религиозно-философское мировидение юкагиров, в образе реки и потамониме Лабунмэдэну отражается индивидуально-авторская картина мира, обусловленная историческими событиями в жизни народа.

Список литературы:

Абодуллоева С.Ю. Гидронимика как составная часть поэтонимии в суфийской поэзии // Вестник Педагогического университета. – 2015. – №3-2 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gidronimika-kak-sostavnaya-chast-poetonimii-v-sufiyskoy-poezii> (дата обращения: 09. 04. 2023).

Болотнова Н.С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. – 2003. – №3-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskaya-kartina-mira-i-ee-izuchenie-v-kommu-nikativnoy-stilistike-teksta> (дата обращения: 23. 04. 2023).

Дреева Д.М., Семенова Т.В. Поэтическая картина мира: к определению понятия // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23763> (дата обращения: 23. 04. 2023).

Курилов Г.Н. Фольклор юкагиров / сост. Г.Н. Курилов. – М.: Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.

Курилова Л.Г. Улуру Адо: литературовед. очерк. – Якутск: Бичик, 2008. – 96 с.

Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии. – Якутск: ИГИ-иПМНС СО РАН, 2013. – 96 с.

Огорокова В.Б. Высокое парение потомка Великого Орла – Улуру Адо. – Якутск, 1998. – 76 с.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974.

Улуру Адо. Лааннай одьил йахта. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1970. – 88 с.

Улуру Адо. Лабунмэдэну өндэрил. – Якутскай: Йохон кинигэ изд-воги, 1988. – 168 с.

УДК 929.52Тэки Одулок

О ТВОРЧЕСКОМ ПСЕВДОНИМЕ ЮКАГИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ И УЧЕНОГО НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА СПИРИДОНОВА - ТЭКИ ОДУЛОКА

Казаев Андрей Васильевич

Национальный архив Республики Саха (Якутия),

г. Якутск

kazaeff.andr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена творческому псевдониму юкагирского писателя и первого ученого из числа представителей коренных малочисленных

народов Севера Н.И. Спиридонова – Тэки Одулока. В статье рассматривается значение псевдонима Тэки Одулок и выдвигается новая версия трактовки этого псевдонима, которая основывается на данных лингвистики. Также в статье представлены некоторые малоизвестные факты его жизни и деятельности, основанные на архивных документах и воспоминаниях земляков-современников Н.И. Спиридонова – Тэки Одулока.

Ключевые слова: Николай Иванович Спиридонов – Тэки Одулок, юкагиры, писатель, творческий псевдоним, история Якутии.

Николай Иванович Спиридонов – Тэки Одулок (1906–1938) – основоположник юкагирской литературы, кандидат экономических наук, первый ученый из числа коренных малочисленных народов Севера, один из активных участников организации Чукотского автономного округа, участник гражданской войны в Якутии, общественный деятель.

Н.И. Спиридонов – Тэки Одулок родился 9 мая (22 мая) 1906 г. До сих пор существуют определенные расхождения по поводу места рождения Николая Ивановича. Одни считают, что он родился в юкагирском стойбище Нелемное, находившемся в устье р. Рассоха – одного из притоков р. Ясачной (ныне с. Нелемное Верхнеколымского района РС(Я)). Другие пишут, что он родился в урочище Оттур-Кюель, недалеко от Верхнеколымска. Сам Н.И. Спиридонов в своей автобиографии указывал место рождения с. Верхнеколымск¹. Однако современники Тэки Одулока, хорошо знавшие его родителей, указывали, что семья юкагиров Спиридоновых проживала в урочище Кистэлээнкэ, вблизи озера Оттур-Кюель. И скорее всего, там и родился Тэки Одулок, а в Верхнеколымске местный священник сделал запись о его рождении в метрической книге.

В своей автобиографии Тэки Одулок писал, что его отца звали Атыляхан Иполун из рода *Чолбородиз* – «заячьих людей». Его родители – Иван и Агрипина Спиридоновы были юкагирами Ушканского рода. Николай родился одиннадцатым ребенком в семье, но ко времени его рождения в живых из детей осталось только пятеро, остальные умерли от болезней и тягот суровой кочевой жизни. Отцу на момент рождения Николая было 48 лет, матери – 39. Семья жила бедно, часто голодала. У них было лишь несколько сетей, деревянная и берестяная посуда и несколько собак. Когда маленькому Николаю был один год, во время промысла рыбы в местности Прорва утонули, провалившись под лед, его старшие брат и сестра – 21-летний Николай (в то время в семьях дети часто носили одинаковые имена) и 16-летняя Анастасия. Они были надеждой и опорой родителей, которые отдали их в церковно-приходскую школу в Крепости (так по традиции до сих называют с. Верхнеколымск). Проявив незаурядные способности, дети успешно ее закончили. Николай был практически единственным писарем у местных якутов и даже

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф.П.3. Оп.177. Д.5137. Л.4.

некоторое время работал учителем в школе. Он являлся кормильцем своей семьи и примером для своих сородичей юкагиров. Однако произошедший несчастный случай поставил семью на грань выживания. Оставшемуся старшим Гавриилу было 12 лет, Акилине (Акулина) – 10, Михаилу – 6.

Как писал председатель Колымского продовольственного комитета, вилайский окружной исправник Н.Н. Березкин по этому поводу: «...Горе матери... Но и этом состоянии она не расстается с мыслью о том, что надо обучить грамоте следующего за погибшими 13-летнего своего сына... Поместить мальчика в Верхне-Колымский пансион не удалось Спиридоновой, за переполнением его мальчишками якутов... Счастливая случайность помогла юкагирке Спиридоновой отправить сына в пансион при Ср[едне]-Колымской школе...»¹. Стоит отметить, что для того периода времени это была очень большая редкость встретить столько грамотных детей в одной семье, учитывая то, что практически все дети получили начальное образование, а самый младший Николай стал первым ученым из числа коренных малочисленных народов Севера. Несомненно, что на получение образования детьми повлияло желание их родителей, особенно матери.

Потеря старших детей тяжело отразилось на положении семьи. Отца преследовали неудачи на охоте и в рыбной ловле. В предисловии к своей книге «Жизнь Имтеургина-старшего» Тэки Одулок так описывал этот трудный период своей жизни: «В детстве я бродил вместе с семьей по лесным долинам реки Ясачной и ее притокам в поисках охотничьей добычи. Но так как у отца моего не было огнестрельного оружия, охота нас кормила скудно, и мы часто голодали».

В 1912 г. семья Спиридоновых вынуждена была уехать искать работу и пропитание в Среднеколымск, где уже учился их сын Гавриил. Здесь же Николай пошел в двухклассную церковно-приходскую школу. Детство его прошло в тяжелых условиях, работал он у местных богачей с утра до вечера. Временами его родители болели, и тогда Николаю приходилось совсем несладко².

После установления Советской власти на Колыме юный Николай принял активное участие в организации местной комсомольской ячейки. Однако с появлением на севере банд Бочкарева и захвата ими Среднеколымска здесь начались аресты и расстрелы большевиков, комсомольцев и сочувствующих им.

Николай успел до этих событий покинуть город и отправиться на учебу в Якутск.

В 1924 г., по прибытии в Якутск, Н.И. Спиридонов поступает в советско-партийную школу, где хорошо себя зарекомендовал. Тогда же он подает заявление на прием в кандидаты в члены РКП(б), а в 1925 г. его уже приняли в партию. В мае того же года Николай Иванович просит руководство Совпартшколы командировать его для работы в Колымский округ и получает

¹НА РС(Я). Ф.И-490. Оп.1. Д.80. Л.12.

²НА РС(Я). Ф.П.3. Оп.177. Д.5137. Л.4-5.

одобрение. Однако уже летом Якутский горком РКП(б) и ЯЦИК (Центральный исполнительный комитет Якутской АССР) направляют его учиться на географо-этнографические курсы в Ленинград (Ленинградский институт живых восточных языков), где он занимается под руководством известного ученого, этнографа, члена Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера) Владимира Богораз-Тана.

В 1927 г., после окончания 2-го курса института, Н.И. Спиридонов по заданию Комитета Севера выехал из Ленинграда в распоряжение Дальневосточного крайкома ЦК РКП(б) в Хабаровске. Затем он в качестве уполномоченного Дальторга (Государственная торговая импортно-экспортная контора по торговле со странами Дальнего Востока) участвовал в колымской экспедиции. Уже находясь во Владивостоке, он отправляет в Якутск смету расходов, связанных с командировкой к юкагирам Колымы, где подробно указывает, сколько необходимо охотничьих ружей и боеприпасов к ним, рыболовных снастей, предметов быта.

В своем письме из Владивостока от 18 июня 1927 г. председателю Совнаркома ЯАССР М.К. Аммосову Н.И. Спиридонов писал о своих сородичах: «... Ни на минуту я не оставлял мысли поехать к ним, находиться в их среде, изучать их, просвещать, организовать хозяйство, улучшать жизнь...»¹. В том же году Н.И. Спиридоновым был подготовлен проект создания Юкагирско-Чуванского национального района, однако проект получил отрицательный отзыв со стороны известного ученого-североведа, члена Бюро и ученого-секретаря Комитета Севера С.А. Бутурлина и не встретил одобрения властей².

В составе оргкомитета Дальневосточного крайисполкома Н.И. Спиридонов поехал на Чукотку для организации Чукотского национального округа. Он около 7 месяцев жил среди чукчей, побывал на реке Анадырь, в бухтах Провидения и Лаврентия. Под впечатлением этой поездки было написано его произведение «Жизнь Имтеургина-старшего» о жизни чукчей в царское время.

В январе 1930 г., по инициативе Н.И. Спиридонова, была организована научно-исследовательская секция при Якутском Комитете Севера, а он сам стал ученым секретарем этой секции.

В том же году Н.И. Спиридонов возвращается в Ленинград, заканчивает учебу в институте и становится первым из представителей коренных малочисленных народов Севера, получивших высшее образование. «Первый и единственный туземец из племени юкагиrow тов. Спиридонов окончил высшее образование в ЛеГоУниверситете», – писал председатель Комитета Севера П.Г. Смилович в Президиум ВЦИК РСФСР [Туголуков 1979: 139].

В 1931 г. Н.И. Спиридонов поступил в аспирантуру при Институте народов Севера по специальности «экономическая география» и 20 мая 1934 г.

¹НА РС (Я). Ф.Р-680. Оп.1. Д.75. Л.25-31.

²НА РС(Я). Ф.Р-680. Оп.1. Д.75. Л. 2-3об.

успешно защитил научную диссертацию на тему «Торговая эксплуатация юкагигов в дореволюционное время», которую посвятил верхнеколымским юкагирам. Также Н.И. Спиридонов опубликовал ряд научных работ. Будучи аспирантом Института народов Севера, он написал свое первое географо-этнографическое исследование «Одулы Колымского округа», вышедшее в журнале Советский Север в 1930 г. А в 1931 г. его статьи «Юкагиры» и «Юкагирский язык» были включены в Большую Советскую энциклопедию. В 1933 г. вышел в свет очерк «На Крайнем Севере». В 1934 г. издана известная книга Н.И. Спиридонова «Жизнь Имтеургина-старшего» о жизни чукчей в дореволюционной России. «Жизнь Имтеургина-старшего» еще при жизни писателя была издана во Франции и Чехословакии. В Великобритании она вышла под названием «Снежные люди» – «Snow people».

В 1934–1936 гг. Н.И. Спиридонов работал секретарем Аяно-Майского районного комитета партии, затем был назначен заведующим национальным сектором Хабаровского отделения Союза писателей СССР.

Он продолжал научные исследования и работал над своей докторской диссертацией, но трагическая смерть помешала ему осуществить свои планы.

30 апреля 1937 г. Н.И. Спиридонов-Тэки Одулок и еще 9 известных ученых сотрудников Института Севера были арестованы по обвинению в разведывательной деятельности в пользу Японии. Тэки Одулок был расстрелян по приговору суда 17 марта 1938 г. Похоронен он на Левашовской пустоши – бывшем секретном расстрельном полигоне НКВД, где захоронены десятки тысяч жертв сталинских репрессий.

Н.И. Спиридонов-Тэки Одулок был посмертно реабилитирован 29 октября 1955 г. А его творческое наследие вернулось читателям во многом благодаря статье Лидии Чуковской «Об одной забытой книге», написанной в январе 1959 г.

О творческом псевдониме Н.И. Спиридонова – Тэки (Текки) Одулок в соответствующей литературе, посвященной писателю, повсеместно говорится, что «Тэки Одулок» в переводе с юкагирского означает «маленький юкагир». И эта трактовка повторяется из одной статьи в другую. Сейчас уже трудно выяснить, кто, когда, а главное как перевел его псевдоним как «маленький юкагир». Однако этот перевод, по всей видимости, не соответствует правилам юкагирского языка, а сделан по правилам русского языка.

Творческий псевдоним «Тэки Одулок» стал широко известен после выхода книги «Жизнь Имтеургина-старшего». Однако вначале своего творческого пути Н.И. Спиридонов публиковался либо под своей фамилией, либо под псевдонимом Н. Одулок. Так, еще в конце 1920-х Н.И. Спиридонов начал писать статьи в периодической печати. В частности, в газетах «Автономная Якутия», «Социалистическая Якутия» и «Красная газета» вышли его статьи, посвященные тяжелой жизни юкагигов – «В юрте», «Внимание юкагирам», «В Колымском округе должна быть культбаза», «В Колымской тайге» и др. Тогда он впервые использовал псевдоним Н. Одулок.

Создание творческих псевдонимов всегда было достаточно широким явлением. В Советском Союзе в 1920–1930-х гг., когда начинал свою творческую деятельность Н.И. Спиридонов, многие молодые литераторы брали себе псевдонимы. Причины были разные – кому-то собственная фамилия казалась невыразительной, наличие однофамильцев, желание скрыть собственное имя по каким-то мотивам либо выделить его и т.д. Довольно популярными были псевдонимы-топонимы (связанные с географическими объектами, чаще всего с местом рождения или жительства), гидронимы (в основе которых лежит название реки, озера или моря) и т.д.

Н.И. Спиридонов использовал псевдоним-этноним, который подчеркивал его этническую принадлежность к народу одулов (юкагиров) – Одул(ок) значит Юкагир. Как мы знаем, первоначально его псевдоним состоял из первой буквы его имени и этнонима Одул(ок). Однако впоследствии он изменил псевдоним на Тэки Одулок, взяв себе имя, которым его в детстве нарекли родители.

Как и у многих народов, у одулов издавна существовал древний обычай наречения вторым охранительным именем-оберегом. Одулы давали своим детям имена-прозвища, которые играли роль охранительных имен, так как неприято было произносить настоящее имя, чтобы избежать внимания злых духов – кукулов. Происками этих духов юкагирами объяснялась высокая детская смертность. Эти имена-обереги могли означать животных, птиц, термины родства, различные предметы, описание свойств живых и неживых предметов, особенностей физического развития человека и т.д. Например, Ампаарчан (с якут. яз. 'амбар'), Поводок, Грязный (в смысле 'запачканный'), Юкоой (с якут. яз. 'маленький'), Шайду (с якут. яз. 'широкий') и др. Некоторые имена давались в юности либо уже в зрелом возрасте. Примечательно, что многие имена, кроме юкагирского языка, были на языках соседних народов – якутском, русском, эвенском, чукотском.

В детстве своего самого маленького большеглазого Николая мама ласково называла *Тиэкэ* (якут. яз.) – бельчонком, белкой-летягой. По мнению юкагирского поэта и ученого-лингвиста Курилова Г.Н.-Улуру Адо, родители назвали своего сына Тиэки, мечтая о том, «чтобы он вырос славным охотником, сильным и ловким, как сказочный юкагир, передвигавшийся, отталкиваясь, с верхушки одного дерева на другое, словно белка-летяга» [Улуру Адо 2013: 265].

То есть в качестве литературного псевдонима Н.И. Спиридонов взял свое второе имя-оберег – Тэки (Тиэкэ). Добавлением этнонима – Одулок – он хотел подчеркнуть свою этническую принадлежность к маленькому исчезающему народу одулов (юкагиров).

Уже спустя много лет после смерти Н.И. Спиридонова появилась интерпретация псевдонима Тэки Одулок с юкагирского языка на русский как «маленький юкагир». Возможно, при переводе часть -ок соотносили с русским уменьшительно-ласкательным суффиксом (например, гриб – грибок, снег

– снежок), полагая, что если «одул» – «юкагир», то «одулок» – это «маленький юкагир». Однако на юкагирском языке «маленький юкагир» звучит как *йукоодьэ одул*.

По мнению исследовательницы юкагирского языка, ведущего научного сотрудника отдела северной филологии ИГиИПМНС СО РАН П.Е. Прокöpfeвой, в слове «одулок» может присутствовать утвердительный суффикс именительного падежа *-ок (-эк)*, с помощью которого логически выделяется подлежащее, конкретизируется предмет (*одул* – ‘юкагир’, *одулок* или *одулэк* ‘именно юкагир’). В юкагирском языке логическое ударение, выделение наиболее важных для речевого отрезка слов, передается с помощью специальных морфологических показателей (суффиксов). Примером такой конкретизации может служить цитата из книги самого писателя «На Крайнем Севере», где автор говорит юкагирам «мэт калул одулок», что переводится как «я пришел, юкагир» [Тэки Одулок 1987: 200]. Исходя из этого, значение псевдонима «Одулок» – не просто «Юкагир», а «Я – юкагир».

Таким образом, Н.И. Спиридонов своим псевдонимом хотел подчеркнуть свою этническую принадлежность к народу одулов (юкагиров): «Одулок» – «Я Юкагир», «Тэки Одулок» – «Тэки Юкагир».

Земляки-сородичи Н.И. Спиридонова, знавшие Тэки Одулока и его родителей, считали, что свой псевдоним он взял в память о своей матери, которую очень любил. Например, об этом говорил нелемнский юкагир Дмитрий Григорьевич Дьячков (1912 г.р.), друг Тэки Одулока. Когда Д.Г. Дьячков учился в Ленинграде, он ходил в гости к Спиридоновым, и Тэки Одулок радовался, говоря «мои родичи пришли». Он подарил ему свою книгу «Жизнь Имтеургина-старшего» с автографом (к сожалению, она была утеряна). В конце 1936 г. Тэки Одулок предупредил его об опасности, сказал ему срочно уезжать домой. А спустя полгода после этого Тэки Одулок был арестован, а затем расстрелян. Дмитрий Григорьевич считал, что фактически Тэки Одулок спас его от возможных репрессий¹.

Об отношении Тэки Одулока к матери известно из воспоминаний Марфы Николаевны Винокуровой (1913 г.р.). В 1927 г. Тэки Одулок, находясь в экспедиции, приезжал на родину в Нелемное. В Оттур-Кюеле в доме якутской семьи Бессоновых, у которых жила мать Тэки Одулока, собрались родные и знакомые семьи Спиридоновых. Был накрыт богатый стол – мясо, рыба, сливки, творог. М.Н. Винокурова хорошо запомнила Тэки Одулока. По ее словам, он был очень красивый, круглолицый, одет в пальто, удлиненный костюм, очень хорошего покроя. Она помнила его отца, рассказывала, что семья Спиридоновых была бедной, жили они в местности Кистилянка (*Кистэлээнкэ*) недалеко от Оттур Кюеля. Маму Тэки Одулока все звали *Өгүрүүсэ эмээһин* (с якут. яз. старуха Агрипина). Прощаясь, мать Тэки Одулока плакала, целовала сына и спрашивала, когда она его еще увидит. Он обещал ей

¹ Информация представлена из личного архива Е.И. Дьячковой, 1946 г.р.

вернуться. Агрипине Спиридоной тогда было около 60 лет, отца Тэки Одулока уже не было в живых. Больше они уже не встретились¹.

К сожалению, мы не смогли установить дату смерти матери Тэки Одулока, возможно, она умерла в начале 1930-х гг., и, узнав о ее смерти, сын взял себе псевдоним Тэки Одулок.

Н.И. Спиридонов–Тэки Одулок прожил короткую, но яркую жизнь, которая трагически оборвалась в неполных 32 года, когда он попал в жернова сталинских репрессий.

Первый юкагирский поэт Курилов Г.Н.–Улууро Адо говорил о Тэки Одулоке: «Он стал первым человеком, который громко заявил о нашем народе. А его творчество оказало большое внимание на развитие не только юкагирской литературы, но и на развитие литературы всех народов Севера». В память о великом сородиче и его трагической судьбе он посвятил ему стихотворение «Тэки Одулоку» [Улууро Адо 2013: 45–46]

Именем Тэки Одулока названы улицы в г. Якутске, п. Зырянке, с. Нелемном. В 1996 г. Нелемнской средней школе было присвоено имя Н.И. Спиридонова–Тэки Одулока. В память о нем установлены бюсты в Нелемном и мемориальная доска на улице Тэки Одулока в Якутске.

Список литературы:

- Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? – Москва: Наука, 1979. – 152 с.
- Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере / В кн.: Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. На Крайнем Севере; Николай Тарабукин. Моя жизнь; Джанси Кимонко. Там, где бежит Сукпай. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – С. 96 – 236
- Улууро Адо. Избранное. – Якутск: Бичик, 2013. – 352 с.

¹Информация представлена из личного архива Е.И. Дьячковой, 1946 г.р.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЮКАГИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АРКТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Санникова Инна Иннокентьевна

*Арктический государственный институт культуры и искусств,
г. Якутск*
naminna@yandex.ru

Вензель Виолетта Семеновна

*студент 3-го курса направления подготовки
«Библиотечно-информационная деятельность»,
г. Якутск*
vv_s25@mail.ru

Константинова Евгения Родионовна

*студент 3-го курса направления подготовки
«Библиотечно-информационная деятельность»
г. Якутск*
ekonstantinova793@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются особенности преподавания литературы народов Севера, в частности юкагирской литературы, в рамках учебной дисциплины «Литература народов Якутии» в Арктическом государственном институте культуры и искусств на направлениях подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» и «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Особое внимание в преподавании дисциплины уделяется принципу профессионально-ориентированного обучения. Также изучение литературы народов Севера предоставляет широкие возможности для организации научно-исследовательской деятельности студентов и разработки и продвижения студенческих проектов, направленных на популяризацию литературы народов Якутии.

Ключевые слова: литература народов Якутии, литература народов Севера, юкагирская литература, арктический компонент, вуз культуры и искусств.

Одной из дисциплин вариативной части учебного плана направлений подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» и «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в Арктическом государственном институте культуры и искусств (АГИКИ) является «Литература народов Якутии». Целью дисциплины является формирование у студентов представления о литературе народов Якутии, ее исторического развития, ху-

дожественного своеобразия национальных литератур (якутской, эвенской, эвенкийской и юкагирской), а также русскоязычной литературы.

Важнейшим разделом дисциплины является раздел «Литература народов Севера». Соответственно рабочей программе дисциплины блок состоит из трех тем: «Эвенская литература», «Эвенкийская литература», «Юкагирская литература».

Мы считаем, что для нашего института этот раздел является очень важным. Миссией АГИКИ является сохранение и приумножение потенциала культуры и искусства народов Севера России и их продвижение в российское и мировое культурное и образовательное пространство. В связи с этим очень значимым является изучение литературы народов Севера, так как в ней отражены национальные традиции и духовные ценности народов, населяющих Республику Саха (Якутия).

Изучение литературы народов Севера – неотъемлемая часть арктического компонента. Арктика, ее образы неизменно присутствуют в литературе народов Севера. Это позволяет сопоставлять их с произведениями других народов, проживающих в арктических регионах.

На наш взгляд, актуальность и важность изучения раздела «Литература народов Севера» не вызывают сомнений и обусловлены важнейшими для современного мира проблемами сохранения национальных культур и взаимоотношений человека с природой.

В современном литературоведении часто пишут о феномене литературы народов Севера. Это объясняется многими причинами.

Во-первых, развитие литературы народов Севера шло ускоренными темпами. «Литература народов Севера Якутии как отдельная художественная система с архаичными формами культуры начала свое становление с 1930-х гг., демонстрируя пример ускоренной эволюции, так называемой, “молодой литературы с древними корнями”. Этапы формирования этой литературы связаны с желанием авторов осознать собственную историю, этнокультуру, самоидентичность, адаптироваться к суровым условиям естественной среды обитания» [Бурцева 2020: 338].

Во-вторых, эти древние корни привели к тому, что литература народов Севера глубоко самобытна и колоритна: «Литература, мифы, фольклор, эпос народов Севера являются актуальным и в определенной мере убедительным источником для выявления в процессе целенаправленного литературоведческого исследования специфики национального характера, позволяют выстраивать мифологические и реальные модели многоликого мира» [Жулева 2018: 211].

В-третьих, как отмечает В.Б. Огорокова, «литература сильна, когда она на глобальные, мировые проблемы отвечает изображением собственной национальной жизни. Литература народов Севера на сегодняшний день выигрывает в этом плане более всех. Традиции писателей-северян XX века продолжают в творчестве современных писателей, каждый из которых непременно

становится заметным явлением в литературе и писателем со своим словом, со своим видением мира [Окорокова 2016: 308].

Тема «Юкагирская литература» подразумевает знакомство с творчеством основоположника юкагирской литературы Н.И. Спиридонова – Тэки Одулока и братьев Куриловых: С.Н. Курилова, Г.Н. Курилова – Улуро Адо и Н.Н. Курилова.

Прежде всего, студенты знакомятся с жизнью и творчеством зачинателя юкагирской литературы Н.И. Спиридонова – Тэки Одулока, с его произведениями «Жизнь Имтеургина старшего», «На Крайнем Севере». Творчество первого юкагирского писателя получило высокую оценку видных русских писателей М. Горького, А. Толстого и А. Фадеева.

Значимым явлением в литературе народов Якутии стало творчество С.Н. Курилова. Студенты знакомятся с содержанием его произведений: повестью «Встретимся в тундре», романами «Ханидо и Халерха», «Новые люди».

Еще одна заметная фигура литературы народов Севера – поэт и прозаик Улуро Адо (Г.Н. Курилов). Студенты знакомятся с его поэтическими, прозаическими, драматическими произведениями.

И, конечно же, нельзя не сказать о творчестве младшего из братьев Куриловых – Н.Н. Курилова. Его стихи и рассказы можно читать, изучая его творчество как художника, постигая мир Севера, жизнь юкагиров.

Таким образом, студенты имеют возможность через литературу прикоснуться к самобытной культуре юкагирского народа, почувствовать атмосферу жизни человека Севера.

В процессе преподавания целесообразно придерживаться принципа профессионально-ориентированного обучения. Так, студенты направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» готовят виртуальные выставки изданий поэтов и писателей. Студенты отделения «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» подбирали материал для видеоклипов по юкагирской поэзии с использованием репродукций картин первого юкагирского художника, поэта и прозаика Н.Н. Курилова.

Данный раздел предоставляет большие возможности для научно-исследовательской деятельности студентов. Студенты-библиотекари могут изучать издания произведений литературы народов Севера, а студенты-музеологи исследовать быт народов Севера, изучая произведения поэтов и писателей народов Севера. Так, в 2022 году студенты направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» Сысолятина Александра и Филатова Светлана подготовили доклад по творчеству Николая Курилова, который представили на I Всероссийской научной конференции «Гурвичевские чтения – 2022», II Всероссийской научно-практической конференции «Культурное наследие народов Северо-Востока РФ: проблемы и перспективы», посвященной памяти якутского исследователя-этнографа П.А. Слепцова, II Всероссийской заочной научной конференции школьников и студентов вузов и ссузов «Актуальные научные исследования студентов

и школьников: теория и практика – 2023 (на иностранных языках)», XXX Международном конкурсе научно-исследовательских работ «Перспективы в науке – 2022».

В дальнейшем мы планируем проводить внеаудиторные мероприятия, такие как литературные вечера, тематические концерты, совместно со студентами других отделений, например, со студентами отделения «Народная художественная культура».

Интересным было бы посещение мероприятий в музеях, библиотеках, театрах, посвященных литературе и культуре народов Севера.

Также студенты нашего института реализуют проекты, направленные на популяризацию произведений поэтов и писателей, проживающих на территории РС (Я).

Один из таких проектов – конкурс «Читаю на родном». Целью проекта является популяризация художественной литературы на родном языке, тем самым воспитание у молодежи чувства любви и уважения к родным языкам – языкам народов Якутии. В настоящее время некоторая часть молодежи не знает или плохо знает родной язык, не разговаривает на нем, не читает газеты и журналы, не слушает передачи радио и телевидения на родном языке. Даже те, кто хорошо знает родной язык, плохо знают родную литературу, не читают произведения на родном языке, не знают поэтов и писателей, пишущих на родном языке, и, следовательно, не приобщены к национальной культуре, которая так или иначе выражается в литературе того или иного народа. Это ведет к тому, что в той или иной мере национальные языки и национальная культура не сохраняются и не передаются из поколения в поколение. В нашей республике так обстоит дело не только с языками малочисленных народов, таких как эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский языки, но и с якутским языком. Одним из вариантов решения данной проблемы может быть формирование интереса подрастающего поколения к художественной литературе на родном языке в рамках предлагаемого проекта. Конкурс представляет собой выразительное чтение стихотворений или отрывков из прозаических произведений на языках народов, проживающих в Республике Саха (Якутия), и публикацию видеороликов в социальных сетях. На наш взгляд, это будет способствовать интересу к языкам народов России, в том числе малочисленным, а также повышению у молодежи интереса к чтению.

Еще один проект – конкурс «Книжный марафон». В 2022 году мы провели пилотный вариант конкурса в нашем институте. Конкурс был приурочен к Всемирному дню книги и авторского права, который отмечается 23 апреля. Цель конкурса – активизация интереса к книге, воспитание бережного отношения к книгам, к семейным домашним библиотекам, популяризация книжного коллекционирования. Конкурс-марафон состоял из нескольких этапов: «Самая старая книга в моей домашней библиотеке», «Самая большая книга в моей домашней библиотеке», «Самая маленькая книга в моей домашней библиотеке»; «Самая дорогая книга в моей домашней библиотеке (подарен-

ная дорогим мне человеком, с автографом автора и т.д.)». Конкурс проходил в следующем формате: надо было найти в своей домашней библиотеке книгу, подходящую по тому или иному параметру, сфотографировать ее, добавить небольшое описание, свои данные и отправить материал по электронной почте. Победители и все участники конкурса получили дипломы и сертификаты. На наш взгляд, такие проекты могут способствовать развитию книжного коллекционирования и интереса к книгам в целом. В этом году мы проводим такой же конкурс, посвященный книгам, изданным в нашей республике, на уровне республики и одним из этапов будет «Книга на языках народов Севера».

В целом, изучение литературы народов Севера, в частности юкагирской литературы, является, на наш взгляд, весьма перспективным направлением для расширения кругозора, развития творческих способностей и формирования исследовательских навыков студентов.

Список литературы:

Бурцева, Ж. В. Крайний Север как геопоэтический образ в литературе малочисленных народов Севера Якутии / Ж. В. Бурцева // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 30. – № 2. – С. 337–342.

Жулева А. С. Эволюция этнического самосознания в эпоху перемен (на материале литератур народов Севера) / А. С. Жулева // Нацестроительство: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 30 ноября 2018 года / Ответственный редактор М.А. Омаров. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2018. – С. 211–218.

Оорокова В. Б. Закономерности развития литератур народов Севера Якутии / В.Б. Оорокова // Научный электронный журнал Меридиан. – 2016. – № 1(1). – С. 26–27.

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮКАГИРОВ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ

УДК 39:902/908

ПО СЛЕДАМ ОХОТНИКОВ ЗА БИВНЯМИ: «СУМЕРЕЧНЫЕ» ЮКАГИРЫ

Бравина Розалия Иннокентьевна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск
bravinari@bk.ru*

Аннотация. По археологическим данным, древнейших обитателей Арктики можно назвать собирателями мамонтовой кости. Они нередко селились вблизи естественных скоплений мамонтовых костей, так называемых «кладбищ», представляющих собой природные ресурсы сырья для изготовления орудий, утвари и украшений. Выдвигается версия о том, что этот древний опыт частично усваивался последующими волнами переселенцев, в том числе и юкагирами, которые занимались сбором мамонтовой кости для хозяйственных нужд и торгового обмена. По преданиям, юкагирские роды осваивали и морские острова, где остались руины их древних поселений. Иногда дрейфующие льдины уносили островитян «за море», в Берингов пролив. Некоторым из них удавалось вернуться обратно. За скрытый образ жизни чукчи называли их «сумеречными тунгусами». Образ мамонта в культуре юкагиrow занимал значительное место, особенно в шаманских воззрениях и обрядах. В историческом контексте сбор ископаемой мамонтовой кости можно определить как локальную модель традиционного природопользования коренных народов Крайнего Севера.

Ключевые слова: Сбор бивней мамонта, арктические острова, миграции «за море», «сумеречные» юкагиры.

Древнейших обитателей Арктики образно называют «охотниками на мамонтов», хотя, как показывают археологические данные, их правильнее называть собирателями мамонтовой кости. Примером может служить Янская стоянка, возраст которой составляет 26,5–28 тысяч лет, расположенная на берегу одноименной реки, впадающей в Северный Ледовитый океан. Обитатели стоянки, судя по находкам костей животных в культурном слое, добывали в основном северных оленей, бизонов и лошадей. Мамонт, как объект добычи, почти не представлен, но зато найдено множество изделий из бивня, собранных, вероятно, с близлежащего «кладбища». Янские охот-

ники хорошо владели техникой его обработки: найдены предметы охотничьего вооружения и быта, украшения, часть которых орнаментирована. По мнению археологов, близкие узоры зафиксированы у юкагигов – одного из древнейших народов Арктики [Питулько 2012]. Конечно, это не говорит о прямом родстве современных юкагигов с охотниками на мамонтов, но может указывать на колоссальную устойчивость в культуре народов Арктики отдельных архетипов, которые зародились в глубочайшей древности, а потом воспринимались последующими волнами переселенцев.

Французский иезуит Ф. Авриль в 1687 г. писал, что из Сибири, помимо пушнины, вывозится «особенный род кости, белее и глаже слоновой, получаемой из Индии... Кость эту... обыкновенно находят в реке Лене или на берегах Татарского (Ледовитого – Р.Б.) моря. Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам москвитян, первые колонии, населившие Америку» [Алексеев 2006: 377–378]. И.А. Мусин-Пушкин – бывший интендант канцелярии Сибирского Департамента, предоставлявший ему сведения, писал: «За Обью находится огромная река, называемая Кавойна (Kawoına), в которую впадает другая, именуемая Лена (Lena). В устье первой из них, впадающей в Ледовитое море, есть большой и весьма населенный остров, весьма замечательный ловлею бегемотов, животного водоземного..., зубы коего весьма дорого ценятся. Островитяне часто приезжают к берегам моря за ловлею бегемотов, и так как ловля их требует много труда и времени, то обыкновенно привозят они с собой свои семейства. Часто случается, что захватывает их здесь вскрытие моря и бедняков уносит неизвестно куда на огромных кусках льду, отделяющихся один от другого. Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем» [Там же].

Кавойна, Ковыма – старинные названия р. Колыма. «Остров» против устья Колымы – это архипелаг Медвежьих островов, расположенный в ста километрах от устья реки. В 1763 г. острова посетил сержант геодезии Андреев, который находил следы пребывания людей: развалившиеся землянки, вкопанные в землю «юрты», лабазы. Бревна были «рублены и доски тесаны топором не железным, а каменным или каким костяным, подобно как зубами грызено» [Врангель 1948: 80–81]. В 1809 г. экспедиция во главе с М.М. Геденштромом обследовала Новосибирские острова, где были найдены «юкагирские сани и обделанную кость с выемкою, в которую вкладывался острой тонкой камень из шифера для сбития из оленьих кож шерсти (по-юкагирски аганжи)», а также «обделанный кусок мамонтовой кости наподобие чукотских топоров. Все сие доказывают, что были на тех островах юкагиры, с давних пор туда зашедшие» [Путешествие... 1822: 118–119]. М.М. Геденштром считал, что юкагиры посещали морские острова еще тогда, когда у них не было железных орудий (т.е. до прихода русских).

По преданию, записанному Г.Н. Куриловым в Нижнеколымском районе, алайцы в старину были многолюдным племенем. Жили по рекам Алазья, Большая Чукочья, а какая-то часть обитала на одном из островов Ледовитого океана. Однажды к ним пришли якуты. Алайцы, в знак приветствия воткнув копьё в землю, подпустили их совсем близко к себе, но якуты, неожиданно напав, многих убили. Оставшиеся в живых алайцы, разобрав свои чумы и погрузив вещи в нарты, двинулись к острову, где жили свои. Но на полпути их начали настигать враги. Тогда алайцы сложили все вещи поперек своего пути и сожгли. От большого огня начал таять лед и океан поглотил и алайцев, и их врагов. С тех пор алайский огонь появляется как полярное сияние – *алайшин лачилтэ* (букв. алайские огни), предупреждая живых о близком наступлении холодов [Фольклор юкагиrow 2005: 412–414, 512].

Эта печальная легенда указывает на то, что юкагиры, очевидно, проживали и на островах, откуда они направлялись как на запад, так и на восток [Туголуков 1986]. В.Г. Богораз в свое время записал рассказы колымских чукчей о таинственных «тунгусах», которых они называли «сумеречными» (*vaine gaaramkit*) или «травяными» (*vag-gaaramkit*), и говорили, что эти «тунгусы» живут «за морем», но иногда, под влиянием тоски по родине, возвращаются на материк, переплывая море, для чего между пальцами у них имеются перепонки. «Их можно видеть только в сумерки, когда их очертания смутно выступают в последних лучах угасающего заката». По преданию анадырских чукчей, «травяные тунгусы» одеты в платья из травы. Они будто бы нападают на одиноких детей, встреченных поодаль от жилья, и убивают их [см. Туголуков 1986: 98]. Не должно смущать упоминание в этой легенде «тунгусов», поскольку часто соседние племена так называли юкагиrow. В этой связи интерес вызывает якутское предание о древнем племени *хара сагыл* (букв. черные сагилы), от которых произошли *хара дьукаагырдар* (черные юкагиры), впоследствии перекочевавшие в тундру [Исторические предания и рассказы... 1960: 282].

По теории В.И. Иохельсона, юкагиры перешли Берингов пролив во время ледниковой эпохи, а после отступления ледника вернулись опять в Сибирь. Он проводил параллель между культурами юкагиrow и алеутов Северной Америки [Иохельсон 2005: 327, 333, 334]. Этой точки зрения придерживаются многие современные исследователи, в т.ч. д.ф.н. Г.Н. Курилов, который полагает, что «юкагиры и их культура могут быть связующим звеном между уральскими народами и некоторыми индейскими племенами Америки» [2001: 5].

По подсчетам современных исследователей Арктики, только на Медвежьих островах имеются следы примерно 20-ти древних жилищ, представляющих собой насыпь из земли и камней, диаметром около 6 м и высотой 1,5-2 м с круглым углублением посередине. Похожие древние сооружения были изучены Колымской экспедицией в 1946 г. на Большом Барановом мысе, где были проведены раскопки древнеэскимосского поселения. А.П. Окладни-

ков, руководивший археологическими изысканиями, отмечает, что почти все находки поразительно сходны с изделиями с Аляски и Чукотского побережья вдоль Берингова пролива [Окладников, Береговая 1971].

Итак, представляется несомненным, что юкагиры посещали острова Ледовитого океана, хотя и не жили там долго. Можно предположить, что острова служили местом, где они укрывались от врагов или же охотились на диких оленей, песцов и попутно собирали мамонтовую кость. Мамонтовые бивни служили основным, после пушнины, источником дохода для многих юкагирских родов [Иохельсон 1900: 167–168]. Юкагиры мамонтовую кость использовали и для своих нужд. Искусно делали из нее гребни, чашки курительных трубок, печати-матрицы местных князьков. Закрепляли тетиву с помощью двух костяных ушков из оленьего рога или мамонтовой кости [Иохельсон 2005: 556].

Наряду с «рогами» мамонта иногда находили кость, похожую на коготь птицы. «Самой большой из имеющихся у меня длиною 20 вершков, – писал М.М. Геденштрот. – По виду (кроме непомерной величины) они весьма сходствуют с кохтями птиц. Бродячие по берегам Ледовитого моря Юкагиры, стараются отыскивать сии когти. Из свежих выделывают они к лукам подкладочную кость, полагаемую под деревянную дугу лука для умножения его упругости... Юкагиры называют головы и кохти сии птичьими...» [Геденштрот 1830: 125, 126].

В юкагирских текстах среди шаманских духов присутствует *холхуй айби* (дух, тень мамонта), и шаман, имеющий его покровительство, считался самым могущественным [Иохельсон 1898: 105]. В.Г. Богораз в давно заброшенном амбаре на Большом Анюе, где жило «редкое население, помесь юкагиров с якутами», нашел шаманскую одежду, бубны и березовую дощечку с уникальным рисунком, нанесенным острием ножа. Она представляла собой прямоугольник, разделенный пополам. Одна часть была вымазана красной охрой, а другая зачернена графитом. На красной стороне были изображены звери, птицы и растения, а впереди – всадник верхом на олене. На черной – собаки, лошади, перед ними – мамонт, на спине которого стояла странная фигурка с двумя птицами в руках. Согласно объяснениям местных жителей, фигурка изображает существо с железными зубами, часто упоминаемое в сказках колымских юкагиров. Дощечка употреблялась шаманами для призыва духов. Красная сторона представляла собою белое шаманство и употреблялась при врачевании, а черная сторона обозначала черное шаманство и применялась для наведения злых чар [Богораз 1939: 38].

В XVIII в. юкагиры, издавна промышлявшие песок и «рога» на островах, начали присоединяться к промысловым артелям по сбору бивней мамонта. На добытой кости каждый промышленник вырезал ножом свою метку – тамгу. А верхнеколымские юкагиры, у которых сохранились «древние картинные письма», оставляли письма на бересте, рисуя кончиком ножа форму бивня и фигуры людей по количеству промышленников, нашедших

его [Иохельсон 1898: 105]. По данным В.М. Зензинова, ежегодная добыча, которая велась с середины июня до глубокой осени, могла составлять несколько тонн [Зензинов 1915].

На рубеже XIX–XX вв. увеличение добычи слоновой кости в Африке привело к кризису добычи мамонтовой кости. В наше время добыча ископаемой мамонтовой фауны стала стремительно возрождаться, что в значительной мере повлияло на современный уклад жизни и систему приоритетов в хозяйственной деятельности коренного населения.

Список литературы:

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.: введение, тексты и комментарии. Изд. 3-е. – Новосибирск: Наука, 2006. – 504 с.

Богораз В.Г. Чукчи. Часть II. Религия. – Л.: Издательство Главсевморпути, 1939. – 211 с.

Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. – М.; Л., 1948. – 246 с.

Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб.: В типографии медицинского департамента Министерства Внутренних Дел, 1830. 178 с.

Зензинов В.М. Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах // Природа. – 1915. № 7–8. – С. 979–991.

Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Т. 10, ч. 3. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1898. – 167 с.

Иохельсон В.И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи // Живая старина. – 1900. № 1–2. – С. 151–193.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Исторические предания и рассказы якутов: В 2 т. / под ред. А.А. Попова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 1. – 322 с.

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.

Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. – Новосибирск: Наука, 1971. – 213 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. – 2012. № 2. – С. 33–101.

Путешествие Геденштрома по Ледовитому морю и островам онога, лежащим от устья Лены к востоку // Сибирский вестник. – Ч. 18. – СПб., 1822. – Ч. 17–19.

Туголуков В.А. Предания об уходе юкагиров на острова и «за море» // Советская этнография. – 1986. № 6. – С. 94–100.

Фольклор юкагиров / сост. Г.Н. Курилов. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 25)

ДНЕВНИКИ В.И. ИОХЕЛЬСОНА – НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ЮКАГИРОВЕДЕНИЮ

Сирина Анна Анатольевна

*Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва
annas@iea.ras.ru*

Макаров Семен Семенович

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
г. Москва
others3@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается новый источник по юкагироведению – полевые дневники В.И. Иохельсона, хранящиеся в научном архиве Института восточных рукописей РАН и подготовленные авторами к печати. В.И. Иохельсон является основоположником юкагироведения в России, классической фигурой в истории российской антропологии и мирового североведения. Дневники относятся к периоду начала работы Иохельсона у группы лесных юкагиров в 1895 году в рамках Сибиряковской (Якутской) экспедиции и к завершению этой работы в 1897 году в Булуне в низовьях Лены. Обосновывается, что дневники дают возможность сопоставительного научного анализа содержащихся в них текстов с опубликованными работами Иохельсона о юкагирах. В дневниках содержатся некоторые неизвестные ранее этнографические, языковые, фольклорные материалы в сфере юкагироведения. Дается краткая характеристика юкагирского сообщества и его отдельных представителей. Имеются сведения об экономике, религии и других аспектах культуры юкагиров и других народов северо-востока и северо-запада Якутии. Дневники также проливают свет на личность и полевую работу ученого. Наконец, они позволяют пополнить копилку возвращенных с помощью ученых знаний в местные сообщества. Авторы поделились особенностями подготовки дневников Иохельсона к публикации.

Ключевые слова: история российской этнографии, конец XIX века, юкагироведение, североведение, В.И. Иохельсон, полевые дневники.

Классическими работами в сфере юкагироведения являются труды российского и американского этнолога Владимира Ильича Иохельсона (1855–1937). Они заложили фундамент современного североведения, включая юкагироведение, основываясь на котором, ученые – этнографы, антропологи,

фольклористы, лингвисты, религиоведы из разных стран изучают феномен юкагири, одного из древнейших народов северо-востока Евразии. К трудам Иохельсона как к первоисточнику обращается практически каждый исследователь языка и культуры юкагири. Ученый был автором первой монографии о юкагири, написанной на основе длительных полевых исследований, проведенных в Сибиряковской (Якутской) экспедиции 1894–1896/7 годов. В то время народоведческие научные дисциплины еще не размежевались, и Иохельсон изучал одновременно язык и фольклор, физическую антропологию и этнографию. Он заинтересовался культурой юкагири, проникся к ним эмпатией, что помогло собрать ценные полевые материалы. В ту пору юкагири еще не вполне владели русским языком (за исключением отдельных людей, например, информанта Иохельсона Алексея Долганова), но в большинстве своем знали якутский. Однако на первых порах степень владения Иохельсона этим языком была также невысока, он вынужден был пользоваться услугами переводчиков-казаков. Эти обстоятельства привели его к необходимости изучить юкагирский язык, что он и осуществил. Фундаментальная этнографическая работа о юкагири (изданная на английском языке в трудах Джебуповской экспедиции в 1926 году) лишь сравнительно недавно, в 2005 году, была переведена и опубликована на русском языке [Иохельсон 2005]. Издание было подготовлено якутскими учеными В.Х. Ивановым и З.И. Ивановой-Унаровой. С тех пор эта книга Иохельсона постоянно востребована в России.

Особый интерес представляют полевые материалы, которые лежат в основе опубликованной монографии. Экспедиционные записи Иохельсона хранятся в архивах России и США, а в целом его рукописное наследие находится на трех континентах в 13 архивах [Винтершладен 2022: 23]. В научном архиве Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге хранятся полевые (тогда они назывались путевые) дневники В.И. Иохельсона и Д.Л. Иохельсон-Бродской из Сибиряковской и Джебуповской экспедиций. Впервые к этим документальным источникам обратился И.С. Гурвич [Гурвич 1963].

Авторы этой статьи расшифровали два путевых дневника Иохельсона (мы благодарны Н.С. Гончарову за подготовку материалов к расшифровке). Первый относится к июлю–декабрю 1895 года – времени начала его работы с юкагири в Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–1896/97). Второй расшифрованный документ датирован 1897 годом и относится ко времени пребывания исследователя в Булуне в ожидании парохода до Якутска после работы счетчиком при проведении Всероссийской переписи населения 1897 г.¹ Из Якутска Иохельсон намеревался проследовать в центральную Россию в связи с окончанием срока ссылки. Нерасшифрованной

¹Научный архив Института восточных рукописей РАН (НА ИВР РАН), ф. № 631, д. № 15, лл. 1–106 и 138–173.

осталась часть записей юкагирского фольклора – сказки и др. с синхронным переводом из дневника 1895 года (Л. 73–95об.), а также Верхоянская тетрадь. Возможно, эта работа привлечет будущих исследователей.

Дневники содержат уникальные и часто первые в своем роде сведения по языку, верованиям, традиционной экономике юкагиrow, их взаимодействию с соседними народами, практически все материалы были получены «из первых уст» и путем непосредственного наблюдения. По ходу чтения записей читателю открывается постепенное «вхождение» автора в этнографическую работу, расширение его знаний по изучаемым традициям и методам полевой работы, кристаллизация мировоззренческой и научной позиции исследователя.

Иохельсон собирал материалы по всем аспектам культуры юкагиrow на основании имевшихся на тот момент этнографических программ. Дневник 1895 г. главным образом включает в себя сведения о традиционном быте, промысловых и производственных циклах хозяйства, повседневной жизни юкагиrow рубежа XIX–XX вв. При сборе материалов большое значение имел интерес ссыльного народника к теме социальной справедливости, прежде всего в экономических отношениях между лесными юкагирами и другими жителями этой местности – якутами, русскими, ламутами и др. Этой теме посвящено немало записей в дневнике. В той или иной форме Иохельсон постоянно наблюдал случаи дележа и обмена среди юкагиrow, и сам принимал участие в этом процессе, поскольку это помогало сблизиться с населением [См. подробнее: Сирина 2021].

В целом о большом внимании исследователя к изучаемой традиции, широте его интересов позволяет судить выработанная им система индексации полевого материала, обнаруженная нами в дневниках. Среди вынесенных Иохельсоном на поля тем находим (по мере убывания частоты): «Звероловство» / «Звериный промысел», «Рыбный промысел», «Записи фольклора – сказки и др. (шаманское)» с синхронным переводом, «Религия» / «Верования» / «Суеверия» / «Гадания юкагиrow», «Болезни» / «Лечение», «Семейные отношения» / «Общественные отношения» / «К культу предков» / «Обычное право» / «Женитьба», «Пища», «Мера пространства» и мн. др.

Пребывание в Булуне с 14 апреля по 27 июня 1897 г. наложило отпечаток на характер дневниковых записей Иохельсона. Здесь он собирал статистические сведения об экономическом положении населения, просматривал архивы Жиганской инородной управы, а также, предположительно уже в качестве самостоятельного исследователя, «произвел образцовую перепись хозяйств из различных частей улуса, около Жиганска, в устье Лены, островах Ленского архипелага, рр. Оленек и Анабар» [Иохельсон 1898: 17].

С точки зрения сегодняшнего дня бросается в глаза краткость паспортизации информантов в записях исследователя, если принять во внимание тот факт, что мы имеем дело с экспедиционным дневником. Часто она сводится к указаниям фамилий, в редких случаях – имен и занимаемых должностей лиц, от которых были получены те или иные сведения. Как правило, это по-

метки следующего вида: «...Островский, бывший конторщик у Я.О. Санникова...», «...купец Беляногов», «приказчик Сотников»¹ и т.п.

Для экспедиционных заметок В.И. Иохельсона 1897 г. особенно характерны фрагментарность и некоторая лапидарность стиля, отсутствие бытовых зарисовок, рефлексии собирателя, встречавшихся ранее. В этом отношении они больше напоминают краткие мнемонические записки или схемы, производимые «на память» с целью экономии времени или иных ресурсов, с тем, однако, чтобы иметь возможность впоследствии воспроизвести на их основе «развернутый» вариант подразумеваемой дескрипции или нарратива. Вполне естественно, что в сложившихся полевых условиях числовые данные понимаются собирателем как наиболее информационно емкие и вместе с тем трудные для запоминания сведения. Важно отметить, что записи при этом вовсе не создают впечатления хаотичных набросков случайного наблюдателя. При внимательном рассмотрении читателю открывается содержательный этнографический нарратив, безусловно, представляющий собой единый текст, подчиненный определенной программе. Точность и скрупулезность иных описаний этнографа достойна восхищения. По своей методологической новизне, непредвзятому восприятию поля, отношениями с информантами экспедиционная работа Иохельсона предвосхитила современные участвующий и феноменологический подходы в антропологии.

Многие материалы из дневника 1895 г. были опубликованы Иохельсоном, в том числе в англоязычной монографии о юкагирах. Что касается тетради 1897 г., то ее данные, по нашим наблюдениям, лишь в малой степени использованы автором в монографии «Якуты», написанной по-английски и вышедшей в США (разделы “Physycal Geography”, “Population of the Polar region”) и, по существу, еще не включены в научный оборот. Они представляют большой интерес в содержательном плане, поскольку касаются региона, и в наши дни крайне редко посещаемого этнографами. Уникальны записи хозяйственных маршрутов перекочевок местных жителей по островам (карта расположения этих островов с нумерацией, упоминаемая Иохельсоном, пока не найдена). Не меньший интерес представляют статистические данные об экономическом положении хозяйств, частные вопросы экономики обмена.

Работа по расшифровке дневников продолжалась более двух лет, с 2018 по 2020 годы, и потребовала от нас огромных усилий. Иохельсон вел дневник на русском языке. В документе имеются языковые и фольклорные записи на якутском, юкагирском, ламутском (эвенском) языках с переводами. Трудно было разобрать почерк Иохельсона, делавшего записи в полевых условиях в палатке, в пути, в самых разных обстоятельствах. «В пологе писать невозможно было от холода, а в уресе князя тесно, дымно и просто неудобно заниматься, особенно писать на полу», – читаем в дневнике². Значительная

¹ НА ИВР РАН, ф. № 631, д. № 15, л. 143 и др.

²НА ИВР РАН, ф. № 631, д. № 15, л. 27.

часть текста 1895 года была написана карандашом, часть – чернилами. Со временем карандашный текст выцвел, произошли его многочисленные утраты. В Булуне ученый жил в иных условиях: «На Булун приехал 13го Апреля <...> Впечатление довольно странное. Как будто культурное место после Колымы: стекло в окнах, некоторые дома с кровлями <...> Есть невзрачные юртенки, дома с плоскими крышами, здания из каюков (разобранных сплавных посудин. – А.С., С.М.)»¹. В Булуне Иохельсон жил, по-видимому, в доме. В дневнике он вел записи чернилами, что сказалось на оформлении и сохранности текста. Публикацию дневников мы сопроводили двумя видами комментариев: постраничными и концевыми. В постраничные комментарии вынесены различные пометки, надписи Иохельсона, относящиеся к оформлению текста дневников. В концевых комментариях мы дали пояснения и ссылки, касающиеся отдельных терминов, топонимов, имен и названий, которые встречаются в дневниках. Для облегчения ориентации читателя в тексте мы подготовили именной и географический указатели, написали вступительную статью.

Сопоставительный анализ дневниковых записей и данных, опубликованных в книге и статьях, может дать информацию об особенностях презентации Иохельсоном собранного научного материала, степень его трансформации или деформации при подготовке к печати. И такая работа уже ведется. С.С. Макаров сопоставил известное из англоязычной и русскоязычной монографий Иохельсона описание юкагирского шаманского камлания с его же дневниковыми записями 1895 года и пришел к выводу об их неполной идентичности [См. подробнее: Макаров 2022].

Кроме того, в дневниках можно найти этнографические факты, записи по языку и фольклору и другие сведения, которые остались за рамками книжного формата предыдущих изданий, но не утратили своей актуальности и могут представлять ценную информацию для современных исследователей.

Дневники дают возможность познакомиться с обстоятельствами и методами работы ученого, его взаимоотношениями с юкагирами. Эти данные не попали на страницы научных работ ввиду принятого в то время формата написания научных текстов.

В.И. Иохельсон был замечательным фотографом, он сделал уникальные снимки юкагириков, часть которых опубликована в его научных работах [Дьяченко 2022]. Эти фотографии, хранящиеся в российских и американском музеях, к сожалению, не имеют подробной атрибуции, неизвестны даты съемки многих кадров. Впервые мы предприняли попытку «привязать» фотографии к конкретным датам на основе анализа дневниковых записей Иохельсона, в которых он нередко упоминает о своих фотографических опытах. Изображения «оживили» текст, позволили увидеть ландшафты, лица людей, их одежду, занятия, приблизили ушедшую эпоху.

¹ НА ИВР РАН, ф. № 631, д. № 15, л. 143.

Работа по возвращению дневников Иохельсона в научный оборот представляется исключительно важной, имея в виду и те огромные изменения, которые произошли в культуре юкагиров за более чем 120 лет со времени их написания. Публикация дневников позволит пополнить копилку возвращенных в местные сообщества с помощью ученых знаний и дать импульс для укрепления этнической идентичности юкагиров на основе подлинных свидетельств прошлого.

В скором времени с книгой «Дневники В.И. Иохельсона из Сибиряковской (Якутской) экспедиции» можно будет познакомиться, составить свое мнение о новом источнике, использовать его в научных, образовательных и познавательных целях.

Список литературы:

Винтершладен М. Между политической борьбой и научными исследованиями: Владимир Ильич Иохельсон и его путь от послушного студента-раввина к решительному революционеру и титулованному этнологу // Полевые исследования В.И. Иохельсона / Сост. и отв. ред. Э. Кастен, А. Сирина. – Furstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022. – С. 11–51.

Гурвич И.С. Полевые дневники В.И. Иохельсона и Д.Л. Иохельсон-Бродской // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии / Труды Института этнографии, 1963. – Вып. 2. – С. 248–258.

Дьяченко В.И. Коренные жители Северо-Восточной Сибири в фотографиях В.И. Иохельсона из собрания МАЭ РАН // Полевые исследования В.И. Иохельсона / Сост. и отв. ред. Э. Кастен, А. Сирина. – Verlag der Kulturstiftung Sibirien: Furstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022. – С. 145–166.

Иохельсон В.И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов (с картой маршрутов) // Известия ВСОИРГО. – 1898. – Т. XXIX. № 1.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Макаров С.С. Камлание на реке Ясачная: к истории этнографического изучения юкагирского шаманизма // Полевые исследования В.И. Иохельсона / Сост. и отв. ред. Э. Кастен, А. Сирина. Furstenberg/Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2022. – С. 169–183.

Сирина А.А. В.И. Иохельсон в Сибиряковской экспедиции (по материалам дневника 1895 г.) // Этнографическое обозрение. – 2021. № 1. – С. 76–93.

О ШАМАНИЗМЕ ЮКАГИРОВ И ТУНГУСОВ ПО ЭКСПЕДИЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ В.И. ИОХЕЛЬСОНА

Алексеева Сардаана Анатольевна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,*

г. Якутск

alexeeva_sar@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы шаманизма у юкаги-ров и тунгусов по материалам, собранным В.И. Иохельсоном во время Северо-тихоокеанской Джезуповской экспедиции 1897–1902 гг. Будучи живым свидетелем трех шаманских камланий, он описал камлание на р. Коркодон, на р. Ясачной и в колымской тундре. Подчеркивается влияние тунгусско-якутской шаманской культуры на одежде юкагирских шаманов. Авторитет шамана был основан на его контактах с духами, но можно предположить, что значимость духов в верованиях юкаги-ров в очень большой мере явилась результатом якутских и тунгусских влияний. Показана значительная активность ассимиляционных процессов, поскольку уже тогда юкагиры соседствовали как с эвенями, так и с якутами. Влияние соседних народов сказалось в изменении характера юкагирского шаманизма, а воздействие духовенства вело его к уходу в подполье. Необходимо также отметить уникальный и единственный в своем роде, по мнению ученых, обычай хранения костей умершего шамана в качестве амулетов, что относится к числу некоторых специфических особенностей юкагирского шаманизма, хотя под влиянием соседних народов были утрачены многие древние черты шаманизма.

Ключевые слова: шаманизм, юкагиры, тунгусы, экспедиционное наследие В.И. Иохельсона.

Выдающийся исследователь-северовед В.И. Иохельсон, будучи в Северо-тихоокеанской Джезуповской экспедиции (1897–1902), провел глубокое исследование юкагирского этноса, рассмотрел этноконтактную зону проживания нескольких этнических культур в этнографическом плане. Им были реконструированы традиционные юкагирские верования, рассмотрены анимистические воззрения, сделана характеристика пантеона сверхъестественных существ, «добрых» и «злых» духов, традиционных представлений о загробной жизни юкаги-ров и т.д.

Будучи живым свидетелем трех шаманских камланий, В.И. Иохельсон описал камлание на р. Коркодон юкагирского родового шамана старика Самсонова по прозвищу Нэлбош и его зятя – тунгусского шамана Афанасия-Машка с Охотского моря. Отметил, в частности, огромное отличие в

технике исполнения юкагиrowского и тунгусского камлания. Так, он пишет, что «первая – плавная и ритмичная, убаюкивающая; вторая – неистовая и беспорядочная» [Иохельсон 2005: 279] и что «ни у одного из сибирских народов я не встречал столь яростного и неистового шаманского камлания» [Иохельсон 2005: 278].

Шаманское камлание на р. Ясачная В.И. Иохельсон описал со слов старика Спиридонова-Тюлях, женатого на вдове умершего шамана Кэрэкэ-полуть, «Старика-коряка», который в свое время перебрался жить к ясаченским юкагирам в качестве зятя. Не все его духи были юкагиrowскими, главный шаманский дух говорил через шамана по-якутски, но то, что шаман Кэрэкэ-полуть произносил на якутском языке, Тюлях диктовал это на юкагиrowском. В.И. Иохельсон отметил, что в этом камлании явно заметно влияние якутского шаманизма.

Третье шаманское камлание В.И. Иохельсон наблюдал у тундренных юкагиrow в колымской тундре. У шамана по фамилии Третьяков, он купил одежду, в которой тот камлал. Отметил, что особенность этого юкагиrowского камлания в том, что «шаман не спускается в Царство Теней, как в предыдущем камлании. Согласно верованиям юкагиrow, душа заболевшего человека уходит к умершим родственникам или становится жертвой злых духов, из лап которых ее нужно освободить» [Иохельсон 2005: 287].

Далее он рассмотрел одежду шаманов у юкагиrow и у тунгусов Охотского побережья. Экспедиционные материалы, собранные В.И. Иохельсоном на рубеже XIX–XX вв. свидетельствуют, что одежда юкагиrowских шаманов испытала на себе влияние тунгусско-якутской шаманской культуры. В то же время, как сообщали пожилые информанты Иохельсону, в прошлом ритуальная одежда их шаманов мало отличалась от обычной, разве только богаче была украшена кисточками и вышивкой подобно женской [Иохельсон 2005: 244]. Это утверждение, как отмечает Н.В. Плужников, «доказывает принадлежность юкагиrow к северо-восточному палеоазиатскому культурному комплексу, куда также относятся чукчи, коряки и ительмены. С другой стороны, народная память показывает сравнительно недавнее появление эвенкийско-якутского шаманского культурного комплекса у юкагиrow. К этому комплексу относятся, в первую очередь, железные подвески на ритуальной одежде, бубен с железной крестовиной-рукояткой внутри, а также железные рога на ритуальной шапке» [Народы Северо-Востока Сибири 2010: 670]. Подробное описание одежды тунгусских шаманов он дополнил иллюстрацией шаманского костюма северных тунгусов, живущих к востоку от р. Колыма, который был приобретен В.Г. Богоразом в селении Марково на р. Анадырь.

Отметим, что во время данной экспедиции В.И. Иохельсон собрал коллекцию из шести тысяч этнографических экспонатов, представляющих древнюю культуру, в том числе шаманскую, ламутов (эвенков), тунгусов (эвенков), коряков, чукчей и якутов, которая была отправлена в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке.

Юкагирский шаман *алма* (по В.И. Иохельсону, от глагола «*делать*») [Иохельсон 2005: 236], принимал важнейшее участие в жизни рода, выступая посредником между людьми и окружающим их миром благодетельных и злокозненных духов. По своей значимости он приближался к старейшине, возглавлявшему родовую общину [Прокопьева 2016: 72].

Авторитет шамана основан на его контактах с духами, но можно предположить, что значимость духов в верованиях юкагигов в очень большой мере явилась результатом якутских и тунгусских влияний. Таким образом, два факта представляются нам решающими в этом вопросе: с одной стороны – осознание юкагирами нынешнего упадка шаманизма предков; с другой же – сильные якутские и тунгусские влияния, заметные в сеансах современных юкагирских шаманов [Мирча Элиаде 2000: 774].

Впрочем, «искать во времена Иохельсона и позже какие-либо закономерности в этой области с точки зрения этнической традиции – дело неблагодарное и мало результативное, поскольку уже тогда юкагиры соседствовали как с эвенами, так и с якутами [Народы Северо-Востока Сибири 2010: 670].

О значительной активности ассимиляционных процессов говорили и приведённые исследователем данные переписи населения 1897 г.: только 126 юкагигов («47 в колымской тундре и 79 на реках Ясачной и Коркодон») владели юкагирским языком как родным, тогда как для 966 – им был уже тунгусский – подчеркивает современный исследователь А.А. Сулейманов [Сулейманов 2017: 172].

Если влияние соседних народов сказалось в изменении характера юкагирского шаманизма, то воздействие духовенства вело к тайному практикованию шаманизма. Поэтому «реальную роль шамана в юкагирском обществе представить довольно сложно по причине ранней христианизации юкагигов. Шаманство у них быстро ушло в подполье» [Народы Северо-Востока: 664]. Любопытно также, что «миссионеры сами верили в силу шаманских духов и в случае болезни они сами были не прочь обратиться к помощи шаманов» [Иохельсон 2005: 235].

Описывая одного из шаманов, В. Иохельсон резюмирует: «его случай (юкагирского шамана Н.П.) ясно выявляет тенденцию северного сибирского шаманизма выходить за этнические границы». По этому поводу К.Б. Шавров отмечал: «По числу объектов исследования отдельных народностей, по числу лет непосредственно полевых исследований – более десяти – Иохельсон превосходит многих русских этнографов ... Все его книги насыщены сравнительно-этнографическими данными; вопросы хозяйства, быта и культуры того или иного конкретного народа всегда трактуются Иохельсоном не изолированно, а в сравнении с оседлыми народами Азии» [Шавров 1935: 11].

Под влиянием соседних народов были утрачены многие древние черты юкагирского шаманизма, но все же некоторые специфические особенности сохранились. Среди них необходимо отметить «уникальный и единственный в своем роде, по мнению ученых, обычай хранения костей умершего шамана

Современное юкагиrowедение в контексте арктических исследований в качестве амулетов» [Жукова, Бурькин 2000: 130]. Этот древний комплекс юкагирского шаманизма – расчленение тела умершего родового шамана для изготовления из него фетишей, которые распределялись по родственникам, не был отмечен у других народов Сибири.

Итак, «перемены, происшедшие под влиянием русской культуры в религиозной, социальной и экономической жизни юкагиров, особенно заметны в шаманизме. Там, где шаманы еще встречаются, они утратили былую роль родового предка и стали обычными профессиональными шаманами, подобно тунгусским и якутским, основной функцией которых является излечение больных. Если раньше юкагирский шаман выступал как жрец и посредник между охотниками и духами-покровителями животных, то даже в этой важной сфере жизни юкагиров, роль шамана потеряла значение» [Иохельсон 2005: 243].

Таким образом, подытоживая вышесказанное, отметим, что юкагирский шаманизм имеет много общего с шаманизмом других сибирских народов, в то же время имеет свои отличительные особенности; шаманские ритуалы юкагиров в конце XIX-начале XX века испытали заметное влияние якутского и тунгусского шаманизма.

Список литературы:

Жукова Л.Н., Бурькин А.А. К изучению шаманства юкагиров // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. трудов. – Якутск: изд-во Якутского университета, 2000. Вып. 3. – С. 127–132.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Мирча Элиаде. Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев: «София», 2000. – 480 с.

Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – М.: Наука, 2010. – 773 с. (Народы и культуры).

Прокопьева П.Е. Предания о шаманах в системе несказочных жанров фольклора лесных юкагиров // Сибирский филологический журнал. – 2016. №3. – С. 70–78.

Сулейманов А.А. В. И. Иохельсон и научное изучение юкагиров Якутии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. № 1(13). – С. 170–175.

Шавров К.Б., Иохельсон В.И. // Советская этнография. – 1935. № 2. – С. 3–15.

ЮКАГИРСКИЕ АМУЛЕТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Жукова Людмила Николаевна,
*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов севера СО РАН,
г. Якутск*
zjukova@mail.ru

Аннотация. На северо-востоке Азии использование амулетов естественного и искусственного происхождения имеет древние корни. В аборигенной юкагирской культуре сохраняется применение галек и каменных плиток в утилитарных и магических целях. Особым вниманием пользуются гальки со сквозным отверстием. Выбор найденных предметов естественного происхождения, которые человек брал с собой, должен быть в известной степени осторожным: в нем могла находиться зловредная сила. В группу амулетов-защитников и помощников входят части животных и птиц. Амулетами удачи являются шкурки животных с кольцеобразными пятнами в окрасе. Если предмет уже побывал в руках знающего человека, он «заговорен» и «приручен», его могут передать другому человеку в благожелательных целях. Для обозначения глагола действия «защищать» в словарных материалах имеются несколько терминов: *арпаш/ворпаш, пашальаай, чанум*. Кроме предметов естественного происхождения существовали амулеты, изготовленные человеком, практика их появления связана с уважаемыми мужчинами преклонного возраста. У лесных юкагиров продолжает сохраняться языческая традиция сбора и изготовления разнообразных амулетов, в том числе *шаан шоромо* «деревянный человек», освященных шаманом посредством заклинаний.

Ключевые слова: юкагиры, язычество, амулеты, трансформация, традиция.

На северо-востоке Азии традиция использования мелких предметов из естественной природной среды имеет древние корни. На стоянках и в погребениях неолитического человека археологи находят кольца и бусины из речных раковин, поделочных камней, ожерелья из клыков, связки черепов мелких хищников и проч. Очевидно, предметы использовались не только для эстетических целей, сколько имели функции помощников, защитно-оберегательные, благопожелательные. Ярким свидетельством переживания древнеязыческих традиций, сохранившихся в конце XX – начале XXI вв., является функциональное использование юкагирами амулетов естественного и искусственного происхождения. Считается, что эти предметы наделены особой силой, помогающей владельцу.

Лесные юкагиры-собаководы (одулы) компактно проживают в с. Нелемное Верхнеколымского улуса РС(Я), сохраняют традиционный охотничье-рыболовный уклад хозяйства, наследуя его с древности. Публикации по аборигенной одульской культуре и наши полевые данные показывают применение галек и небольших каменных плиток в недавнем прошлом (конец XIX – конец XX вв.) в утилитарных и магических целях [Жукова 2015]. В теплое время года одулы ищут по речным косам небольшие камешки, гальки халцедона, сердолика и понравившиеся уносят с собой, хранят в качестве амулетов, берут с собой в дорогу, женщины используют для изготовления нагрудных украшений. Особым вниманием пользуются гальки со сквозным отверстием (рис. 1–4).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Изделия из камня: 1 – галька с естественным отверстием; 2-4 – женские нагрудные украшения. Мастерница Л.Н. Демина.

Тундровые юкагиры пришивают с изнанки, по низу спинки распашного кафтана кусочек ткани/кожи и помещают в него небольшой камешек-амулет. Существует вера, что в камешке заключена природная сила, способная защитить, помочь человеку в его делах и промыслах. Эта природная сила не подчинена какому-либо «хозяину», лишившись амулета, считают это неблагоприятным случаем. Выбор найденных предметов естественного происхождения, которые человек брал с собой, должен быть в известной степени избирательным и осторожным: в них могла находиться зловедная сила. Сказочный фольклор повествует о том, как две девочки в качестве игрушки нашли в лесу высокий камень, впоследствии превратившийся в людоеда [Жукова и др. 1989, № 26].

В группу амулетов-защитников и помощников входят также части животных и птиц (когти, зубы, копыто лося, высушенные части тела, клюв, хвост, голова птицы и пр.). Об этом юкагиры с. Нелемное сообщали следующее. А.В. Слепцова (1930–2010): одежда детей, например, спинка кафтана мальчика, у родителей которого часто умирали дети, имела защитные амулеты – когти, крылья, прочие предметы. В.Г. Шалугин (1934–2002): в группу магических помощников входят разнообразные охотничьи амулеты, привлекающие добычу, среди них хорошо вычищенное копыто лося (рис. 5).

Амулетами удачи являются шкурки животных с кольцеобразными пятнами в окрасе. Их хранят вдали от чужих глаз, берут с собой на промысел. Об истоках этой традиции от В.Г. Шалугина записан миф «Почему рысь зайца съедает», который повествует о том, как заяц-жених посылал невесте-рыси выкованные шаманом обручальные кольца. Кольца невесте не подошли, и она раздала их животным, с тех пор кольца сохраняются в окрасе и приносят удачу [Там же, № 3]. Средством зашиты, в том числе для лечения суставных болезней, служит высушенная ступня медведя (рис. 6).

Рис. 5

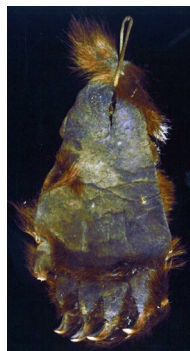

Рис. 6

Амулеты-помощники и защитники животного происхождения: 5 – вычищенное копыто лося; 6 – высушенная ступня медведя.

Если предмет уже побывал в руках знающего человека, он «заговорен» и «приручен», его могут передать другому человеку в благожелательных целях. Так, в сказке «Хамиздэ тодии» (Зуб-помощник) свёрток с зубом Сказочного Старика, полученный из рук мудрого старца, помог малосильному человеку в его делах. Название «Зуб-помощник» однозначно указывает на функциональное назначение оказания помощи: «Когда будешь что-нибудь делать, этим дотронься [до работы]», – сказал старик [Там же, № 32]. Другие амулеты имели защитное действие: например, названные выше предметы-охранители, нашитые на спинку одежды ребенка. Либо амулеты сочетали двойную функцию помощи и защиты. Для обозначения глагола действия «защищать» в словарных материалах одулов имеются несколько терминов (*арнаш/ворнаш, пашальаай, чанум*), не ясны их смысловые различия: указание на сугубо магическое действие, заимствования из других языков, синоним «беречь», иные причины [Иохельсон 2005: 477; Николаева, Шалугин 2002; Прокопьева, Прокопьева 2021].

Кроме предметов естественного происхождения существовали амулеты, изготовленные человеком. По материалам В.И. Иохельсона и нашим полевым, практика их появления связана с уважаемыми мужчинами преклонного возраста, знающими и пользующимися доверием. В.И. Иохельсон писал о

традиции изготовления *шаан шоромо* «деревянный человек», освященных шаманом посредством заклинаний и приобретении таким образом функции амулета *пайдудьайэ* («ударяющий, бьющий» от *пайду* «ударять, бить»?). Миниатюрные мобильные антропоморфные изображения из дерева были индивидуальными или семейными защитниками. «Эти деревянные человечки выполняют разные функции. Они – защитники детей и женщин, а также помощники путников и охотников... «Деревянных человечков» носили пришитыми к одежде или на бечевке под одеждой» [Иохельсон 2005: 221].

К этой группе относятся марко-амулеты *шаан шоромо*, вырезанные из дерева в память умерших шаманов, их развешивали на деревьях у горных троп, устьев рек, вблизи охотничьих угодий [Там же: 239]. Массивные *шаан шоромо* – воплощения родовых предков – оказывали покровительство, помощь и защиту всему роду. Вероятно, фигура *шаан шоромо* имела удлиненную остроконечную голову, почему В.И. Иохельсон назвал ее «человеком, подвешенным за косы». Остроголовость характеризует образ одульского предка. Исследователь записал имя предка по мужской линии *Йоодичиньул хаха* (Дедушка с Остроконечной Головой), обитавшего в самом нижнем ярусе подземного Мира теней [Там же: 222]. К сожалению, отсутствуют натуральные предметы или рисунчатые изображения мобильных и марко-амулетов «деревянных человечков» в одульской коллекции В.И. Иохельсона, хранящейся в Американском музее естественной истории.

Наши полевые материалы показывают функционирование традиции *шаан шоромо* в конце XX в. в трансформированном виде. С принятием православия личные языческие миниатюрные амулеты юкагириров заменены на крестики и иконы, новые фигуры родовых макро-амулетов, которые бы устанавливались в топографически и исторически значимых местах, давно не воспроизводились, функционально сохранились лишь семейные амулеты. В 1990–1991 г. шесть фигур мелкой пластики из дерева (тополь, тальник, высота 15–20 см) изготовлены знатоком языка, фольклора, национальных традиций и шаманских практик В.Г. Шалугиным [Жукова 2012: 31–33]¹.

На рис. 7 приведены сакральные фигуры: женского (а) и мужского остроголового (б) охранителей домашнего очага с общим названием *пэн йуойэ/йуодэ*; охранитель ребенка *ун йуойэ/йуодэ* втыкался острым концом в землю возле изголовья (в); охранитель промысла *нумэ йэкльиэ йуойэ/йуодэ* (г); два вместилища духов-помощников женщин, духов плодородия, выполнены в виде сковорододержателей с православными крестами в руках (д). У всех фигур руки согнуты в локтях и сложены на животе; фигуры мужская и детская трехпалые. Трехпалость наряду с остроголовостью и круглоголовостью являются предполагаемыми характеристиками образов предков одулов, кор-

¹В книге на с. 31 неверно указано, что у мужского охранителя не изображены руки; на с. 32 – сковорододержатели имели не только утилитарное назначение, но были вместилищами духов-помощников женщин, духов плодородия. – Л. Ж.

нами уходящие в наскальное неолитическое искусство Центральной Якутии [Жукова 2023].

Мелкая пластика охранителей семьи, ребенка и вместилища духов-помощников женщин включают элементы, визуально характеризующие культ предков. Отметим преобладание «круглоголовых» фигур над остроголовой (4х1). В наскальных рисунках Якутии раннего – среднего неолита (протоюкагиры) и позднего неолита – бронзового века (сложившаяся раннеюкагирская культура) антропоморфы выполнены охрой разных оттенков [Окладников, Запорожская 1972], по абрису они остро- и круглоголовые, иногда трехпалые, вместе же они составляют единый комплекс без явного преобладания одной из составляющих (рис. 8).

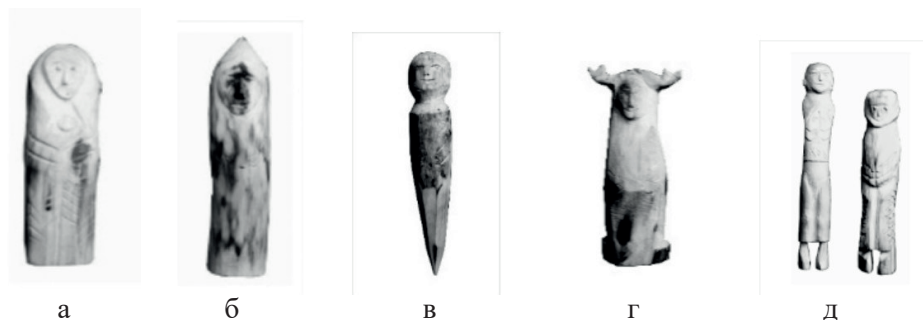

Рис. 7. Женский (а) и остроголовый мужской (б) охранители семьи *пэн йуойэ/йуодэ*; охранитель ребенка *ун йуойэ/йуодэ* (в); охранитель промысла *нумэ йэкльиэ йуойэ/йуодэ* (г); сковорододержатели, вместилища духов-помощников женщин, духов плодородия (д) [Жукова 2012]. 5-7 – изготовлены В.Г. Шалугиным, с. Нелемное;

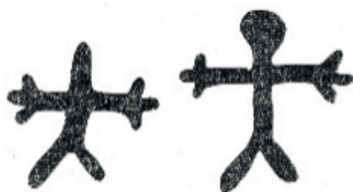

Рис. 8. Наскальные рисунки бассейна средней Лены. Неолит – бронзовый век [Окладников, Запорожская, 1972].

По прошествии почти 3–4 тысяч лет при сопоставлении плоскостных наскальных рисунков и современных объемных изделий из дерева *шаан шоромо* можно констатировать пролонгацию, по крайней мере, двух древних традиций: 1) современные антропоморфы наследуют абрисы острой и

круглой головы, причем с уменьшением % остроголовости; 2) у части этих фигур-амулетов обнаруживается еще и трехпалость верхних конечностей. Исследователи первобытного творчества считают, что монументальное наскальное искусство Якутии исчезает в раннем железном веке, и резонно поставить вопрос: с исчезновением монументального искусства была ли традиция изображения предков с выявленными характеристиками перенесена с монументальных носителей на мобильные, с наскальных росписей на «деревянных человечков»? Недавно выявлена тенденция переноса в тех же временных рамках лосиной темы с монументальных носителей на мобильные [Жукова 2021]. Причиной возросшей роли мобильного искусства было вторжение иноэтнических племен и переселение большей части древнего юкагирского населения из Центральной Якутии в северо-восточном направлении.

Относительно рогатой фигуры *нумэ йэжльиэ йуойэ/йуодэ* «за дом смотрящий», т.е. обзирающий пространство за домом. Лесные юкагиры вместо «пойти на охоту» говорят иносказательно «пойти за дом», что может рисовать картину обилия дичи в прошлом. Охранитель промысла имеет лосиные рога как символ основного объекта охоты и культового животного, антропоморфную личину и аморфно вырезанные туловище и ноги. Вся поверхность изделия покрыта резными рисунками животных, птиц и рыб. Охотничий амулет, по словам изготовившего его В.Г. Шалугина, ставили на тропу перед выходом на промысел и он, якобы, приобретал очертания тела и ног того животного, промысел которого был запланирован. Это весьма значимый амулет охотничьей магии, отпечаток отдаленных исторических времен перехода от монументализма к мобильной пластике, он также принадлежит к категории «деревянных человечков».

В описании В.И. Иохельсона амулет имеет другое название: *пэдьул-нэйэ шаан шоромох*, можно перевести как «деревянный человек с удачей/счастьем». «На этих деревянных человечках рисовали животных, птиц и рыб, и шаман при помощи заклинаний вселял в них *пэдьуль* животных. Это шаманское действие называлось *пэдьултэ*, т.е. снабжение деревянного человечка *пэдьулем*» [Иохельсон 2005: 221]. *Пэдьуль* следует понимать как души-тени всех промысловых особей, будь то лось/олень, птица, рыба. Шаман получал души наземных животных и птиц от Хозяина Земли, души рыб – у Хозяина Вод и души морских животных – от Хозяина океана.

Итак, приведенные примеры, разделенные одной сотней лет, демонстрируют пролонгацию, во-первых, промысловой магии; во-вторых, традиции изготовления соответствующих амулетов, в-третьих, скрытое функционирование шаманства и шаманских практик. Лесные юкагиры в конце XX в. продолжали сохранять в культурной памяти языческие традиции сбора и изготовления разнообразных амулетов, в том числе в ограниченной сфере бытования особого рода «деревянных человечков», освященных шаманом.

Список литературы:

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 2. Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Жукова Л.Н. Значение гальки и камня в традиционной культуре колымских юкагиров // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. № 3. – С. 15–20.

Жукова Л.Н. Лосиная тема и культ личинок в монументальном и мобильном искусстве аборигенов Якутии (к постановке вопроса) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2021. № 4. – С. 34–46.

Жукова Л.Н. Трехпалые персонажи юкагирского фольклора в историко-этнографическом контексте // Эпические традиции народов Евразии: проблемы и перспективы исследования. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения фольклориста, эпосоведа, д.ф.н. Н.В. Емельянова (Якутск, 2–3 декабря 2021 г.). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2023. – С. 199–210.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. – Ч. 1. – 161 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). – СПб.: Дрофа, 2002. – 224 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 271 с.

Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). – Новосибирск: Наука, 2021. – 412 с.

УДК 39(=554)

**ЮКАГИРСКИЙ СЛЕД В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ МАРКОВЦЕВ**

Шенталинская Татьяна Сергеевна

этномузыколог, независимый исследователь,

член Союза композиторов России,

г. Москва

vashent@mail.ru

Аннотация. Тема конференции побудила автора представить собранные воедино факты, наблюдения и выводы об автохтонном слое в традиционной культуре марковцев (русскоязычная метисная группа, живущая в поселениях

среднего течения р. Анадырь с центром в с. Марково). Частично они были опубликованы в разрозненных изданиях, возможно не вошедших в поле зрения юкагиrowедов [Шенталинская, 2003; 2004; 2010, 2016]. В результате освоения русскими северо-восточных пределов Сибири в среде потомков смешанных браков с женщинами из местных племен от отцов были восприняты русский язык, православие и русский фольклор, а от матерей – многие мифологические представления аборигенов края, почитание духов-хозяев природной среды. Это проявляется в сакральной и бытовой практике, в фольклоре. В статье приводятся факты юкагирского субстрата. Он заметен в сюжетах, мотивах и персонажах сказок, пиктограмме на бересте – рисованное объяснение в любви, в рудиментах забытого языка, в некоторых семейных обычаях и обрядах. Сохранение заветов и традиций предков-аборигенов объясняется, прежде всего, особенностью русскоязычных анклавов на северо-востоке Азии, в которых носителями русского языка и русского фольклора являются не жители диаспоры, а метисы, живущие в метрополии своих праматерей. Юкагирский субстрат, по-видимому, преобладающий здесь, поддерживался тем, что среди коренных жителей села Маркова по численности всегда преобладали чуванцы, одна из ветвей племени юкагиров.

Ключевые слова: марковцы, юкагирский субстрат, сказки, пиктограмма.

Село Марково¹ стало в середине XIX века центром русскоязычного анклава в среднем течении реки Анадырь. Невозможно определить однозначно происхождение старожилов Марково. В их родословной могли оказаться и коряки, и якуты, и омоки, и чуванцы². Начальник Анадырского округа пишет о первых годах XX века: «Население Марково давно слилось в однородную массу и по обличию, и по вере, и по языку, и по нравам, обычаям и приемам. Все находятся между собой в различных степенях родства или свойства... всех их принято называть “марковцами”» (выделение наше – Т.Ш.) [Сокольников: 121]. Это определение закрепилось в науке за группой русскоязычных метисов на Анадыре. Коренные жители все же осознавали себя как чуванцы, юкагиры, ламуты³.

Целью моих экспедиций в Марково⁴ была запись образцов, бытующего здесь русского песенного фольклора [Марковские вечера 1983; Марковские песни 2014]. Общение с жителями, опросы, наблюдения бытовой жизни, этнографическая литература, архивные материалы исследователей стали открывать автохтонные слои традиционной местной культуры. Наряду с

¹Ныне – Анадырский р-н Чукотского автономного округа.

²Из родословной марковца, краеведа-самородка, первого учителя марковской школы чуванца Афанасия Ермиловича Дьячкова [Стариков: 99].

³Это было закреплено и в советских паспортах старого образца. Названы основные национальности старожилов, другие национальности были представлены единицами.

⁴Первая экспедиция состоялась в 1966 г., последняя – в 2000 г.

христианской верой старожилками всегда почитались духи-хозяева природной среды и совершались соответствующие обряды благодарения, кормления, что свойственно аборигенам края – рыболовам-охотникам. Сакральные приоритеты из разных миров здесь сосуществуют, уступая друг другу место в зависимости от ситуации и необходимости¹.

Наряду с крещением детей совершалось отнесение пуповины новорожденного в лес и привязывание ее к дереву [Дьячков 1992: 222]. Имя ребенку выбиралось, исходя из веры в переселение в него души кого-то из предков [Дьячков 1992: 221–222], веры, продолжающей существовать у юкагиров [Иохельсон 2005: 233; Винокурова, Шадрин 2006: 93; Жукова 2012: 215–216; Прокопьева 2018: 212]. Еще в конце XIX века в семьях бытовало правило неговорения некоторых членов семьи друг с другом [Дьячков 1992: 224] – обычай юкагирской матрилокальной семьи [Туголуков 1979: 127–128].

В полевой тетради участницы Северо-Тихоокеанской экспедиции² Софьи Константиновны Богораз содержатся записи, сделанные в Маркове³, в том числе сказки, рассказанные чуванками Марией Алиной⁴ и Анной Созыкиной. Сказки в переводе на английский язык изданы в материалах Джезуповской экспедиции [Bogoras, 1918]⁵. Сюжеты, персонажи, ситуации, мотивы многих сказок типичны для сказок юкагирских. Повторяющиеся персонажи марковских сказок – **Мифический Старик-людоед или людоедка-Мифическая Старуха**. «Сказки о Мифических Стариках занимают первое место в юкагирском фольклоре» [Иохельсон 2005: 431]. В марковских сказках настойчив страх перед **каннибализмом**, неприятие его, а у самих людоедов – **запрет на поедание родников**, что типично и для юкагирских сказок [Иохельсон 1900: V; сказка № 3 и др.]. В некоторых сказках монстры-людоеды выглядят комическими героями. Обладая огромной силой, они уступали человеку в умственном отношении [Спиридонов 1996: 50], совершают «дурацкие» поступки и то, что с ними происходит, должно вызывать у слушателя смех⁶. Характерны в марков-

¹Особенность подобных анклавов в том, что носители унаследованных от отцов русского языка и фольклора, православия – метисы, живущие в метрополии предков по материнской линии.

²The Jesup North Pacific Expedition (1897–1903 гг.), так наз. «Джезуповская».

³СПФА РАН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 118а. Фонограф. Тексты к записям в Марково 1901 г.

⁴Мария Алина – активная информантка экспедиции. От нее были записаны не только сказки, но и русские песни, в том числе исторические и былины. На одной из фонограмм она называет себя «Колымская Марья» [Шенталинская 2015: 159, 160, 233–235].

⁵В американскую публикацию вошли 19 сказок, записанных на Анадыре, 16 из них – в Маркове.

⁶Обобщающий анализ фольклорного образа Мифического Старика сделан П.Е. Прокопьевой [Прокопьева 2011: 16–18].

ских сказках способы уничтожения носителей зла. Например, **сжигание**, что тоже типично для юкагирских сказок [Иохельсон 1900: № 20, № 23; Спиридонов 1996: 50]. Очистительная сила огня полностью уничтожает чудовище, не позволяет произойти реинкарнации [Жукова 2012: 226]. Или это **калечение детородного органа** [Иохельсон 2005: 356]. То есть, выражена идея пресечения не только **регенерации и реинкарнации**, но и **репродукции** «нечисти». Мотив о таком уничтожении монстра присущ юкагирскому фольклору [Прокопьева 2011: 18].

Сюжет одной из сказок связан с **инцестом**. Тема некогда актуальная, в разных версиях распространена в юкагирском фольклоре [Иохельсон 2005: 130–137].

В некоторых марковских сказках **монологи героев** переданы рифмованно или ритмизованно, очевидно, они **пелись**¹. Утверждение колдовской силы посредством магии песни характерно для героев юкагирского фольклора [Прокопьева 2009: 83]. Появление Мифического Старика с пением, что оповещает жертву о его приближении, – древний элемент сказочных текстов [Жукова 2012: 120, 123, 124].

В одной из сказок, начинающейся словами «Жил да бул [был] юкагир с юкагиркой»², поет женщина, сообщая мужу о приближении «нечистой силы», людоедки, названной здесь именем русской «мифической старухи» – Ягишной: «Вот вышла баба на улицу – Ягишна идет, значит, идол поганой. Она вошла в избу да и поет:

*Ке-ке-ке-ке-ке!
Чомунда галунда»*

Ответ мужа, скорее всего, тоже интонировался напевным речитативом. «А сто, – говорит:

*– скочу, так чемечина,
станы наденю, так чемечина,
кукаску наденю, так чемечина,
обуюсь, так чемечина,
куль схвачу, так чемечина,
лук схвачу, так чемечина,
стрелы схвачу, так чемечина»*³ [Bogoras 1918: 133–135].

Богораз предположил, что, странные слова из уст героев принадлежали чуванскому языку [Bogoras 1918: 133]. То есть, что это – рудименты забытого языка. Его предположение оказалось не безосновательным. Этнолингвист

¹См. публикацию сказок юкагирского происхождения с песенками, записанных на русском языке [Шенталинская 2004]

²СПФА РАН, фонд 250, оп. 1, ед. хр. 115. «Дневники В.Г. Богораза». В американской публикации сказки Богораз называет ее юкагирской и делает в сноске следующее пояснение: «Название племени юкагириров упоминается и в названии, и в тексте этой сказки» [Bogoras 1918: 133].

³Собирательница старалась передать особенности местного говора.

П.Е. Прокопьева (в беседе с автором) слово «чемечина» связала с юкагирским *чэмиэши* – ‘закончить, завершить’, переносно – «положить конец; прикончить», т.е. «конец придет Ягишне». А слова «чомунда/чомуна» связала с юкагирским чомоой ‘большой, крупный’ [Николаева, Шалугин 2002: 81]. У В.И. Иохельсона читаем: «Любой бросающийся в глаза объект любого класса обозначается термином чомо» [Иохельсон 2005: 426]. Баба восклицает «Чомунда», увидев приближающуюся Мифическую Старуху.

В ходе Джезуповской экспедиции Богораз записал сказку с сюжетом «свадьба птиц»¹. Сюжет известный в юкагирском сказочном репертуаре. [Фольклор юкагири Верхней Колымы: Хрестоматия 1989: 27–31]. Весной 2000 года в Маркове автором была записана версия той же сказки². Чайка решила выдать замуж дочку – Чаечку. Прилетают женихи: ворон, коршун... Мать отвергает их: один – *чёрнинькой и падаль ест*, другой – *серинькой да гавно ест*. Выбирает ястреба, он беленький, как и дочка, рыбку есть, как и дочка. И вот финал: «*Полетели Чайка с Ястребом. Дуук [вдруг]! Посреди реки тохко [только] одни киски летят. Он у нее, это брюхо-то распорол да съел её всю. Перья, одни перья летят. Чайка плачет: “Кишии! Киш! Киш! Киш! Моя дощка! На что я отдала! Лутьсе бы за Ворона отдала!”*».

Монологи чайки-матери поются (рис. 1, ноты)³:

Рис. 1

При рассказывании этой сказки предполагалось и звукоподражание, перед монологом одного из женихов исполнительница комментирует: «Летит [Коршун] – Я токо не знаю как они... Она, мама нам не говорила как они кричат-то». В данном исполнении изображается только голос Чайки⁴.

¹Зап. в Вакарево, вблизи Маркова. СПФА РАН, фонд 250, оп. 1, ед.хр. 115: лл.17 об.–18.

²Исп. чуванка Матрёна Егоровна Черногор, 1933 г.р. [Шенталинская 2004: 75–77].

³Целый ряд признаков напева типичен для мелодики аборигенов края.

⁴В сказке с тем же сюжетом, записанной на Нижней Колыме в пос. Черский, исполнительница подражала голосам всех птиц-женихов [Шенталинская 2004: 72–75].

В юкагирских публикациях сказки отсутствуют песенные вставки, так выразительно исполненные марковчанкой. Возможно, это случай сохранения марковцами произведения в том виде, в каком оно утрачено носителями языка.

Той же весной 2000 года автору был сообщен факт существования в Маркове рисованного на бересте объяснения в любви¹ [Шенталинская 2003]. Рисовали на бересте заостренной палочкой, обмакнутой в краску, приготовленную из ольхи (рис. 2).

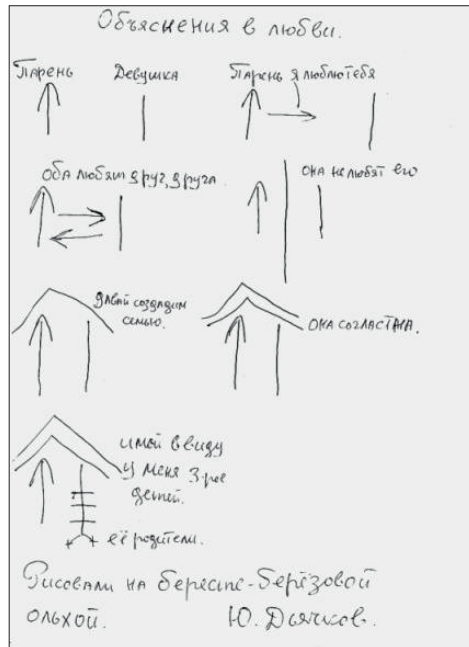

Рис. 2

Аналог марковского рисунка – в юкагирской пиктографии на бересте: тосы или *шангар шорилэ* – «письмо на коже дерева». Их существование было открыто в конце XIX века у юкагиров, живущих по рекам Ясачной и Коркодону [Шаргородский 1895, Иохельсон 1898]. Марковский рисунок – диалог парня и девушки, а не девичий монолог, как в юкагирском прототипе. Он намного лаконичней, рисованные образы обнажают инварианты этого древнего вида письма. Обнаруженный в 1959 году образец юкагирской пиктограммы [Юкагиры 1975: 57] по упрощенному способу изображения оказывается промежуточным между витиеватыми рисунками юкагирских девушек и однолинейными марковскими знаками.

¹Сообщил Юрий Борисович Дьячков (1962 г.р.), чуванец, прямой потомок рода А.Е. Дьячкова.

Фигура парня на марковском рисунке – символ человека-дерева, человека-стрелы, что связано с представлениями юкагиров о праотце, который имел остроконечную голову, и с человеком-деревом [Жукова 1988: 131] Символ дома-семьи, как укрывающего свода, здесь – двускатная крыша русской избы в отличие от плоского свода на юкагирских тосах. Наиболее интересна фигурка девушки-женщины, предупреждающей о своей несвободе – «дети, родители». Такой знак не встречается в известных нам юкагирских пиктограммах. Марковское изображение имеет аналоги с образами прародительницы, характерными для древних петроглифов Северной и Центральной Азии, относимых к концу каменного века. Троекратное пересечение вертикальной линии перекликается с графикой трехступенчатых фигур, символизирующих идею материнских поколений: прабабушка – бабушка – мать [Новгородова 1984: 43]. Эта фигурка с широко расставленными, согнутыми в коленях ногами – символ матери-роженицы [Новгородова 1984: 44]. Ноги оканчиваются крестиками, которые здесь толкуются как ее «родители» (подобие корешков). Вместе с тем, трехпалые конечности напоминают птички, что связано с мифологическими представлениями о душе-птице, смерти-отлете, с шаманским перевоплощением [Новгородова 1984: 49–51]. Заслуживает внимания сходство этой марковской фигурки с деталями китайского иероглифа «шоу» – долголетие, что также свидетельствует о связи ее с древним изобразительным архетипом женщины-матери [Новгородова 1984: 46]. Возможно, это символическое изображение уже не следует рассматривать в контексте юкагирского субстрата, и это заслуживает специального изучения.

Тема субстрата в традиционной культуре марковцев может внести свой вклад в юкагироведение. В среде, в которой происходило динамичное взаимодействие разнородных культур и сложилось по сути уже новое антропологическое единство, сохранялись унаследованные от предков артефакты, ставшие раритетами или раньше исчезнувшие в метрополии.

Список литературы:

Винокурова Л.И, Шадрин В.И. Лесные юкагиры Якутии: Состояние этнической культуры // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России / сост. Е. А. Пивнева. – М.: Стратегия, 2006. – С. 75–95.

Дьячков А.Е. Анадырский край // Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове: Магаданское книжное издательство, 1992. – С. 163–251.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб., 1900. – Ч. I: Образцы народной словесности. – 240 с.

Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону // Известия И.Р.Г.О. – СПб., 1898. Т. XXXIV. – Вып 3. – С. 255–290.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов

Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5).

Жукова Л.Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагиrow // Язык – Миф – Культура народов Сибири. – Якутск, 1988: Сб. научных трудов Як. гос. уни-верситета. – Вып 1. – С. 126–147.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагиrowской культуре. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

Марковские вечерки: Русские народные песни / сост. Шенталинская Т.С. Магаданское книжное издательство, 1983. – 36 с.

Марковские песни: Аудиодиск / сост. Шенталинская Т.С. – М., 2014.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагиrowско-русский и русско-юкагиrowский (верхнеколымский диалект): уч. пособие для уч-ся нач. шк. – СПб.: Дрофа, 2002. – 224 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: 1984. – 168 с.

Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения с картою. Записки Приамурского отдела Императорского Р.Г.О. Т.2, вып.1. – СПб, 1896. – 223 с.

Прокопьева П.Е. О двух циклах в фольклоре лесных юкагиrow (вопрос о сохранности и трансформации сюжетов) // Сибирский филологический журнал. – 2011. № 3. – С.14–23.

Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагиrowском фольклоре. – Новосибирск: Наука, 2009. – 142 с.

Прокопьева П.Е. Устная несказочная традиция юкагиrow. Новосибирск: Наука: Издательство СО РАН, 2018. – 308 с.

Сокольников Н.П. Охотничьи и промысловые звери Анадырского края // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Новая серия, т.36, вып. 1–2. – М. Л., 1927. – С. 121.

Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиrowы) Колымского округа. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.

Стариков В.С. К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова, первого марковского краеведа-самородка // Записки Чукотского краеведческого музея; вып. 2. – Магадан, 1961. – С. 99–100.

Туголуков В.А. Кто вы, юкагиrowы? – М.: Наука, 1979. – 152 с.

Фольклор юкагиrow Верхней Колымы. Хрестоматия / Сост. Л.Н. Жукова, И.А. Николаева, Л.Н. Демина. – Якутск: Изд-во Якутского гос. ун-та, 1989. Ч. 1. – 61 с.

Шаргородский С.М. Об юкагиrowских письменах // Землеведение. – М., 1895, № 2-3. – С. 135–148.

Шенталинская Т.С. Знаки любви // Живая старина. – 2003. № 3. – С. 9–14.

Шенталинская Т.С. Марковские сказки «на юкагиrowский склон» // Фольклор палеоазиатских народов: Материалы II Международной научной конференции «Фольклор палеоазиатских народов» (г. Якутск, 21–25 ноября 2016 г.). – Якутск, 2017. – С. 300–314.

Шенталинская Т.С. Фольклор [чуванцев] // Народы Северо-Востока Сибири. Серия «Народы и культура». – М.: Наука, 2010. (Раздел «Фольклор» в главе IV: Батянова Е.П., Шенталинская Т.С. Духовная культура.). – С. 486–498.

Шенталинская Т.С. Фонозаписи сибирского фольклора из Американских архивов // Фольклор. Ранние записи. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 145–271.

Шенталинская Т. С. Элементы традиционной культуры аборигенов в русско-

© З.И. Иванова-Унарова

язычных анклавах на северо-востоке Сибири // Славянская традиционная культура и современный мир; вып. 6: Сб. материалов научной конференции. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. – С. 68–80.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк. – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.

Bogoras W. Tales of Yukaghir, Lamut and Russianized Natives of Eastern Siberia/ Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. 1918. Vol. XX, Part 1. 149 p.

УДК 7.07:929Курилов

ЮКАГИРСКАЯ ГРАФИКА ОТ ПИКТОГРАММ НА БЕРЕСТЕ ДО ВАРИАЦИЙ НИКОЛАЯ КУРИЛОВА

Иванова-Унарова Зинаида Ивановна

Арктический государственный институт культуры и искусств,

г. Якутск

sign37@mail.ru

Аннотация. Пиктографические рисунки на плоскости дерева, кости и одежды, изображающие зверей, птиц и условные человеческие фигуры, известные с эпохи палеолита и распространенные по всему миру, не являются редким явлением и в традиционной культуре народов Севера Арктики. Уникальными являются юкагирские рисунки на бересте, «шаанхаар шорилэ», как называли их сами юкагиры, что означает рисунки на коре дерева. Сюжетное повествование древних юкагирских художников о Времени и Пространстве на кусочках бересты, зашифрованные любовные письма, не имеющие аналогов у других народов, рассматриваются автором в данной статье как раннее зарождение искусства графики, как вид изобразительного искусства среди северных народов. Существуют мужские рисунки-сообщения, изображающие карты местности, развернутые сюжетные композиции и зашифрованные женские любовные письма. Материалом исследования являются рисунки на бересте, сохранившиеся в оригинале в Американском музее естественной истории, впервые описанные и опубликованные автором в Каталоге «Материальная и духовная культура народов Якутии XVII – начала XXв. в музеях мира. Сибирская коллекция в музеях США», вышедшем небольшим тиражом в 2017 г. Древнее искусство своих предков продолжает в наше время профессиональный художник – живописец и график, писатель, поэт, фотограф и общественный деятель Николай Курилов. Его заслуги в искусстве энциклопедически обширны, но в данной статье речь идет об особенностях графического языка современного юка-

гирского художника, в творчестве которого народные основы вплетаются в канву глобального арктического мировидения. В работе использованы методы исторического, семиотического, эмпирического исследования берестяных рисунков в Американском музее и искусствоведческого анализа графических работ художника Курилова.

Ключевые слова: сюжетные рисунки, письма, символика, аппликация, офорт.

Среди многочисленных публикаций о рисунках на бересте выделяется капитальный труд ректора Европейского университета в Санкт-Петербурге, руководителя Центра социальных исследований Севера, члена-корреспондента РАН, профессора Н.Б. Вахтина «Юкагирские тосы» (2021). Автор проследил историю исследования тосов, начиная с конца XIX в., когда они впервые были обнаружены и опубликованы политическими ссыльными на Колыме С. Шаргородским, затем В. Иохельсоном, рассмотрел тосы в контексте системы рисуночного письма, выдвинул версии об их происхождении. Внимание исследователей сосредоточено на расшифровке знаков, их функции, форме и семантике [Вахтин 2021: 139].

Вслед за С. Шаргородским Н.Б. Вахтин применяет термин «*тос*» по отношению к рисункам на бересте, что в переводе с якутского означает “береста”. На юкагирском же языке нет слова «тос», а береста называется *пoньха-ар хаар* [Прокопьева 2021:242]. Целью издания книги Н.Б. Вахтин называет “дать полный и по возможности точный свод всего, что известно о тосах, начиная с того, сколько их: мне приходилось читать, что науке известно около 20 тосов” [Вахтин 2021:6,7]. В Приложении “Корпус тосов” приведены примеры 39 рисуночных копий с оригиналов, собранных в разные годы разными исследователями, в том числе выполненные знатоком старины юкагиром В.Г. Шалугиным, послужившим мостом между прошлым и настоящим. С ним же работала Л.Н. Жукова, по словам которой потомственный юкагирский мастер-умелец, охотник и рыбак сам начертил знаки-письмо на бумаге шариковой ручкой и объяснил их значение [Жукова 1996:85]. В книгу Вахтина не вошли 22 оригинальных рисунков на бересте, собранные В.И. Иохельсоном среди верхнеколымских юкагиров на реках Коркодон и Ясачная, хранящиеся в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, опубликованные в упомянутом выше Каталоге Американского музея. Из них Иохельсон расшифровал 12 писем-рисунков, разделяя их на реалистические и условные. Остальные рисунки не переведены на бумагу и читаются с трудом на кусочках бересты. О технике и функции рисунков существует достаточно много литературы, ранее я писала о них не только как средство коммуникативной связи, но как пример самой ранней письменности среди народов Севера [Иванова-Унарова 2017:36]. Но эти же письма-рисунки можно рассматривать как факт зарождения искусства графики. Рисунок, как известно, составляет основу любого вида пластического искусства, но представляет

также самостоятельную область изобразительного искусства. Юкагирские сюжетные рисунки имеют смысловое содержание, представляют хорошо продуманные композиции со взаимосвязанными фигурами, создают картину времени и пространства, часто наполнены эмоциональной выразительностью. Процарапанные иглой или острым кончиком ножа на небольшом кусочке бересты, рисунки точно передают не только контуры человека и животных, но и динамику движений и взаимоотношений. Сюжетные рисунки имеют разнообразную тематику. Преобладает тема охоты и повседневных занятий юкагиров. Из неопубликованных рисунков в коллекции Американского музея приведу лишь один пример, где ведется рассказ о необычных событиях, случившихся в стойбище. На поверхности одного кусочка бересты длиной 23, шириной 19 см. изображается два сюжета: слева традиционные сцены охоты, справа разворачивается драматическая история. Слева внизу охотник целится в сидящего зайца, поставив ружье на опору. Еще ниже человек с палкой гонится за двумя жирными линными гусями. Справа наверху четким контуром прорисована убегающая якутская лошадь; человек не смог ее удержать, выпустил из рук длинный поводок. Четко очерчены хвост и грива лошади, слабо намечены на ней седло и боковая попона *кычым*. Внизу виден падающий чум, рядом лежат одна лыжа и копьё. Чуть в стороне от них изображена женщина вниз головой; на ее коленях предмет, похожий на ящик или гроб, а в руке держит какое-то шитьё. Ниже тот же предмет, напоминающий уже очертание человека, туго связанного и положенного в гроб, вставлен в прямоугольное сооружение на двух столбах. Вырисовывается следующая картина: произошла схватка с конным якутом, юкагир убит, о чем говорят оставленные на земле лыжа и копьё. Якут не может догнать своего коня и бессильно падает, упершись рукой о землю. Женщина приготовила гроб для мужа и умерла за шитьем похоронной одежды. Чум юкагира осиротел и начинает падать. Мужчину похоронили по старинному обычаю на помосте на двух столбах. Йохельсон писал, что юкагиры сооружали воздушное захоронение в виде помостов на двух или четырех столбах [Йохельсон 2005:306]. На этом рисунке отражены отголоски сражений, которые временами происходили между юкагирами и якутами, тунгусами, чукчами. В отличие от рисунков-писем, сообщающих соплеменникам место и род занятий, здесь читаем продуманный рассказ художника, свидетеля подлинных драматических событий, изложенный последовательно и подробно, начиная со сцен мирной охоты, прерванной вторжением врага, короткой битвой, закончившейся поражением и смертью героев (Рис.1).

Единственное любовное письмо, сохранившееся в американском музее, написанное Йохельсону двумя девушками, расшифровано самим адресатом и много раз опубликовано в виде рисуночной копии письма. Зашифрованное специальными знаками письмо следует отнести к более высокой ступени графемы абстрактного символического языка графики.

Николай Николаевич Курилов, представитель тундренных юкагиров-ва-

дулов, не является прямым потомком лесных юкагиrow-одулов. Современный профессиональный художник широкого профиля, он владеет всей разнообразной техникой графики: литографией, офортом, акватинтой, сухой иглой. Рисует карандашом и шариковой ручкой, добивается живописной иллюзии передачи теней, освещения. Его неповторимый почерк особенно остро выражается в аппликации, которой художник владеет виртуозно. Ножницами вырезает из бумаги характерные силуэты фигур и тончайшие, как человеческий волос, линии приклеивает на бумаге. С рисунками на бересте он познакомился уже будучи профессиональным художником, но методика даже ранних его работ имеет генетическое сходство с берестяной графикой одулов. Пространство листов на бумаге так же строит на одной плоскости, размещая на ней множество фигур без привычных для академического искусства планов и перспективы. Выразительными средствами его графики являются линия, контур и силуэт. Аппликации из черной, белой и цветной бумаги корнями восходят к традициям северных народов, создававших декоративные элементы нарядной одежды из кусочков меха и кожи, приводя к гармонии цвет и материал. Курилов родился и вырос в тундре, кочевал с родителями в *анибе* – меховой колыбели на нартах. В графических листах, аппликациях и в живописи визуальные сказания о тундре, о людях и оленях передают мир собственных переживаний художника, любовь и тревогу за экологическую катастрофу в триптихе «Желтая смерть» и безжалостное истребление животных в аппликации «Два охотника» (Рис.2). Композиции строятся по кругу, ибо по словам художника, «в тундре нет углов, все круглое и мягкое». Выразительную роль играет форма рисунка – круги, пятна, точки, штрихи, спирали. Форма определяет содержание. Так, на игре крупных пятен строится серия «Люди и тени»; разнонаправленные штрихи создают живое ощущение медвежьей шкуры в офорте «Муньяхит», спираль означает циклические ритмы времен года в аппликации «Поздняя осень». Переплетение кругов и спиралей организуют абстрактные композиции, такие как «Шаман», «После удачной охоты». Внутреннее восприятие внешнего мира и его визуальное воплощение в искусстве Курилова при ярко выраженной национальной идентичности находит общие черты с искусством Северной Арктики, в частности с графикой канадских художников. Иллюзорное трехмерное пространство арктические художники строят по законам линейной и обратной перспективы. Ведущая роль силуэта и линий, плоскостность поверхности, особенность ритмики и эмоциональной выразительности составляют основу художественного стиля графики Арктики, его своеобразный семантический код.

Происхождение изобразительного искусства выдающийся историк и археолог А.Д. Столяр относит к эпохе палеолита на примере пещерных рисунков анималистического характера [Столяр 1985:13]. Юкагиrowские рисунки на бересте стоят на более высоком уровне интеллектуального творчества. Точность маршрутных карт, содержательность рисунков, продуманная ком-

позиция на плоскости очищенной бересты, применение символических знаков в любовных письмах – всё это позволяет отнести берестяные рисунки к зарождению графики как виду изобразительного искусства. Юкагирская графика в виде берестяных рисунков и творчество Николая Курилова, широко известного не только в России, составляет часть общей картины циркумполярного мира.

Рис. 1. Рисунок на бересте. № 70/8486. XIX в. 23x19 Американский музей естественной истории. Нью-Йорк. Фотограф М.В.Унаров

Рис. 2. Николай Курилов. Два охотника. 1999. Бумага, цветная аппликация, 69x54. Собственность автора

Список литературы:

- Вахтин Н. Б. Юкагирские тосы. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. – 208 с. : ил.
- Жукова Л. Н. Образ человека в пиктографическом письме юкагириков // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1988. – Вып. 1. – С. 126–147.
- Жукова Л. Н. Юкагирское пиктографическое письмо // Полярная звезда. – 1986. № 6. – С. 121–124.
- Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре: в 3 ч. Ч. 2: Мифологическая модель мира / Л.Н. Жукова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. – М.: Л.: Издательство АН СССР, 1954 – 838 с.
- Иванова-Унарова З. И. Николай Курилов – певец юкагирской земли // Культура и искусство Арктики. – СПб.: Международный Арктический центр культуры и искусств, 2015 – С. 51–55.
- Иванова-Унарова З. И. Рисунки на бересте как ранняя письменность юкагириков / Фольклор палеоазиатских народов // Материалы Второй Международной конференции. – Якутск: РИО медиа-холдинга, 2017. – С. 36–45
- Иванова-Унарова З. И. Неопубликованные пиктографические рисунки юкагириков на бересте // Вестник АГИКИ № 1 (7). – Якутск: ИЦ АГИКИ, 2017. – С 55–60.
- Иохельсон В.И. Юкагири и юкагиризированные тунгусы // Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5).
- Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.). Т. 1. Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. Иванова-Унарова З. И. – Якутск, 2017 (рус. англ. яз.). – 784 с.
- Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагириков). – Новосибирск: Наука, 2021 – 412 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 41)
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Издательство Искусство, 1985 – 298 с.: ил.
- Тимофеева В.В. Николай Курилов = Миколай Курилэу: Графика, Живопись. – Якутск: Бичик, 2012. – 156 с.: ил.
- Туголуков В. А. Кто вы, юкагири? – М.: Наука, 1979. – 152 с.

ЮКАГИРЫ ЯКУТИИ В XXI ВВ.: ЛОКАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Филиппова Виктория Викторовна

*Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск*

Filippovav@mail.ru

Аннотация. В статье представлены внутрорегиональные и локальные различия в динамике численности юкагирского населения Республики Саха (Якутия) по данным переписей 2010 и 2020 гг. Выявлены общие тенденции и пространственные различия в расселении юкагиров. Внутри районов компактного проживания юкагиров наблюдается миграционный отток в районные центры, что приводит к росту их числа в городских поселениях и снижению в сельских. В большинстве населённых пунктов, где переписью 2020 г. были зафиксированы юкагиры, их доля не превышает 10,0%. Два юкагирских поселения – с. Андриюшкино и с. Нелемное являются основными местами компактного проживания юкагиров, что подтверждается анализом абсолютных и относительных показателей, приведёнными в статье. На фоне общего увеличения численности юкагиров наблюдались различия: от сокращения удельного веса в Нижнеколымском и Верхнеколымском улусах и до роста в Усть-Янском, Аллаиховском и Среднеколымском улусах (районах). Соответственно, произошёл сдвиг в размещении юкагирского населения от трех колымских районов в восточную сторону – к низовьям рр. Яна и Индигирка. Таким образом, основным ареалом расселения юкагиров в Якутии по прежнему остаются северо-восточные районы.

Ключевые слова: юкагиры, расселение, перепись, Якутия.

Данная статья продолжает многолетние исследования автора по выявлению географических различий и особенностей в динамике населения малочисленных этносов Якутии на локальном уровне. Материалом для исследований послужили данные переписей 2010 и 2020 г. в разрезе низовых административных единиц. Выбор хронологических рамок исследования ограничен современным периодом в виду того, что в ряде научных статей проанализированы численность и расселение юкагиров до XXI в., [Иохельсон, 2005; Немировский, 2022; Одулок, 1996; Пространство жизнедеятельности..., 2020; Туголуков, 1979; Юкагиры (историко-этнографический) очерк], а в статьях автора подробно рассмотрены изменения, произошедшие XX в.¹

¹Список публикаций Филипповой В.В. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=178524

При написании данной работы использованы статистический, историко-географический и картографический методы.

Якутия в настоящее время является регионом компактного проживания юкагиrow, где их удельный вес в общей численности юкагиrow России по данным 2020 г. составляет 83, 7%. Несмотря на высокую долю, они в основном сконцентрированы на территории двух муниципальных образований (наследов): Суктул «Нелемский юкагировский наслед» и «Олеринский Суктул». Другими районами, где численность юкагиrow превышает 50 чел., являются: г. Якутск, Усть-Янский, Аллаиховский и Среднеколымский улусы (районы). Кроме г. Якутска, все районы являются историческими ареалами расселения юкагиrow.

Наибольший удельный вес юкагиrow от их общей численности в Якутии зафиксирован в Нижнеколымском улусе (27, 7%), наименьший – в Среднеколымском – 4, 3% (табл. 1). Если рассматривать долю юкагиrow от их общей численности в России по поселениям, то здесь на первое место выходит г. Якутск, где проживает 14, 9%, в с. Андрюшкино – 10, 7%, с. Нелемное – 9, 9%.

Таблица 1

Численность юкагиrow Якутии по данным переписей населения

	Численность юкагиrow по переписям населения (чел.)			Удельный вес юкагиrow от их общей численности в России			Удельный вес юкагиrow от их общей численности в Якутии		
	1989	2010	2020	1989	2010	2020	1989	2010	2020
Российская Федерация	1112	1603	1813	100	100	100	-	-	-
Республика Саха (Якутия)	697	1281	1518	62,7	79,9	83,7	100	100	100
НИЖНЕКО-ЛЫМСКИЙ РАЙОН	263	390	420	23,6	24,3	23,2	37,7	30,4	27,7
Национальное юкагиrowское муниципальное образование «Олеринский суктул» (с. Андрюшкино)	187	181	194	16,8	11,3	10,7	26,8	14,1	12,8
Чукотский национальный Халарчинский наслед (с. Колымское)	50	72	56	4,5	4,5	3,1	7,2	5,6	3,7

ВЕРХНЕКО- ЛЫМСКИЙ УЛУС (РАЙОН)	186	304	309	16,7	18,9	17,0	26,7	23,7	20,3
Суктул «Не- лемнский юка- гирский наслег» (с. Нелемное)	125	177	181	11,2	11,0	9,9	17,9	13,8	11,9
Верхнеколым- ский наслег (с. Верхнеко- лымск)	16	38	25	1,4	2,4	1,4	2,3	2,9	1,6
ГОРОДСКОЙ ОКРУГ ГОРОД ЯКУТСК	45	204	271	4,04	12,7	14,9	6,5	15,9	17,8
УСТЬ-ЯНСКИЙ УЛУС (РАЙОН)	10	94	181	0,9	5,9	9,9	1,4	7,3	11,9
АЛЛАЙХОВ- СКИЙ УЛУС (РАЙОН)	95	78	85	8,5	4,9	4,7	13,6	6,1	5,6
СРЕДНЕКО- ЛЫМСКИЙ УЛУС (РАЙОН)	26	50	66	2,3	3,1	3,6	3,7	3,9	4,3

Данные, приведённые в табл. 1, демонстрируют увеличение удельного веса юкагигов в общей их численности в России на фоне уменьшения доли в общей их численности в Якутии в местах их компактного проживания – Нижнеколымский и Верхнеколымский районы. Это происходит за счёт роста численности юкагигов в Усть-Янском, Аллаиховском, Среднеколымском улусах и г. Якутске. Так, в с. Усть-Янск численность юкагигов за 2010–2020 межпереписной период увеличилась на 31 чел., в с. Казачье на 29 чел., в с. Верхнеколымск на 25 чел., в с. Оленегорск – на 21 чел. В местах компактного проживания юкагигов наблюдается незначительное увеличение их численности: в с. Андрюшкино на 13 чел., а в с. Нелемное на 4 чел. Данный факт можно объяснить низким уровнем рождаемости в поселениях, где юкагиры являются преобладающим этносом, и механическим приростом в поселениях, где юкагиры составляют меньшинство среди других представителей малочисленных этносов. Сокращение численности юкагигов (на 16 чел.) зафиксировано в с. Колымское, что можно объяснить естественной убылью и выбором не-юкагирской национальности в пользу других этносов в смешанных семьях. Что касается изменений относительных показателей численности юкагирского населения, то здесь за рассматриваемый 2010–2020 гг. произошли несущественные изменения. В г. Якутске и Среднеколымском улусе доля юкагигов в общей численности населения осталась без изменений, в

Аллаиховском улусе увеличилась на 1, 0%, а в Нижнеколымском, Верхнеколымском и Усть-Янском улусах – на 2, 0%.

Одним из показателей компактности населения является коэффициент компактности расселения этносов, предложенный В.В. Сажиным. По вычисленным автором статьи данным, коэффициент компактности юкагиrow равен 1 в Суктуле «Нелемнский юкагиrowский наслег», что говорит о мононациональном составе жителей данного муниципального образования. В национальном юкагиrowском муниципальном образовании «Олеринский Суктул», где юкагиrow проживают совместно с эвенами, чукчами, якутами данный коэффициент имеет значение 0, 603. В других муниципальных образованиях, где численность юкагиrow превышает 50 чел., коэффициент близок к 0, что говорит о незначительной доле юкагиrow в этнической структуре. Так, в Харларчинском наслеге, граничащем с Олеринским Суктулом, значение коэффициента равен 0, 219; в Казачинском наслеге Усть-Янского улуса (района) и Юкагиrowском национальном наслеге Аллаиховского улуса (района) коэффициент компактности юкагиrow составляет 0, 028 и 0, 082 соответственно.

Другой показатель, характеризующий этническое расселение, это коэффициент этнотерриториальной общности, позволяющий уточнять этнические границы на территориях со смешанным расселением. Территорию, где коэффициент этнической общности рассматриваемой этнической группы имеет максимальное значение, по Ю.Г. Липец называют оптимальной этнической территорией [Коростелев, 1978]. Предпринятое автором вычисление данного коэффициента показало, что ввиду малочисленности юкагиrow (1281 чел.) значения данного показателя варьируются от 0, 0001 до 0, 03. В Аллаиховском, Усть-Янском, Среднеколымском улусах значение коэффициента этнической общности остается в пределах 0, 0001–0, 001. В Верхнеколымском районе ввиду моноэтничности жителей села Нелемное значение КОЭ варьировало от 0, 001–0, 02. Колебания значения КЭО юкагиrow в Нижнеколымском районе (с 0, 0001 в 1959 г. до 0, 02–0, 03 в 2010 г.) связано с полиэтничным составом жителей села Андрюшкино [Филиппова, 2022].

По данным последней переписи населения 2020 г. наибольшая численность юкагиrow, превышающее значение 100 чел., зафиксировано в г. Якутске – 271 чел., с. Андрюшкино – 194, с. Нелемное – 181. Наблюдается увеличение числа жителей в районных центрах: п. Черский – 163 чел., п. Зырянка – 85, п. Чокурдах – 73, п. Депутатский – 41, г. Среднеколымск – 36, что говорит о миграционном оттоке юкагиrow из сельской местности и роста горожан среди них. В местах своего проживания юкагиrow составляет большинство только в с. Нелемное (75, 0%), в остальных населённых пунктах распределение доли юкагиrow выглядит следующим образом: с. Андрюшкино – 26,2%, с. Оленегорск – 14, 1% и с. Усть-Янск – 10,5% (рис. 1). В других поселениях, где зафиксировано более 10 юкагиrow их удельный вес составляет менее 10%.

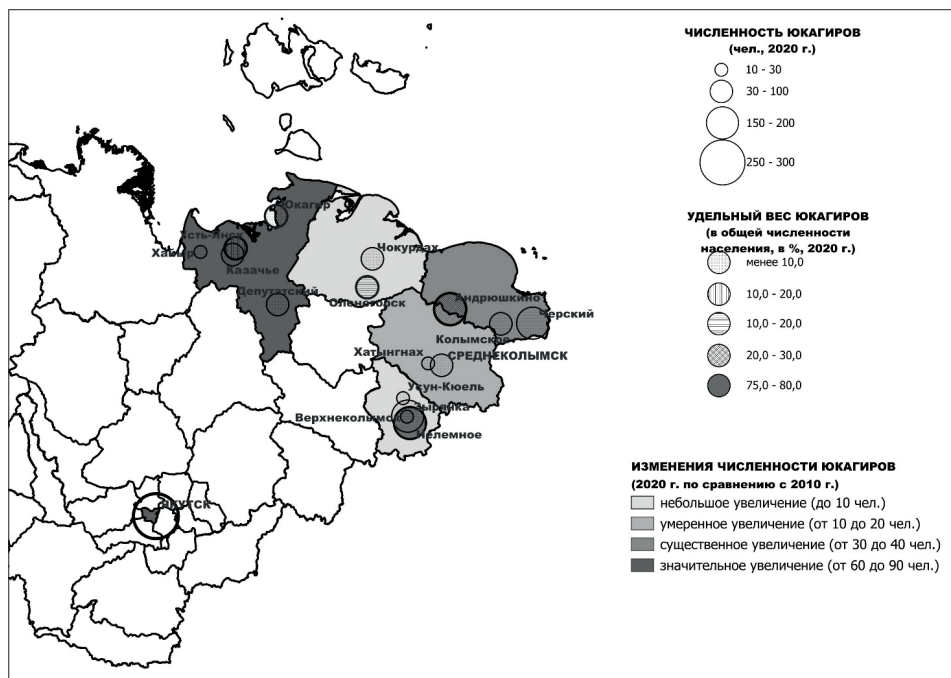

Рис. 1. Пространственное размещение юкагигов на территории Якутии по данным переписи 2020 г. (©составлено автором)

Таким образом, за 2010–2020 межпереписной период абсолютная численность юкагигов увеличилась на 237 чел., а удельный вес от их общей численности в России на 3, 8%. Определённую положительную роль сыграли региональные меры поддержки коренных малочисленных народов Севера. За рассматриваемый период можно наблюдать различия в динамике численности юкагигов по муниципальным образованиям – существенно увеличилось количество представителей юкагирского этноса в Усть-Янском районе и в г. Якутск, тогда как в местах их традиционного проживания зафиксирован рост в пределах 10 чел. Во всех районах проживания юкагигов имеется общая тенденция миграционного оттока из сельских поселений в районные центры и в г. Якутск. Уменьшение удельного веса в традиционных районах расселения юкагигов связано с увеличением их доли в двух улусах – Усть-Янском и Среднеколымском.

Изучение локальных различий в расселении юкагигов на уровне поселений показало, что наибольшая численность проживает в с. Андрюшкино, однако, удельный вес юкагигов высок в с. Нелемное. В данных поселениях наблюдается тенденция снижения доли юкагигов от их общей численности в России и Якутии. Однако по сравнению с другими районами по всем абсолютным и относительным показателям численности населения данные

муниципальные образования остаются основными местами компактного проживания юкагиrow.

Список литературы:

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагиrowского языка и фольклора, собранные в Колымском округе / В.И. Иохельсон; [сост. к. и. н. Л.Н. Жукова; предисл. искусствоведа З.И. Ивановой-Унаровой]. Репринт. изд. – Якутск: Бичик, 2005. – 271 с.

Коростелев А.Д. Об одном возможном применении коэффициента этнотерриториальной общности // Советская этнография. – 1978. – №2. – С. 63–71.

Немировский А.А. Юкагиrowские подразделения («роды») и их именованя в конце XVIII – первой половине XX в. – М.: ИВИ РАН, 2022.

Одулок Т. Одулы (юкагиrowы) Колымского округа / Н.И. Спиридонов; Российская Академия наук, Сибирское отделение, Институт проблем малочисленных народов Севера; [редколлегия: Горохов С.Н. (ответственный редактор), Курилов Н.Н., Шадрин В.И.]. – Якутск: Северовед, 1996. – 79 с.

Пространство жизнедеятельности «исчезающего» этноса: юкагиrowы Якутии в XX–XXI вв. / В.В. Филиппова, А.А. Сулейманов, В.И. Шадрин [и др.]; – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 321 с.

Сажин В.В. Математические методы в советской этнической географии // Советская этнография. – 1989. №1. – С. 122–127.

Туголуков В.А. Кто вы, юкагиrowы? / В.А. Туголуков; [отв. ред. д.ист.н. Р.Ф. Итс]; Акад. наук СССР. – Москва: Наука, 1979. – 151 с.

Филиппова В.В. Этнотерриториальная общность коренных малочисленных народов Якутии // Географические исследования в контексте социально-экономического развития регионов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвящённой 75-летию кандидата географических наук, доцента, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Ахмеда Лечаевича Устаева. – Грозный, 2022. – С. 160–167.

Юкагиrowы: (историко-этнографический очерк) / [авт.: З.В. Гоголев и др.]; отв. ред. акад. А.П. Окладников; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975. – 241 с.

Научное издание

**СОВРЕМЕННОЕ ЮКАГИРОВОВЕДЕНИЕ
В КОНТЕКСТЕ АРКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Материалы всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 85-летию известного юкагирского ученого, поэта,
общественного деятеля Гавриила Николаевича Курилова-Улуро Адо
(Якутск, 27–28 апреля 2023 г.)

Технический секретарь *А.А. Помогаева*

Редактор *Ю.Ю. Апросимова*

Компьютерная верстка *А.Н. Степанова*

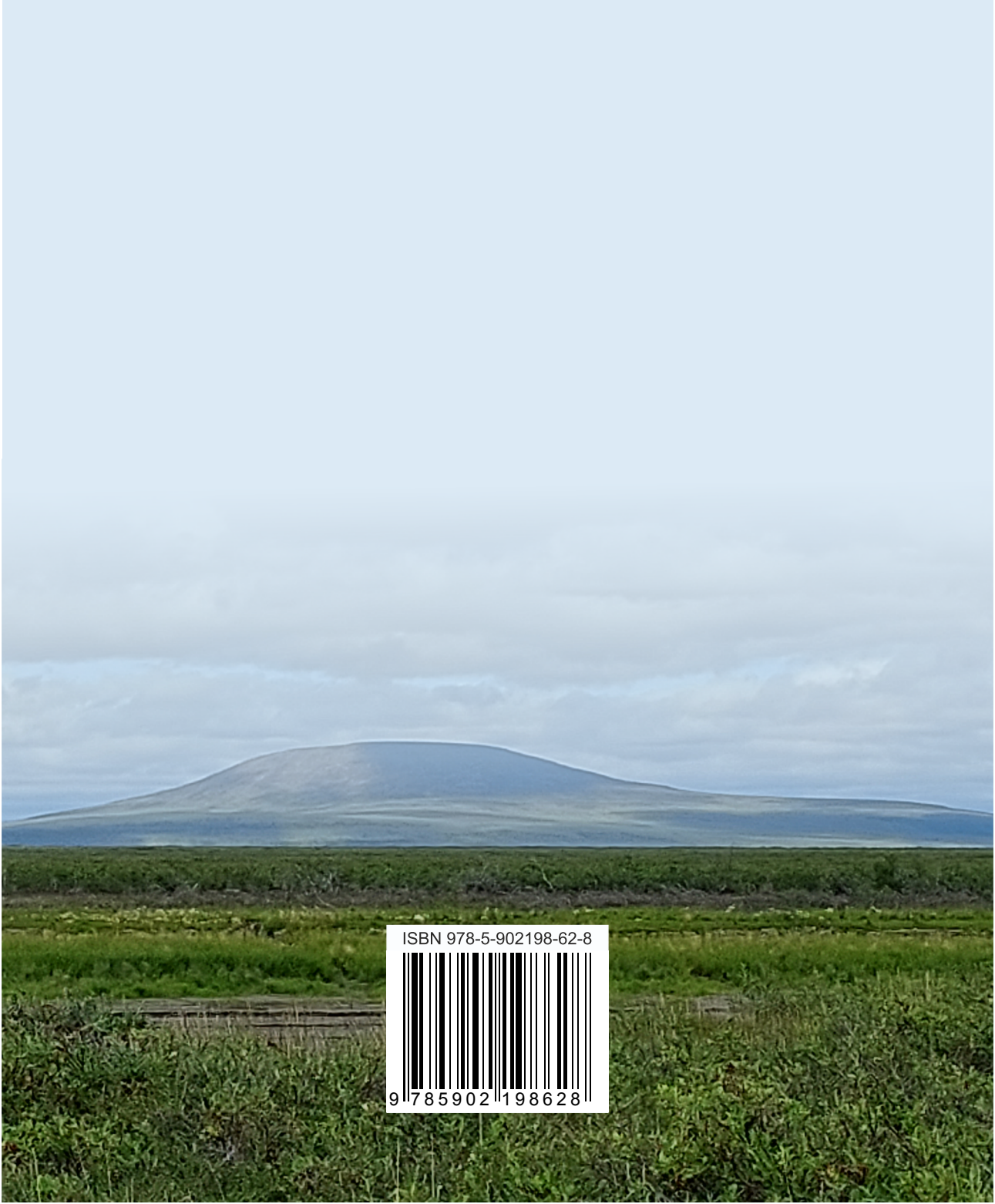
Дизайн обложки *В.Т. Борисов*

Подписано в печать 29.11.2023. Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Усл.п.л.12,75. Уч. изд. л. 15,35.
Тираж 100 экз.

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: +7(411)236-14-49

Е-mail: inip@ysn.ru

Официальный портал: www.igi.ysn.ru

ISBN 978-5-902198-62-8

9 785902 198628